

**Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования**

Русской Православной Церкви

**«Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»**

На правах рукописи

Чайкин Тимофей Константинович (иерей)

**ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЦЕРКОВНАЯ
ЖИЗНЬ НА ДОНУ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ (1917-1922 ГГ.)**

26.00.01 «Теология»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата теологии

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

доцент

протоиерей Марченко

Алексей Николаевич

Москва-2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ДОНУ В 1917–1919 ГГ.	
1.1. Революционные потрясения и жизнь Донской и Новочеркасской епархии в 1917 г.....	27
1.2. Донская и Новочеркасская епархия в 1918–1919 гг. Учреждение Всевеликого Войска Донского, политика войскового правительства по отношению к Православной Российской Церкви.....	57
1.3. Всевеликое Войско Донское в воззрениях архиепископа Митрофана (Симашкевича) и епископа Гермогена (Максимова).....	89
2. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1921 ГГ.	
2.1. Разгром «белого движения» и установление на Дону власти большевиков. Административно-территориальные реформы.....	99
2.2. Реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Донской области.....	106
2.3. Преследования духовенства в 1920–1921 гг.....	143
ГЛАВА III. ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1921–1922 ГГ.	
3.1. Антицерковные кампании 1921–1922 г.....	156
3.2. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 г.....	168
3.3. Возникновение обновленческого раскола в Донской области в 1922 г.	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	220
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	228

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В российском обществе в настоящее время происходят сложные, неоднозначные процессы, связанные с одной стороны с общемировыми тенденциями размывания или забвения духовных ценностей, на которых строилась европейская цивилизация. С другой стороны – с попытками воссоздания (обретения) общенациональной идентичности и государственного строительства на основе стратегий возрождения традиционных ценностей. В данные процессы, обусловленные ломкой прежних идеологических парадигм, мировоззренческими и социально-политическими трансформациями, вовлечены все социальные институты и общности, от которых требуется творческий ответ на вызовы времени.

В последние десятилетия со стороны Российского государства и со стороны Русской Православной Церкви звучат призывы о необходимости возрождения традиционных духовных ценностей российского общества, предпринимаются целенаправленные меры поддержки социальных институтов – Церкви, семьи и ряда других, сопряженных исторически и являющихся фундаментом формирования личностной и социальной идентичности на основе этих ценностей. На Дону к таким социальным институтам относится такая социокультурная общность как казачество.

Принятие «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»¹, стало важнейшим событием дискурса российской идентичности и национальной политики. Документ акцентирует внимание на моменте духовной общности народа Российской Федерации, которая основывается на определенных традиционных духовных ценностях и общероссийском патриотизме. Другой документ – «Стратегия

---

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://graph.document.kremlin.ru/documents/1644521?items=1&page=3> (дата обращения 20.10.2020).

государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» определяет, что «российское казачество – исторически сложившаяся на основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу»², а своей целью имеет «привлечение казачества к несению государственной или иной службы», в том числе, «к участию в мероприятиях, направленных на укрепление гражданского единства, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве»³. Данная стратегия относит российское казачество к социальным партнерам государства по обеспечению национальной безопасности и благополучия граждан, к такой социокультурной общности, на которую (помимо иных) возлагается миссия по формированию духовной общности русского народа за счет трансляции общей исторической памяти и развития чувства патриотизма и служения Родине. Фактически признается родство ценностей и культурно-исторических традиций российского казачества с традиционными российскими ценностями, что и определяет его государственную поддержку. При этом признается важность научных исследований по истории культуры российского казачества.

Позиция Русской Православной Церкви в отношении российского казачества состоит в том, что, разделяя отношение государства к казачеству как к государственному служению и консолидирующей социокультурной общности, подчеркивается историческая и ментальная связь казачества с духовными ценностями православной веры.

При этом история взаимоотношений казачества с государством в XX веке рассматривается как неоднозначная, приведшая на определенном –

---

² Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». ГАРАНТ-РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения 20.10.2020).

³ Там же.

советском этапе истории России – к нарушению преемства духовно-культурных традиций казачества, искажению его исторической памяти вследствие репрессивных законодательных актов и действий власти, начиная с 1918 г. Положительным моментом признается изменение политики государства в постсоветский период в отношении российского казачества, понимание и поддержка его роли как социального института, поддерживающего традиционные духовные ценности и осуществляющего государственное служение.

Выступая на прошедшем 14 октября 2015 г. в г. Новочеркасске V Всемирном конгрессе казаков на тему «Казачество: единство, Церковь, Родина», Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил «глубинное содержание самого казачества как явления, как очень важного исторического феномена, имеющего потенциал развития и совершенствования в условиях современного Российского государства»⁴. Первосвяtitель обратил внимание на функцию казачества «по охранению духовно-культурных традиций Отечества» на основе верности Церкви. Он подчеркнул, что казачеству исторически было свойственно не только эффективное воинское служение, но и поддержка традиционных духовных и семейных ценностей, и в особенности – «христианское понимание своего долга и служения» и отстаивание христианских нравственных идеалов. Выступая 5 декабря 2013 г. в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя на открытии Первого большого съезда казачьих духовников «Православие – духовно-нравственная основа казачьего мировоззрения» Святейший Патриарх акцентировал внимание на том, что именно православная вера и любовь к Отечеству, принадлежность к жизни Церкви была «единым фундаментом» образа жизни казачества. «Казак» и «православный» можно считать тождественными понятиями. По мнению

---

⁴ Казачество: единство, Церковь, Родина (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на V Международном конгрессе казаков). Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4245143.html> (дата обращения 20.10.2020).

Святейшего Патриарха Кирилла, «сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории... Именно в казачестве преимущественно сохранялись патриотизм, глубокая воцерковленность, жертвенная готовность защищать наши ценности. Именно поэтому казачество и подверглось жесточайшим репрессиям, пострадав, может быть, больше, чем какая-либо иная социальная группа старого общества»⁵.

Таким образом, необходимым условием возрождения российского казачества на современном этапе должно стать развитие церковной жизни этой социокультурной общности и воссоздание на этой основе различных исторических форм ее существования и традиций.

Возрождение российского казачества как уникальной самобытной культурно-этнической общности невозможно без восстановления исторической памяти, написания подлинной документальной истории казачества как в дореволюционный, так и советский период, исключаяющей как мифологизацию и идеологические «штампы», так и намеренную фальсификацию исторических событий.

Возрождение казачества и его духовно-нравственных традиций во многом зависит от темпов разрешения большого комплекса взаимосвязанных теоретических проблем»⁶. В том числе принципиальное значение и высокую степень актуальности имеет исследование актуальных вопросов истории Русской Православной Церкви на территориях, традиционно заселенных казаками, в том числе на Дону.

Воцерковление современного казачества и реанимация его исторической памяти на современном этапе невозможны без учета опыта церковно-государственных отношений в трагический для Русской

⁵ Казачество и Православие. Сайт «Казачество России». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // <http://kamil.ru/kazachestvo-i-pravoslavie> (дата обращения 20.10.2020).

⁶ Сараева Г.Н. Духовно-нравственные традиции казачества, их специфика и влияние на современное российское общество: Автореф. дисс. Канд. филос. наук. Ставрополь, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // <https://www.dissercat.com/content/dukhovno-nravstvennye-traditsii-kazachestva-ikh-spetsifika-i-vliyanie-na-sovremennoe-rossiis/read> (дата обращения 20.10.2020).

Православной Церкви и казачества советский период. Особенно важно изучение церковной жизни на Дону в годы революции и Гражданской войны, так как именно в это время была нарушена историческая преемственность российского казачества и идейная целостность некогда единой православной казачьей общности.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые в отечественной науке предпринята попытка комплексного изучения церковно-государственных отношений и церковной жизни в годы революции и Гражданской войны в донском регионе, на территории всех благочиний Донской и Новочеркасской епархии. Впервые введен в научный оборот ряд источников как центральных, так и региональных архивов, изучение которых позволило выявить и проанализировать ранее неизвестные события, характеризующие церковную жизнь в донском регионе в 1917–1922 годах.

Объектом исследования является история донского казачества и Православной Российской Церкви в донском регионе в годы советской власти.

Предметом исследования являются церковно-государственные отношения и церковная жизнь Донской и Новочеркасской епархии в период революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.

Цель исследования – дать всесторонний анализ церковно-государственных отношений и церковной жизни на Дону в годы революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) изучить положение Православной Российской Церкви на Дону в 1917–1919 гг.

2) проанализировать характер церковно-государственных отношений в Донской области в 1921–1922 гг.

3) охарактеризовать церковно-государственные отношения в Донской области в 1921–1922 гг.

4) проанализировать особенности проведения в Донской области первых антицерковных акций – изъятия церковных ценностей и внедрения обновленческого раскола.

Хронологические рамки исследования охватывают период революционных потрясений и становления советской власти в 1917–1922 гг. Нижняя граница обусловлена падением монархического строя в России и приходом к власти Временного правительства, инициировавшего демократические преобразования на всех уровнях государственной жизни. Нижняя граница – 1922 г. – обусловлена завершением Гражданской войны в советской России.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Области войска Донского в границах 1887–1917 гг., в 1918 г. преобразованной в Область Всевеликого Войска Донского и в 1920 г. – в Донскую область Российской Советской Федеративной Республики.

Степень научной разработанности проблемы. До настоящего времени церковная жизнь в Области войска Донского (с 1918 г. Области Всевеликого Войска Донского, с 1920 г. Донской области Российской Советской Федеративной Республики) в годы революционных потрясений не выступала в качестве объекта исследования, за исключением обращения ограниченного круга исследователей к ряду сопутствующих сюжетов.

Тема революции и Гражданской войны на Юге России получила широкое освещение еще в советский период. К историографии данного периода относятся работы советских донских историков К.В. Агуреева⁷, Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского⁸, К.А. Хмелевского и С.К. Хмелевского⁹ и монография выдающегося историка казачества

---

⁷ Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961.

⁸ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Борьба партии за трудовое казачество (1917–1920 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980.

⁹ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984.

А.В. Венкова¹⁰. Несмотря на фундаментальность, проявленную к изучению событийного течения Гражданской войны и выявлению ее причин, данные работы страдают классовым марксистским подходом, что значительно затрудняет восприятие проблемы. Между тем они до настоящего времени не утратили своего значения и являются основными исследованиями, посвященными Гражданской войне на юге России. К этой же группе не потерявших научную актуальность справочных изданий советского периода относятся «История Донского края»¹¹ и «Очерки истории партийных организаций Дона»¹².

Современная историография Гражданской войны на Юге России не отличается обширностью¹³. В работах современных историков казачества Л.И. Футорянского, А.В. Венкова и В.П. Трута рассматриваются различные аспекты Гражданской войны в соответствии с представлениями, лишенными идеологической составляющей. В частности, затрагиваются проблема наличия красных и белых казаков в период Гражданской войны¹⁴, рассматривается специфика политического и военного противостояния на начальном этапе Гражданской войны¹⁵.

Историк Ю.Д. Гражданов исследовал создание и деятельность донской демократической республики Всевеликое Войско Донское в период Гражданской войны на юге России в 1918–1919 гг. В работе впервые автор

---

¹⁰ Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992.

¹¹ История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971.

¹² Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х т. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1972.

¹³ Футорянский Л.И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918-1920 гг.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://docsportal.net/30183/> (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁴ Венков А.В. Красные и белые донские казаки в 1918 г. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 7–11.

¹⁵ Трут В.П. Гражданская война на Юге России: специфика политического и военного противостояния на начальном этапе // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 121–122.

затрагивает вопрос о значении для Войска Православной Российской Церкви¹⁶.

Отдельным исследовательским направлением в исторической науке является изучение церковно-государственных отношений в России в период революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. Эта тематика получила основательную разработку в трудах современных светских и церковных ученых, изучивших религиозную политику Временного правительства и советского государства, а также ее результаты в жизни Православной Российской Церкви.

Современная историография включает множество работ, среди которых особый интерес представляет статья А.Л. Беглова, посвященная анализу границ легальности советского законодательства в отношении Церкви¹⁷.

Проблема рецепции одного из первых законодательных актов советского государства относительно религиозных организаций – декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. представлена значительным числом научных работ и затрагивает различные стороны содержания этого документа и его реализации. Так, в работах И.А. Шершневой-Цитульской¹⁸, А.В. Сипейкина¹⁹ и О.Н. Петюковой²⁰ анализируется правовая сторона декрета и процесс формирования антицерковной политики советского государства. Практика реализации декрета в различных регионах и ее особенности рассматриваются

---

¹⁶ Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015.

¹⁷ Беглов А.Л. Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х годов: колебания границы легальности // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 211–128.

¹⁸ Шершнева-Цитульская И.А. Отделение церкви от государства в советской России: к 90-летию декрета Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Вестник Российской правовой академии. 2008. № 2. С. 16–23.

¹⁹ Сипейкин А.В. Антирелигиозная и антицерковная политика советской власти: 1917–1920 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 4. С. 16–38.

²⁰ Петюкова О.Н. На пути исторического выбора: советское законодательство об отделении церкви от государства // Вестник Финансовой академии. 2008. № 1. С. 86–95.

в статьях Ю.Н. Макарова²¹, Н.С. Попова²², А.П. Дворецкой²³, Д.И. Сидоренко²⁴, Н.А. Киреевой²⁵, К.Г. Аристовой²⁶, Е.И. Шивиной²⁷, Ф.Н. Козлова²⁸, М.В. Фабинского²⁹ и др. Анализ архивных источников, свидетельствующих о формировании религиозной политики советского государства и обстоятельствах отделения Церкви от государства посвящены работы С.Г. Петрова³⁰ и Г.А. Алпыспаевой³¹.

Значительный пласт современной историографии посвящен истории Православной Российской Церкви (Русской Православной Церкви) XX в. В монографиях известных российских историков особое внимание уделяется событиям 1917–1922 гг. В работе Л. Регельсона «Трагедия Русской церкви: 1917–1945»³² описывается положение Православной Российской

²¹ Макаров Ю.Н. Практика реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2009. № 1(7). С. 186–194.

²² Попов Н.С. Из истории отделения церкви от государства в Марийском крае // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 45–60.

²³ Дворецкая А.П. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1917–1918 гг.) // Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв. Материалы II краеведческих чтений. 2000. С. 58–64.

²⁴ Сидоренко Д.И. Реализация декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на Алтае (1917–1921 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2 (9). С. 87–90.

²⁵ Киреева Н.А. Реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Башкирской АССР в 1920-е гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 115–118.

²⁶ Аристова К.Г. Декрет об отделении церкви от государства от 20 января 1918 г. и обновленчество в Пензенской епархии: первые уроки советской власти // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 306–312.

²⁷ Шивина Е.И. Проведение декрета по отделению церкви от государства в Ярославской губернии в 1918 г. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3 (25). С. 13–16.

²⁸ Козлов Ф.Н. Отделение церкви от государства: реализация декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. в Марийском, Мордовском и Чувашском краях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 92–101.

²⁹ Фабинский М.В. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, его реализация в Петрограде (По материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 200–207.

³⁰ Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории русской церкви (1921–1923 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 408 с.

³¹ Алпыспаева Г.А. Архивные источники о реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Казахстане в 1920-е годы (на материалах Акмолинского уезда) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 39–54.

³² Регельсон Л. Трагедия Русской церкви: 1917–1945. М., 1996.

Церкви в первые годы после прихода к власти большевиков, становление советского законодательства и его реализация, направленные против Церкви.

Заметное место в историографии занимают работы В.А. Алексеева³³, Опираясь на доступные автору архивные документы, в то время закрытые для исследователей, он анализирует методы борьбы советского государства с Церковью.

Фундаментальными исследованиями по истории Русской Церкви в XX в. являются работы А.И. Кашеварова³⁴, М. Одинцова³⁵, М.В. Шкаровского³⁶, протоиерея В. Цыпина³⁷, Ю.Н. Макарова³⁸, которые дают обоснованную картину становления церковно-государственных отношений в 1920–1930-е годы.

Проведению в 1922 г. кампании по изъятию церковных ценностей посвящены монографии Н.А. Кривовой³⁹, О.Ю. Васильевой и П.Н. Кнышевского⁴⁰. В исследованиях авторы формулируют причины проведения кампании, анализируют ее хронологию и результаты.

Особенно следует отметить исследования, непосредственно посвященные церковно-государственным отношениям и церковной жизни на Дону. Среди них выделяются труды историка А.В. Шадринной, являющейся наиболее плодотворным региональным исследователем данной темы. В работах А.В. Шадринной выявлены особенности революционных

³³ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: [Взаимоотношения Сов. государства и религии]. М.: Политиздат, 1991.

³⁴ Кашеваров А.И. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. Кашеваров А.И. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.

³⁵ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

³⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010.

³⁷ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006.

³⁸ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005.

³⁹ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997.

⁴⁰ Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. – М.: Соратник, 1994.

преобразований в Области войска Донского. Она отмечает важность создания на Дону исполнительных комитетов, осуществлявших вмешательство во внутрицерковную жизнь Донского казачества и духовенства»⁴¹. Ряд работ той же исследовательницы посвящены особенностям положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике⁴² и приходскому духовенству Области Всевеликого Войска Донского в 1918–1919 гг.⁴³. В данных работах автор впервые анализирует особенности взаимоотношений Православной Российской Церкви в лице донских иерархов архиепископа Митрофана (Симашкевича) и епископа Гермогена (Максимова) и правительства Всевеликого Войска Донского, а также положение приходского духовенства в регионе в данный период. Опираясь на архивные источники и публикации в донской периодике 1918 г., А.В. Шадрина, подтверждает тезис Ю.Д. Гражданова о том, что в Области Всевеликого Войска Донского Православной Российской Церкви отдавалось первенствующее положение. В работах Шадриной приводятся примеры поддержки Войском донских архиереев и иерархами атамана, особой заботы войскового правительства о приходском духовенстве, выразившейся в назначении им жалованья, несмотря на то что само войсковое правительство испытывало финансовые затруднения.

Работы А.В. Шадриной и Ю.А. Бирюковой глубоко затрагивают вопрос реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в Донской области. В центре внимания ученых оказалась личность настоятеля ростовского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы протоиерея П.В. Верховского, сыгравшего в 1920 г. значительную роль

⁴¹ Шадрина А.В. Под властью исполкомов. Донское духовенство в 1917 году // Донской временник. Год 2018-й. Вып. 26. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону, 2017. С. 85–87.

⁴² Шадрина А.В. Особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–21 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 49–55.

⁴³ Шадрина А.В. Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2: сб. науч. ст. / сост. С.Б. Борисов, Н.Ф. Чипинова; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 105–115.

в работе Комиссии по отделению церкви от государства при Донисполкоме. В работе А.В. Шадринной анализируется жизненный путь протоиерея П. Верховского и показываются особенности его сотрудничества с председателем Комиссии по отделению церкви от государства А.В. Карагичевым⁴⁴. В статье Ю.А. Бирюковой вводятся в оборот письма протоиерея В. Верховского, написанные им во второй половине 1921 г. в заключении при ведении следствия по делу князя Ухтомского⁴⁵.

Ю.А. Бирюковой также была издана монография «Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов»⁴⁶. К сожалению, исследование локализовалось границами Шахтинского административного округа, что не позволило автору выявить особенности административно-территориальных изменений в Донской области, проследить процессы, происходившие на территории всей Донской области и сформулировать особенности проведения политики советского государства в отношении Православной Российской Церкви в данном регионе. Продолжением данной публикации является работа той же исследовательницы «Советское государство и Церковь в 1920–1930-е годы: Характер от ношений на местах (На материалах архивов Ростовской области)»⁴⁷.

Работы С.В. Римского и Ж.Р. Багдасаровой обращены к церковной жизни Донской и Новочеркасской епархии в период существования Донской республики. Исследователи отмечают важность проведения в 1919 г. в Ставрополе Юго-Восточного русского церковного собора, благодаря

⁴⁴ Шадринна А.В. Профессор П.В. Верховский – исследователь истории Русской Церкви // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 105–112.

⁴⁵ Бирюкова Ю.А. Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П.В. Верховского // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 5 (48). С. 87–104.

⁴⁶ Бирюкова Ю.А. Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2010.

⁴⁷ Бирюкова Ю.А. Советское государство и Церковь в 1920–1930-е годы: Характер от ношений на местах (На материалах архивов Ростовской области). // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hsesonline.ru/2009/06/09_00_13/01.pdf. (дата обращения: 13.10.2020 г.)

поддержке атамана Всевеликого Войска Донского. Им удалось проанализировать причины, состав участников, ход и результаты собора⁴⁸.

История Православной Российской Церкви на Дону в первые годы советской власти также исследовалась в диссертационном формате. На основе защищенной диссертации издана монография Д.А. Горбачева, посвященная данной проблеме⁴⁹. Она стала значимым этапом в становлении историографии, поскольку была первым исследованием, посвященным истории Православной Церкви на Дону и основанной на изучении ряда архивных источников. Отсутствие доступа автора к комплексу источников не позволило проанализировать все аспекты проблемы, что обусловило необходимость ее дальнейшего изучения.

В 2019 г. была опубликована работа священника Е.А. Агеева «Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930)», ставшая предзащитной монографией к его кандидатской диссертации⁵⁰. Эта работа также имеет сугубо локальный характер. Исследование ограничивается территориальными рамками Хоперского и Усть-Медведицкого округов бывшей Области войска Донского (ныне Волгоградская область), автор выявил особенности антицерковных мер, проводимых исключительно в данных округах. Достоинством издания являются опубликованные в нем результаты изучения документов «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России», осуществленные в рамках работы Комиссии по канонизации святых Урюпинской епархии.

---

⁴⁸ Римский С.В., Багдасарова Ж.Р. Временное Высшее церковное управление на Юго-Востоке России // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 507–510.

⁴⁹ Горбачев Д.А. Донская Голгофа. Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг. Ростов н/Д: Росиздат, 2008.

⁵⁰ Агеев Е.А., свящ. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930). М.: Изд-во «Спасское дело», 2019.

Следует отметить, что историография избранной темы по-прежнему имеет множество лакун, оставляющих широкое поле для дальнейшего исследования.

Источниковая база диссертационного исследования обширна и состоит из пяти групп источников: 1) законодательные акты РСФСР 1920–1922 гг.; 2) делопроизводственная документация органов советской власти различных уровней 1920–1922 гг.; 3) делопроизводственная документация Донской духовной консистории 1917–1918 гг.; 4) публикации в периодических изданиях 1917–1922 гг.; 5) опубликованные источники.

В законодательных актах (декреты, постановления, имеющие статус законодательных актов и узаконения правительства) 1920–1922 гг. содержится обоснование проведения антицерковных акций 1918–1922 гг. и отражен курс советского государства, направленный на ограничения Православной Российской Церкви.

Основу источниковой базы составили неопубликованные документы центральных и региональных архивов Российской Федерации, большинство из которых вводится в научный оборот впервые: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (Архив УФСБ РФ по РО).

В Государственном архиве Российской Федерации хранится делопроизводственная документация органов советской власти различных уровней: ВЦИК, Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК, Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК, Ревтрибунал, Донской областной исполнительный комитет.

Анализ документов фондов «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских

и красноармейских депутатов» (ВЦИК) (Ф. Р-1235), «Министерство юстиции РСФСР» (Минюст РСФСР) (Ф. А-353), «Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете» (Ф. Р-1065) позволил выявить особенности проведения в Донской области в 1922 г. изъятия церковных ценностей, определить количество изъятых ценностей, а также обстоятельства первого этапа внедрения обновленческого раскола. В фонде «Особая Комиссия при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России по расследованию действий большевиков. Кисловодск» (Ф. Р-470) хранятся документы, содержащие сведения о преследованиях и убийствах приходского духовенства Донской и Новочеркасской епархии в 1918–1919 гг. Данные этих документов, дополненные сведениями из региональных периодических изданий 1918–1919 гг. позволили определить обстоятельства гибели донских священно и церковнослужителей и их число.

Изучение документов фондов Российского государственного архива социально-политической истории «Секретариат В.И. Ленина (1917–1924)» (Ф. 5) и «Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)» (Ф. 17) позволило более глубоко изучить проведение на Дону кампании по изъятию церковных ценностей и ее результаты.

Документы фондов Российского государственного исторического архива «Канцелярия Синода» (Ф. 796), «Канцелярия обер-прокурора Синода» (Ф. 797) и «Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода» (Ф. 831) позволили внести существенные уточнения в биографические сведения архиереев Донской и Новочеркасской епархии митрополита Митрофана (Симашкевича) и епископа Гермогена (Максимова) и прояснить особенности церковной жизни в первый период распространения обновленчества в Ростове-на-Дону.

Если документы центральных архивов Российской Федерации свидетельствуют о политике центральных органов власти в проведении антицерковных акций в донском регионе, то изучение документов

региональных архивов позволило проследить характер отношений с новыми органами местной власти в 1917 г., особенности формирования на Дону церковно-государственных отношений, проведения антицерковных акций и реакцию на них населения Дона.

Изучение документов, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области в фонде «Донская духовная консистория» (Ф. 226. Оп. 5) позволило впервые осуществить комплексный анализ событий, происходивших в Донской и Новочеркасской епархии в период пребывания у власти Временного правительства и выявить сведения о позиции архиепископа Митрофана (Симашкевича) в отношении первых нападков на приходские храмы со стороны исполнительных комитетов.

Обращение к комплексу клировых ведомостей церковей Донской и Новочеркасской епархии (ГАРО. Ф. 226. Оп. 3) помогло внести ряд уточнений в сведения о персоналиях донского духовенства, пострадавшего в 1918–1919 гг. от красногвардейцев.

Документы фонда «Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана)» (Ф. 46) позволили выявить примеры взаимодействия Всевеликого Войска Донского с Донской духовной консисторией и приходским духовенством на предмет выдачи пособий лицам, пострадавшим в борьбе с красногвардейцами.

Документы фондов Государственного архива Ростовской области «Отдел юстиции Дноблисполкома» (Ф. Р-1220), «Донской окружной исполнительный комитет» (Ф. Р-1798), «Совет Кавказской армии труда. Революционный Совет армии труда Юго-Востока России. Краевой экономический совет Юго-Востока России» (Ф. Р-3758) и «Временный Донской областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Временный Донисполком, ДИК). Донской областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК)» (Ф. Р-97) дают системное представление о формировании отношений местных органов

советской власти Донской области и Ростовской и Таганрогской и Донской и Новочеркасской епархий как в период «проведения в жизнь» декрета «Об отделении церкви от государства» (1920 г.), так и в период проведения первых для Донской области антицерковных акций – кампании по изъятию церковных ценностей и внедрению обновленческого раскола.

Особое значение для изучения процесса проведения в Донской области кампании по изъятию церковных ценностей играют документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Делопроизводственные материалы райкомов РКП (б), фонды: «Андреевский райком ВКП (б), гор. Ростов-на-Дону» (Ф. Р-15), «Черкасский окружной комитет РКП (б)» (Ф. Р-209), «Пролетарский райком КПСС гор. Ростова-на-Дону» (Ф. Р-21), «Верхне-Донской окружной комитет РКП (б), Донская область» (Ф. Р-2783), «Ростовский н/Д окружной комитет РКП (б), Донская область. Общее делопроизводство» (Ф. Р-2784), «Донской областной комитет РКП (б)» (Ф. Р-4), «I Донской окружной комитет РКП (б)» (Ф. Р-6), «Морозовский окружной комитет РКП (б)» (Ф. Р-71), «Донецкий окружной комитет РКП (б)» (Ф. Р-75), «Каменский райком ВКП (б)» (Ф. Р-79) дают системное представление обо всех этапах проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Донской области и о ее предварительных результатах.

Изучение ряда уголовно-следственных дел приходского духовенства Донской области, хранящихся в Архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области) (Архив УФСБ РФ по РО) позволило выявить примеры репрессий донского духовенства в 1920–1921 гг. и установить факты протестного движения в Ростове-на-Дону и Новочеркасске в начальный период продвижения в Донской области обновленческого раскола.

Публикации в периодических изданиях: региональной церковной прессе (газеты «Донские епархиальные ведомости», «Донская христианская мысль», «Донской православный вестник», «Жизнь») и региональных

советских изданиях («Советский юг», «Трудовой Дон», «Советский юг», «Коммунист») содержат важнейшие сведения о церковной жизни двух епархий, входивших в состав Донской области, не отраженные в делопроизводстве Донской духовной консистории и других видах архивных источников. В советских периодических изданиях показан процесс формирования общественного мнения в направлении, необходимом государству.

Важной составляющей источниковой базы настоящего исследования являются опубликованные источники. Большое значение для изучения церковно-государственных отношений и церковной жизни на Дону в 1919 г. имеют документы Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. Фрагмент архива этого Собора, дающий системное представление о происходивших событиях и их участниках, впервые был опубликован протоиереем Н. Крячко⁵¹. В 2018 г. был издан сборник документов «Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года»⁵². Издание, подготовленное московскими исследователями, производившими отбор документов, было выполнено в рамках общероссийской проблематики, и не отражает региональных проблем церковной истории, например Области Всевеликого Войска Донского. Это подтверждается и публикациями редактора сборника Ю.А. Бирюковой, выполненными в рамках подготовки к изданию данного сборника⁵³.

В 1930 г. известный пропагандист начала XX в. Б. Кандидов в своей работе «Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки

---

⁵¹ Крячко Н., прот. Архив Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.sedmitza.ru/data/2012/06/27/1237054930/2012_1_2_04.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

⁵² Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю.А. Бирюковой. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018.

⁵³ Бирюкова Ю.А. Позиция Юго-восточного Русского Церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 9–17. Бирюкова Ю.А. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 г. в документах Государственного архива Российской Федерации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 4 (95). С. 105–110.

и материалы)»⁵⁴ опубликовал ряд источников, демонстрирующих положение духовенства Донской и Новочеркасской епархии в период захвата Новочеркасска большевиками.

Значительным вкладом в изучение истории Православной Российской Церкви в 1920-х гг. на Юге России стало издание в 2013 и 2015 гг. трех сборников документов и материалов, посвященных центральным проблемам региональной церковной истории данного периода: «Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов»⁵⁵, «Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов»⁵⁶ и «Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов»⁵⁷. Помимо публикации ранее не введенных в научный оборот архивных источников, в изданиях предпринята попытка осмысления поставленных проблем.

Изучение источников разных видов сделало возможным комплексное изучение поставленной проблемы.

Методология исследования. Методологической основой настоящего исследования являются принципы историзма, системности, объективности и научности.

Применение принципа историзма позволило рассмотреть процесс развития отношений церковной власти Донской и Новочеркасской епархии (с 1920 г. и Ростовской и Таганрогской епархии) с двумя противоборствующими системами – правительством Области войска Донского, с 1918 г. правительством Всевеликого Войска Донского и с 1920 г. – советской власти в контексте происходивших на протяжении 1917–1922 гг. политических трансформаций.

---

⁵⁴ Кандидов Б. Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М.: Изд-во общества «Безбожник», 1930.

⁵⁵ Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов. Ростов н/Д, 2013.

⁵⁶ Шадрина А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

⁵⁷ Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов н/Д: Антей, 2015.

Принцип системности дал возможность учесть все факторы, оказавшие влияние на формирование позиции Церкви по отношению к сменяющимся политическим режимам и реакцию иерархов и приходского духовенства на происходившие события.

Принцип объективности способствовал корректному рассмотрению изучаемых событий.

Принцип научности обусловил использование в работе совокупности методов исторической науки. Так, проблемно-хронологический метод позволил разделить тему формирования отношений сменяющихся в процессе политических трансформаций политических систем с Православной Российской Церковью в донском регионе на ряд проблем, изучая их эволюцию во временной последовательности.

Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и особенные черты в отношениях различных политических режимов на Дону с Православной Российской Церковью, выявить особенности церковной жизни Донской и Новочеркасской епархии в сравнении с другими епархиями юга России.

Историко-биографический метод дал возможность на основе биографий епархиальных архиереев и отдельных персоналий духовенства показать их роль в церковном сопротивлении проводимым на Дону антицерковным акциям.

Историко-статистический метод использовался для определения количественных и качественных характеристик состояния церковной жизни на Дону в исследуемый период, особенно при анализе итогов кампании по изъятию церковных ценностей в Донской области.

Положения, выдвигаемые на защиту

1. Революционные события в России – падение монархии и установление власти Временного правительства в феврале 1917 г. привели к изменениям в общественной и церковной жизни на Дону. Донская и Новочеркасская епархия в лице епархиального архиерея архиепископа

Митрофана (Симашкевича) и приходского духовенства столкнулась с попытками демократизировать внутреннюю жизнь приходов со стороны новой власти – местных исполнительных комитетов. Однако требования исполкомов отмены ежегодных приходских взносов на епархиальные нужды и изгнания из приходов неугодных священников по усмотрению исполнительных комитетов и части прихожан не нашли поддержки среди верующего населения.

2. Неудачной оказалась попытка проведения демократических реформ в церковной жизни Донской и Новочеркасской епархии, предпринятая Донским чрезвычайным съездом духовенства и мирян, созванным по инициативе новочеркасского городского духовенства и педагогической корпорации Донской духовной семинарии. Встреченный с энтузиазмом и продолжавшийся длительное время съезд ориентировался на аналогичные решения чрезвычайных съездов, проводившихся в других епархиях Православной Российской Церкви. Однако ко времени завершения работы съезда духовенство потеряло к нему интерес. Архиепископ Митрофан, дав согласие на проведение съезда, лично в нем не участвовал и не утвердил его постановления. Решения съезда остались нелегитимными и не обязательными для исполнения на территории Донской и Новочеркасской епархии.

3. После учреждения в 1918 г. донской республики Всевеликое Войско Донское для Православной Российской Церкви на Дону были созданы исключительно благоприятные условия. Согласно новому войсковому законодательству, Церковь была признана «первенствующей». Войсковое правительство оказывало финансовую поддержку донским духовным учебным заведениям. Впервые в истории Донской и Новочеркасской епархии гражданская власть выплачивала духовенству жалованье из средств Войска. Между войсковым правительством и священноначалием епархии было налажено взаимодействие и сотрудничество.

4. Установление на Дону в 1920 г. советской власти сделало неизбежным претворение в жизнь на этой территории советского законодательства в отношении религии и Церкви. В силу обстоятельств, вызванных Гражданской войной на юге России, реализация декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» началось в Донской области значительно позднее, чем в других регионах советской России – в апреле 1920 г. Учитывая сложную политическую обстановку, процесс национализации церковного имущества был осуществлен только в центральных районах – г. Ростове-на-Дону и Ростовском округе. Особенности работы «Комиссии по отделению церкви от государства» было корректное отношение к религиозным организациям различных конфессий, а также привлечение к участию в ее деятельности представителя Ростовского епархиального управления юриста-правоведа, настоятеля ростовского кафедрального собора протоиерея П.В. Верховского.

5. Несмотря на призывы Церкви и местных властей к корректному отношению к религиозным организациям, в 1920–1921 гг. по инициативе различных советских учреждений, в том числе военных, в Донской области подверглись преследованиям 17 священнослужителей. Характерной чертой преследований была необоснованность приговоров, выносившихся исключительно на основании единоличного решения следователей. Репрессии донского духовенства 1920–1921 гг. не носили централизованный характер и не отличались массовостью.

6. Первой крупной антицерковной акцией в Донской области стало изъятие церковных ценностей (1922 г.) В ходе этой кампании из донских церквей было изъято 1090 пудов серебра. Изъятие церковных ценностей не вызвало крупных возмущений местного населения, в том числе и казачества. Случаев вооруженных столкновений с представителями советской власти и кровопролития зафиксировано не было. В пропагандистских целях были привлечены к суду 1 епископ, 15 священников, 2 диакона, 1 псаломщик и 43 мирянина.

7. В 1922 г. по инициативе советской власти в Донской области началось насаждение обновленческого раскола. В Ростове-на-Дону ГПУ для распространения раскола было использовано недовольство ростовского духовенства епархиальным архиереем епископом Арсением (Смоленцом). При поддержке ГПУ и по инициативе ростовских священников-обновленцев был создан исполнительный комитет, самочинно объявивший о переходе к нему функций управления епархией. В отличие от Ростова-на-Дону, в Новочеркасске создание обновленческого исполнительного комитета было инициировано назначенным обновленческим ВЦУ в качестве епархиального архиерея «архиепископом» Мелхиседеком (Николаевым).

Практическая значимость исследования. Результаты и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в работе специалистов государственных структур, ответственных за взаимодействие с казачеством, сотрудниками Синодального отдела по взаимодействию с казачеством Московского Патриархата.

Материалы диссертации могут быть использованы при составлении спецкурса по истории казачества в России, чтении в духовных школах Русской Православной Церкви и теологических подразделениях светских учебных заведений учебных курсов, предусмотренных государственным стандартом «Теология», в том числе по Истории Русской Православной Церкви в XX веке.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были отражены в печатных статьях, посвященных избранной теме. Материалы и научные выводы неоднократно были использованы в докладах и сообщениях на международных и всероссийских научных конференциях и «круглых столах». В частности: на Всероссийской научной конференции «Казачество в Гражданской войне. Уроки истории. К 100-летию начала политики расказачивания» в рамках казачьего направления XXVII Международных Рождественских образовательных чтений «Молодежь: свобода и ответственность» (г. Москва, 28 января 2019 г.); на

научной конференции «Казачество в годы Гражданской войны», проводимой Российским государственным архивом социально-политической истории (г. Москва, 6 ноября 2019 г.); на круглом столе «Диалог мировых религий: опыт России и Аргентины» (г. Москва, 11 ноября 2019 г.); на Всероссийской научной конференции с международным участием «Клир и мир. Святые и духовная жизнь русского казачества. К 100-летию Исхода» (г. Москва, 8 декабря 2020 г.).

Отдельные выводы и положения были опубликованы в виде статей в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Чайкин Т.К., иерей.* Церковная жизнь в Области войска Донского в период революции 1917 года // Вестник Екатеринбургской семинарии. 2020. № 3(31). С. 266–284.

2. *Чайкин Т.К.* Особенности освещения антицерковных акций 1922 г. в донских периодических изданиях // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3 (103). С. 91–98.

3. *Чайкин Т.К.* «Комиссия по отделению Церкви от государства и школы от Церкви» в 1920–1921 гг. в Донской области: деятельность и результаты // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 288–295.

Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования отражены в научных статьях и сообщениях общим объемом более 5 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

1. ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ДОНУ В 1917–1919 ГГ.

1.1. Революционные потрясения и жизнь Донской и Новочеркасской епархии в 1917 г.

Для Российской империи начало революционным событиям 1917 г. было положено отречением от престола императора Николая II (2/15 марта) и великого князя Михаила Александровича Романова (3/16 марта). Падение имперской власти было встречено неоднозначно. В первый месяц после прихода к власти Временного правительства представители почти всех сословий на разного рода собраниях и съездах восторженно приветствовали Временное правительство и клеймили монархию. Однако через некоторое время все отчетливее стали возвышаться голоса, настаивавшие на скором проведении Учредительного собрания и возвращении монархического строя. Временное правительство, приступившее к масштабным реформам, пошло по пути демократизации страны, не готовой к этому. Как замечал В.Д. Ермаков, «Февральская революция и свержение монархии сделали Россию на короткое время (менее восьми месяцев) одним из самых демократических государств Европы»⁵⁸. Однако «все попытки провести реформы, ориентированные на европейскую цивилизацию и европейские политические традиции, не нашли поддержки большинства населения страны. В результате Временное правительство и его министры оказались непонятыми и потерпели поражение»⁵⁹.

В отличие от других губерний Российской империи, в Области войска Донского на фоне деятельности революционных организаций, которые находились под пристальным контролем полиции, а также реформ Временного правительства, основное население – казаки – в подавляющем

---

⁵⁸ Ермаков В.Д. Временное правительство (1917 г.) как феномен российской политической культуры. Санкт-Петербург: «АВРОРА», 2017. С. 3.

⁵⁹ Там же.

большинстве предпочитали сохранять нейтралитет, не выражая поддержки демократическим преобразованиям. Принадлежность к Войску Донскому и консервативные воззрения, характерные для казаков, позволили сохранять на Дону порядок, в то время как в столицах и центральных губерниях он был утрачен. Однако идеи демократизации не были чужды казачьему населению. Переход власти к Временному правительству в марте 1917 г. стал причиной учреждения в Области войска Донского новых местных органов власти – исполнительных комитетов.

Исполнительные комитеты, взявшие на себя инициативу организации общественного порядка в момент перехода власти к Временному правительству, начали создаваться в Области войска Донского в начале марта 1917 г. По инициативе президиума Новочеркасского военно-промышленного комитета 2 марта состоялось собрание, в результате которого был образован Донской исполнительный комитет⁶⁰, также именовавшийся Донской областной исполнительный комитет⁶¹. К его ведению относилось «проведение в жизнь указов Временного правительства по переустройству краевой жизни на началах нового строя, поддержания в городе порядка и спокойствия»⁶². По определению областного комитета в обязанности местных комитетов входил контроль деятельности местной администрации, сохранение порядка и спокойствия, контроль ситуации относительно продовольствия, организация публичных собраний, митингов, лекций⁶³. В середине марта 1917 г. в Области войска Донского было зафиксировано свыше 300 местных комитетов⁶⁴. Их деятельность, нередко отличавшаяся превышением полномочий, привлекла к себе внимание общественности. Как замечал последний протопресвитер русской армии

---

⁶⁰ Два месяца работы. Отчет о деятельности Донского областного Исполнительного Комитета. 2 марта – 2 мая 1917 года. Сост. А. Петровский. Новочеркасск: Донская Епархиальная Типография, 1917. С. 2.

⁶¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 123. Л. 2. Д. 124. Л. 2.

⁶² Два месяца работы. Отчет о деятельности Донского областного Исполнительного Комитета. 2 марта – 2 мая 1917 года... С. 2.

⁶³ Там же. С. 17–18.

⁶⁴ Там же. С. 17.

и флота Г. Шавельский, эти комитеты составлялись «не из лучших, а зачастую из худших и развращенных элементов»⁶⁵. Об этом же свидетельствуют архивные дела Донской духовной консистории. Так, в станице Краснокутской Области войска Донского исполнительный комитет состоял «из лиц небезупречных в прошлом... все это граждане, бывшие под судом за мошенничество и воровство»⁶⁶.

Деятельность местных исполнительных комитетов Области войска Донского характеризовалась особым интересом к приходским церквям и их духовенству. К началу апреля 1917 г. по собственной инициативе комитеты стали вмешиваться в жизнь храмов, решив взять под контроль их финансовую деятельность. Документы архива Донской духовной консистории свидетельствуют, что к началу июля 1917 г. от внесения обязательных епархиальных взносов отказались в 31 казачьем населенном пункте – в 12 казачьих станицах и хуторах, и 19 крестьянских слободах и поселках. Учитывая, что к 1920 г. в Донской и Новочеркасской епархии было 911 церквей⁶⁷, количество приходов, отказавшихся оплачивать взносы на общепархиальные нужды, составило 3,4 % от общего числа приходов. Платить отказались прихожане верховых станиц Березовской⁶⁸ и Букановской⁶⁹, и станиц нижнего Дона Калитвенской⁷⁰, Кочетовской⁷¹ и Манычской⁷², а также хуторов Каныгин⁷³, Кононов⁷⁴, Кривокосский⁷⁵, Нижне-Речинский⁷⁶, Попов⁷⁷, Секачев⁷⁸, Трифонов⁷⁹. Из крестьянских

⁶⁵ Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/32.html (10.10.2019).

⁶⁶ ГАРО. Ф. 226. Оп. 22. Д. 42. Л. 4.

⁶⁷ Шадрина А.В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д: Антей, 2014. С. 16.

⁶⁸ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 113.

⁶⁹ Там же. Д. 92. Л. 1.

⁷⁰ Там же. Д. 127. Л. 1.

⁷¹ Там же. Д. 113. Л. 1.

⁷² Там же. Д. 73. Л. 1.

⁷³ Там же. Д. 113. Л. 1.

⁷⁴ Там же. Д. 127. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Д. 126. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Д. 121. Л. 1.

⁷⁷ Там же. Д. 127. Л. 1.

населенных пунктов, в которых проживало довольно зажиточное население, отказались платить епархиальные взносы в слободах Астаховой⁸⁰, Бабинском Источнике⁸¹, Бобриково-Петровской⁸², Большой Кирсановке⁸³, Верхне-Макеевке⁸⁴, Исаевой⁸⁵, Лысогорке⁸⁶, Малой Кирсановке⁸⁷, Малокрепинской⁸⁸, Маньково-Березовой⁸⁹, Матвеевом Кургане⁹⁰ и поселках Большой Лог⁹¹, Греково-Тимофеевский⁹², Кульбаковский⁹³, Леоновский⁹⁴, Поповка⁹⁵, Рогалик⁹⁶, Усть-Гниловской⁹⁷. Как видно, подавляющее большинство храмов, отказавшихся от внесения обязательных епархиальных взносов, находились в крестьянских поселках. Это явление было характерным для Дона – в казачьих станицах и хуторах население было обусловлено порядками Войска Донского, в крестьянских же населенных пунктах крестьяне, вероятно, отказывались от внесения необходимых взносов, повинуюсь «духу свободы».

Сообщение об отказе внесения епархиальных взносов вызвало тревогу Св. Синода. 2 июля 1917 г. на имя архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) поступило отношение из канцелярии обер-прокурора Св. Синода В.Н. Львова, в котором сообщалось об осведомленности высшей церковной власти о том, что некоторые общественные комитеты вмешиваются в распоряжения архиерея и духовной

⁷⁸ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 113. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Д. 122. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Д. 124. Л. 1.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Д. 123. Л. 1.

⁸³ Там же. Д. 87. Д. 115. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Д. 112. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Д. 123. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Д. 115.

⁸⁷ Там же. Д. 101. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Д. 123. Л. 1.

⁸⁹ Там же. Д. 108. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Д. 115. Л. 1.

⁹¹ Там же. Д. 123. Л. 1.

⁹² Там же. Д. 120. Л. 1.

⁹³ Там же. Д. 115. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Д. 123. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Д. 112. Л. 1.

⁹⁶ Там же. 89. Л. 1.

⁹⁷ Там же. Д. 90. Л. 1.

консistorии, позволяя себе их отменять и приостанавливать, а также отдавать свои распоряжения. По оценке Св. Синода, вмешательство комитетов в церковную жизнь, определяемую лишь церковными законами, являлось недопустимым и противозаконным. Во избежание вмешательства посторонних организаций в жизнь Церкви В.Н. Львов предлагал архиепископу Митрофану принять меры к устранению подобных явлений и разъяснить комитетам о неправомерности их вмешательства во внутреннюю жизнь приходов⁹⁸. Архиепископ Митрофан в ответ на отношение обратился к авторитету благочинных, которым было предписано проводить с прихожанами соответствующие беседы. Более действенным оказалось обращение преосвященного к Донскому областному исполнительному комитету, который в приказном порядке обязывал подчиненные местные комитеты выполнять обязательства по внесению епархиальных взносов.

Несмотря на демонстрируемые прихожанами попытки избежать внесения денег на епархиальные нужды, в которые входили:

- 1) свечной взнос;
- 2) 50 % со свечного взноса на церковные школы;
- 3) 1,6 % в пользу депутатов от духовенства;
- 4) 17,2 % на Новочеркасское духовное училище;
- 5) 63 ½ % на Новочеркасское епархиальное духовное училище;
- 6) на содержание фельдшерского училища;
- 7) 20 % на постройку здания 2-го епархиального женского училища в станице Усть-Медведицкой;
- 8) 9 % на содержание миссионеров;
- 9) 6,5 % на 5-й стол консистории;
- 10) 10 % на нужды войны;
- 11) на епархиальную богадельню;

---

⁹⁸ Отношение канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Высокопреосвященнейшему Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 76.

12) на лечение бедных духовного звания⁹⁹, ситуация не может быть определена как революционная, поскольку после проведенной как благочинными, так и Донской духовной консисторией работы, прихожане почти всех храмов все-таки выплатили традиционные взносы, которые действительно были направлены на обеспечение внутренней жизни Донской и Новочеркасской епархии и ее образовательной и социальной деятельности. Так, в апреле 1917 г. благочинный Новониколаевского благочиннического округа священник Ф. Зимовнов сообщал в Донскую духовную консисторию, что исполнительный комитет хутора Кривокосского запретил приходской церкви делать ежегодные общепархиальные взносы. Летом 1918 г. благочинный сообщал, что вся недоимка за 1917 г. Кривокосской церкви им получена¹⁰⁰. В рапорте в Донскую духовную консисторию от 31 июля 1917 г. благочинный Больше-Крепинского благочиннического округа священник Н. Добровольский сообщал, что прихожане церквей слобод Живоносной Бабинского Источника, Покровской и Астаховой отказались от уплаты денежных церковных взносов¹⁰¹. Однако после официального обращения архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана в Донской областной исполнительный комитет все взносы 3 августа 1918 г. были переданы благочинному в полном объеме¹⁰². По тому же сценарию развивались события в слободах Бобриково-Петровской, Исаевке Дьяковой, Малокрепинской и поселках Большой Лог и Леоновский. В августе 1917 г. в Донскую духовную консисторию поступило сообщение благочинного об отказе прихожан платить взносы на общепархиальные нужды¹⁰³. После обращения консистории в Донской областной исполнительный комитет 28 августа 1917 г. последний направил прихожанам названных храмов обращение следующего содержания: «Донской областной исполнительный комитет предлагает внести сумму, причитающуюся на епархиальные нужды

---

⁹⁹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 126. Л. 5–5 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 5 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 124. Л. 1.

¹⁰² Там же. Л. 2, 4.

¹⁰³ Там же. Д. 123. Л. 1.

и о последующем уведомить консисторию»¹⁰⁴. Обращение областного комитета оказало необходимое воздействие – 20 ноября 1917 г. все храмы, за исключением церкви поселка Большой Лог, выплатили требуемые суммы¹⁰⁵.

Особый интерес представляет ситуация в слободе Матвеев Курган. 16 июля 1918 г. благочинный Кирсановского благочиннического округа протоиерей Александр Краснопольский в рапорте на имя архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана сообщил, что церковно-приходские советы действуют в контакте с духовенством, кроме вновь избранного Матвеево-Курганского совета, который запретил казначею платить взносы за 1917 г. и заявил, что не будет платить никаких взносов, причитающихся с их церкви¹⁰⁶. В августе 1918 г. консистория обратилась в Донской областной исполнительный комитет с просьбой побудить прихожан к взносу денег на общепархиальные нужды¹⁰⁷. Однако Донской областной исполнительный комитет не отреагировал на просьбу консистории¹⁰⁸, поэтому церковное начальство было вынуждено действовать самостоятельно. 16 августа 1918 г. консистория предписала благочинному немедленно объявить приходу церкви Матвеева Кургана и местному церковно-приходскому совету, что если от их церкви не поступят положенные денежные взносы, то церковь будет объявлена приписной, а причт переведен в другой приход¹⁰⁹. Это решение оказало самое мощное воздействие. Требуемый взнос был внесен, а 11 ноября 1918 г. члены церковно-приходского совета Николаевской церкви слободы Матвеев Курган прислали благочинному протоиерею А. Краснопольскому «повинную», в которой сообщали, что были введены в заблуждение одним из «неблагоденных» членов совета. Будучи глубоко опечаленными происшедшим, они просили

---

¹⁰⁴ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 123. Л. 2.

¹⁰⁵ Там же. Л. 4.

¹⁰⁶ Там же. Д. 115. Л. 7.

¹⁰⁷ Там же. Л. 8.

¹⁰⁸ Там же. Л. 10.

¹⁰⁹ Там же. Л. 10–10 об.

оставить их храм самостоятельным и не переводить от них священника¹¹⁰. Подобная ситуация сложилась и в хуторе Трифионов. Прихожане церкви Рождества Богородицы этого хутора 2 июля 1917 г. сообщили благочинному, что не могут выплатить причитающийся с них полугодовой взнос «за неимением свободных церковных сумм»¹¹¹. В ответ на это сообщение прихожан, консистория, как и в слободе Матвеев Курган, предварительно наведя справки о количестве прихожан в приходе, предписала благочинному предупредить прихожан, что если они немедленно не представят причитающиеся от их церкви взносы на нужды епархии, то церковь их будет объявлена приписной, а причту будет предоставлено право приискать другие места¹¹². Несмотря на уверение в отсутствии свободных церковных сумм, уже 25 августа 1917 г. взносы были представлены благочинному полностью¹¹³.

Как видно, отказ от ежегодных епархиальных взносов приходскими храмами был обусловлен указаниями местных исполнительных комитетов. Причиной этому, скорее всего, было превратное представление о «богатствах» приходских храмов, а также некая иллюзия свободы. Показательно, что позиция прихожан в отказе от внесения обязательных взносов на епархиальные нужды не была принципиальной – обращение областного исполнительного комитета решало вопрос в пользу их внесения. Особенно показательным является страх прихожан потерять свой храм – при угрозе перевода храма в приписные, где богослужения совершались нечасто, прихожане мгновенно меняли свои «демократические» воззрения и немедленно выплачивали полагающиеся взносы.

Исполнительные комитеты не ограничились контролем финансовой деятельности церковных общин. В духе демократических реформ прихожане

---

¹¹⁰ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 115. Л. 15.

¹¹¹ Там же. Д. 122. Л. 3.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. Л. 4.

начали изгонять из приходов священников, которыми были недовольны¹¹⁴. Незаконное изгнание приходских священников также стало причиной неоднократных обращений архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана в Донской исполнительный комитет. В ответ на отношения епархиального архиерея комитет отвечал, что местным комитетам «сообщено..., что они не имеют права производить обыски у священников и смещать их»¹¹⁵. Однако смещения продолжались.

Донская и Новочеркасская епархия не избежала и такого «самоуправства» исполнительных комитетов как попытки продать церковные дома, в которых проживало духовенство. Так, по инициативе местного комитета прихожане церкви хутора Ярского постановили продать причтовые дома, выселив из них членов причта¹¹⁶. По этому делу к Донскому областному исполнительному комитету обратился Чрезвычайный съезд духовенства и мирян. В обращении члены съезда просили «немедленно предписать местному исполнительному комитету, что церковные дома не должны быть продаваемы, и что причты должны жить в них на прежних основаниях¹¹⁷».

Как видно, первым следствием революционных потрясений, связанных с переходом власти к Временному правительству, было вмешательство новых демократических органов власти – исполнительных комитетов – в дела приходских церквей. Попытки контроля финансовой деятельности исполнительными комитетами были нивелированы на протяжении более полугода, благодаря деятельности Донской духовной консистории и идущего навстречу просьбам архиепископа Митрофана Донского областного исполнительного комитета.

---

¹¹⁴ Шадрин А.В. Под властью исполкомов. Донское духовенство в 1917 году // Донской временник. Год 2018-й. Вып. 26. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону, 2017. С. 85–87.

¹¹⁵ ГАРО. Ф. 226. Оп. 22. Д. 42. Л. 3.

¹¹⁶ Протокол № 5 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 29 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 77.

¹¹⁷ Там же.

Основным событием в церковной жизни Донской и Новочеркасской епархии 1917 г., свидетельствующим о попытках демократизации и модернизации управления Православной Российской Церкви, был созыв чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской и Новочеркасской епархии. Чрезвычайный съезд не был исключительным явлением, характерным только для Донской и Новочеркасской епархии. Аналогичные съезды проводились и в других епархиях¹¹⁸. Причиной их созыва было осознание духовенством необходимости изменений в жизни Церкви. Особенно этого ожидало приходское духовенство, по мнению которого следовало как можно скорее решить широко обсуждавшуюся еще с середины XIX в. проблему их материального обеспечения. В отличие от других епархий, духовенство которых инициировало изгнание епархиальных архиереев¹¹⁹, в Донской и Новочеркасской епархии такой вопрос не стоял, так как епархию возглавлял уважаемый как духовенством, так и войсковым правительством и казаками архипастырь, отдавший Донской земле более 20 лет своей пастырской деятельности до возведения в епископский сан¹²⁰.

В 1917 г. в среде градского пастырского собрания духовенства Новочеркаска и педагогической корпорации Донской духовной семинарии, в которую входили, в том числе выдающиеся общественные деятели Области войска Донского, возникла идея созыва Чрезвычайного епархиального съезда¹²¹ – «первого в летописях Дона свободного собрания духовенства и мирян»¹²². Съезд был реакцией на происходившие в стране по инициативе Временного правительства демократические изменения. Важно отметить, что это собрание не было стихийным. Перед его созывом были соблюдены все формальности – получены необходимые разрешения войскового

¹¹⁸ Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008.

¹¹⁹ Там же. С. 78, 80, 88, 90.

¹²⁰ Шадрин А.В. История Донской духовной семинарии. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 129.

¹²¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 78.

¹²² Приветственное слово председателя градского пастырского собрания протоиерея Тихона Донецкого Чрезвычайному донскому епархиальному съезду представителей духовенства и мирян в день его открытия 25 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 14.

правительства и благословение епархиального архиерея. Несмотря на то, что съезд был санкционирован священноначалием, первые лица Донской и Новочеркасской епархии – архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич) и викарный епископ Аксайский Гермоген (Максимов) на его заседаниях не присутствовали. Протоколы съезда подавались архиепископу¹²³. Однако на заседании съезда от 1 мая 1917 г. его председателем Л.Ф. Свидерским был поставлен вопрос о необходимости представлять протоколы заседаний епархиальному архиерею¹²⁴. Свидерский выразил мнение, что епархиального архиерея «как лицо, стоящее во главе епархии и находящееся в курсе епархиальной жизни, следовало бы ставить в известность о решениях съезда»¹²⁵. Согласившись с докладчиком, съезд принял решение препровождать протоколы архиепископу Митрофану «для сведения»¹²⁶. Эта формулировка показывает, что, следуя традиции, епархиальный архиерей ставился в известность о событиях, происходящих в епархии, которую он возглавлял. Однако не предполагалось, что его мнение будет учтено при принятии решений. Действительно, все протоколы съезда, за исключением очень незначительного количества, были подписаны единственным словом: «Читал. А.М.».

Донской чрезвычайный епархиальный съезд начал работу 25 апреля 1917 г. в Новочеркасске в здании Донского епархиального женского училища¹²⁷. Учитывая общую беспокойную обстановку в Православной Российской Церкви, связанную со смещением с кафедр архиереев по инициативе местных съездов духовенства и мирян¹²⁸, часто собиравшихся «самочинно», донские иерархи предпочли не выражать публично свое

¹²³ Донецкий Т., прот. Донской церковно-епархиальный совет и его деятельность в первые два месяца // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 72.

¹²⁴ Протокол № 6 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 29 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 79.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Хроника местной церковно-общественной жизни // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 9.

¹²⁸ Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. 224 с.

мнение и ожидать результатов съезда. Примером непочтительного отношения к архипастырям в ближайшей к Донской епархии Екатеринославской и Мариупольской епархии было публично выраженное Екатеринославским съездом клира и мирян недоверие как епископу Иоанну (Поммеру), так и епархиальному епископу Агапиту (Вишневному)¹²⁹.

Перед началом работы съезда его устроители сформулировали задачи, которые ставились перед съездом: пересмотреть и высказать свое мнение по многим вопросам относительно епархиального хозяйства, норм церковной жизни и др.¹³⁰ В приветственном слове председатель градского пастырского собрания, известный на Дону общественный деятель протоиерей Тихон Донецкий говорил: «Мы собрались сегодня на праздник Церкви как строители, вернее, восстановители ее соборной жизни в первоначальной чистоте и мощи»¹³¹. Идея возвращения Церкви к соборности была очень популярна в среде донского духовенства, в частности, проживавшего в Новочеркасске. Даже первый номер журнала «Донская христианская мысль», основанного летом 1917 г., открывался программной статьей, в которой редакция оговаривала, что журнал «Донская христианская мысль» будет служить укреплению Церкви на началах соборности и разумной свободы в духе Христовом¹³².

Со стороны Войска Донского в работе съезда, несмотря на отсутствие архиепископа Митрофана и епископа Гермогена, приняли участие представители правительства Войска Донского – временно исполняющий должность войскового атамана Волошинов и председатель Донского областного исполнительного комитета Петровский¹³³.

¹²⁹ Об удалении епископов // Донская христианская мысль. 1917. № 7. С. 105.

¹³⁰ Чрезвычайный епархиальный съезд // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 9.

¹³¹ Приветственное слово председателя градского пастырского собрания протоиерея Тихона Донецкого Чрезвычайному донскому епархиальному съезду представителей духовенства и мирян в день его открытия 25 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 14.

¹³² К читателям // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 1.

¹³³ Протокол № 1 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 25 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 15.

В президиум съезда были избраны в подавляющем большинстве члены педагогической корпорации Донской духовной семинарии¹³⁴: председатель Л.Ф. Свидерский, товарищи председателя: И.Н. Чаусов и ректор Донской духовной семинарии протоиерей Д.С. Богоявленский. Секретарями были избраны И.А. Глебов, Г.Л. Епифанович, священник В. Кожин, И.К. Левицкий, священники И. Ефремов и И. Золотарев¹³⁵.

Следуя демократическим идеям, съезд в первую очередь озвучил реакцию на политические события, происходившие в России. После обращения исполняющего должность войскового атамана обсуждался самый животрепещущий вопрос об отношении членов съезда, т.е. донского духовенства и мирян к монархии. Это отношение, впрочем, сформулированное не приходским духовенством, а председателем и президиумом съезда, не выходило за рамки общих тенденций, получивших эмоциональное выражение с речи князя Е. Трубецкого, который писал: «Современная нам Россия больна, тяжело больна недугом духовным, а не телесным... корень зла – в нашей духовной немощи, в том угасании духовной жизни, которое началось в церкви, а через нее сообщилось и государству... в последние дни царствования императора Николая II... императорская Россия стала похожа на темное, бесовское царство и случилось это именно вследствие глубокого упадка жизни религиозной, духовной»¹³⁶.

Плененные иллюзией свободы, делегаты съезда вынесли резолюцию, характерную для клириков многих епархий Православной Российской Церкви апреля 1917 г. Делегаты от духовенства и мирян Донской епархии выразили удовлетворенность падением старого режима, тормозившего «проявление и развитие лучших стремлений человеческого духа к всеобщей

¹³⁴ Шадрин А.В. История Донской духовной семинарии. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 209–224.

¹³⁵ Протокол № 1 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 25 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 15.

¹³⁶ Церковь и Россия. Речь кн. Евг. Н. Трубецкого на съезде клира и мирян // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 4.

свободе, равенству и братству»¹³⁷, и свою уверенность, в том, что возврата к старому строю не будет, и что только обновленный строй государственной жизни может дать благо и счастье гражданам единой неделимой России¹³⁸. Это мнение было обосновано революционной эйфорией. Участники съезда не могли представить, насколько губельными как для России, так и особенно для Православной Российской Церкви, будет упразднение монархии и демократизация, закончившаяся диктатом большевиков и репрессиями.

Эмоциональный настрой участников съезда проявился в восторженных оценках происходивших в стране революционных событий и их идейных вдохновителей. Например, председатель Государственной думы М.В. Родзянко был назван съездом «первым гражданином русской земли, сумевшим в минуту опасности для политической жизни России объединить вокруг своего имени всех борцов за свободу и благо Русской земли»¹³⁹.

Далее членами съезда обсуждались вопросы, решение которых, по их мнению, должно было лечь в основу новой государственной политики. Прежде всего, был поставлен животрепещущий вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства. В конце апреля 1917 г., следуя логике имперских указов 1905 и 1906 г. о свободе вероисповедания¹⁴⁰, делегаты заявили, что съезд признает справедливым и необходимым предоставить свободу вероисповедания всем без различия гражданам государства¹⁴¹. При этом, по их мнению, Православная Церковь не претендует на юридическое господство над другими исповеданиями¹⁴² и считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд,

---

¹³⁷ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 29–30.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 30.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1. Л. 22. Д. 155. Л. 1–5.

¹⁴¹ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 30.

¹⁴² Там же.

не претендуя на исключительность пред другими религиями¹⁴³. Концепция взаимоотношений между Церковью и государством была окончательно сформулирована делегатами Донского чрезвычайного епархиального съезда на заседании 6 ноября 1917 г. После повторения основных тезисов о свободе вероисповедания, отсутствии у Православной Российской Церкви претензий на юридическое господство и признания достаточной силы для развития и укрепления «свойственных ей жизненных начал»¹⁴⁴, было сформулировано основное положение: «Православная церковь в отношении к государству, положившему в основу жизни принципы справедливости, равенства и братства, желает установить отношения не разделения, а содружества и сотрудничества в проведении этих принципов в жизнь, причем считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд, не претендуя на исключительность в этом отношении пред другими религиями»¹⁴⁵. Как видно, делегаты Донского съезда излагали традиционную для Российской империи концепцию, следуя которой, Русская Церковь не выходила за пределы государственной религии, пользующейся для обеспечения своего существования финансированием государства. Пожалуй, самым «демократическим» было признание права существования других религий и свободы вероисповедания на территории государства.

Первая русская революция 1905 г. поставила перед Православной Российской Церковью проблему осмысления места православного духовенства в политике¹⁴⁶. Если в 1905 г. объяснение священниками Области войска Донского прихожанам смысла Манифеста 1905 г. оценивалось как

---

¹⁴³ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 30.

¹⁴⁴ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 23. С. 364–365.

¹⁴⁵ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 30. Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 23. С. 364–365.

¹⁴⁶ Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века / Т. Г. Леонтьева // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 29–43.

преступление, подлежащее духовному суду¹⁴⁷, то в 1917 г. делегаты Донского чрезвычайного съезда подошли к этой проблеме хоть и не кардинально, но более широко. Первое обсуждение вопроса о возможности участия священников в политических событиях состоялось в конце апреля 1917 г. Именно тогда прозвучала мысль о необходимости их участия в политике, но не в политических событиях. Священнослужители, по мнению съезда, должны были разъяснять населению политические вопросы¹⁴⁸. Однако съезд уточнил, что духовенство не должно быть узкопартийным, и не может для разъяснений в области политики «пользоваться храмом»¹⁴⁹. На заседании 6 ноября 1917 г. съездом было сформулировано и вынесено решение, согласно которому участие духовенства в политической жизни страны в качестве органа, разъясняющего населению политические вопросы, признавалось не только необходимым, но и обязательным¹⁵⁰. Единственным условием для осуществления политической деятельности съезд оговаривал, что церковный амвон и храм как место молитвы не могут быть использованы для разъяснения политических вопросов¹⁵¹. Подтверждением позиции съезда относительно участия духовенства в политических событиях стало приглашение его членов к созданию политической организации «Союз духовенства Донской епархии». На заседании Чрезвычайного епархиального съезда 4 мая 1917 г. протоиерей Т. Донецкий поставил вопрос о необходимости организации «Союза духовенства Донской епархии» для того, чтобы иметь возможность послать представителей в Донской областной исполнительный комитет. Делегаты согласились с мнением протоиерея

---

¹⁴⁷ Шадрина А.В. «Секретные» дела Донской духовной консистории как источник по истории донского духовенства времени первой русской революции // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3. С. 117.

¹⁴⁸ Протокол № 4 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 28 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 76.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 23. С. 365.

¹⁵¹ Там же.

и постановили организовать «Союз духовенства Донской епархии», а также и избрать делегатов в Донской областной исполнительный комитет¹⁵².

Самым болезненным и актуальным с точки зрения проводившихся Временным правительством демократических реформ был вопрос о выборном начале в Церкви. Следуя логике демократизации, делегаты Донского съезда, как, впрочем, и аналогичных съездов, проводившихся в других епархиях Православной Российской Церкви, настаивали на том, что в основу церковного управления должно быть положено соборное и выборное начала¹⁵³. Все органы церковного управления, согласно их мнению, должны быть коллегиальными и состояться из представителей духовенства и мирян, избранных на общих основаниях, в равном количестве¹⁵⁴. Органы церковного управления должны быть разделены на законодательные (или распорядительные) и исполнительные, на периодические и постоянные¹⁵⁵. Во всех органах церковного управления смена членов должна была происходить в порядке постепенности, через определенный промежуток времени¹⁵⁶. Вопреки традиции, унаследованной Православной Российской Церковью от кириархальной Константинопольской Церкви, съезд настаивал на выборности епископа, который должен был избираться из лиц «с высшим образованием, преимущественно богословским»¹⁵⁷. Причем консервативное донское духовенство вдруг вынесло постановление о возможности замещения епископских кафедр лицами из белого духовенства или мирян¹⁵⁸. Вызывающим сожаление было постановление, согласно которому выборное

¹⁵² Протокол № 10 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 10. С. 157.

¹⁵³ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 31.

¹⁵⁴ Протокол № 3 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 27 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 31.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 32.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 32.

начало вступало в силу «со времени настоящего съезда»¹⁵⁹, т.е. с апреля 1917 г.

Постановление Донского чрезвычайного съезда о выборном начале с первых дней вызвало конфликт с архиепископом Митрофаном (Симашкевичем). 14 июля 1917 г. съезд без согласования с архиепископом постановил членам консистории подать прошения об отставке, обосновывая это решение выраженным им недоверием со стороны Чрезвычайного епархиального съезда. Но члены консистории вместо подачи прошений об отставке представили съезду доклад, в котором доказывали, что по действующим узаконениям членов консистории увольняет Св. Синод, и они до увольнения желают исполнять свои обязанности¹⁶⁰. Съезд, почувствовавший власть, настоял на их увольнении. Понимая, что конфликт может усугубиться, архиепископ Митрофан возбудил перед съездом ходатайство о допущении новых членов консистории к исполнению возложенных на них обязанностей¹⁶¹.

Как видно, при обсуждении насущных и актуальных вопросов, делегаты Донского чрезвычайного съезда высказывали суждения, которые нельзя назвать продуманными. Пытаясь соответствовать нормам демократического управления, они с легкостью отвергали традиционные ценности, не думая о том, что разрушение устоявшейся системы управления Православной Российской Церковью чревато негативными последствиями. При этом противоречивость воззрений делегатов характеризовалась тем, что настаивая на выборной должности епископа, они ни в коей мере не сомневались в авторитете архиепископа Митрофана, и, утверждая, что постановление о выборном начале должно вступить в силу с апреля 1917 г., не ставили вопрос о том, что архиепископ Митрофан должен быть переизбран. Более того, постановления съезда в обязательном порядке

---

¹⁵⁹ Протокол № 3 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 27 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 32.

¹⁶⁰ О назначении новых членов консистории // Донская христианская мысль. 1917. № 4. С. 60.

¹⁶¹ Там же.

посылались архиепископу, который неизменно ставил резолюцию «Читал»¹⁶².

Донским чрезвычайным съездом была разработана и принята новая система церковного управления, которая не соответствовала нормам канонического права¹⁶³, предполагала обширный бюрократический аппарат и соответствовала идеям демократии.

К новым органам церковного управления относились: Епархиальное церковное собрание, Епархиальный епископский совет, Епархиальный суд, Финансовая комиссия при Епископском совете и районные (благочиннические органы управления): районные (благочиннические) церковно-приходские собрания и районный церковный суд.

По мысли делегатов съезда, точнее, его идеологов, видное место среди которых занимал протоиерей Тихон Донецкий, епархией должен был руководить не епископ, а распорядительный орган епархии – Епархиальное церковное собрание¹⁶⁴. К его ведению, согласно протоколам съезда, относились устройство жизни епархии в религиозно-нравственном, церковно-административном, культурно-просветительном, судебном, благотворительном и других отношениях¹⁶⁵, а также контроль за всеми епархиальными учреждениями и должностными лицами, рассмотрение отчетов, утверждение сметы на будущий год, «суждение» об открытии и закрытии разных хозяйственных, культурно-просветительных, благотворительных и других учреждений¹⁶⁶.

Вторым по значимости после Епархиального церковного собрания был Епархиальный епископский совет, на который возлагалось решение текущих

¹⁶² Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 2. С. 29. Протокол № 3 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 27 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 2. С. 31.

¹⁶³ Цыпин В., прот. Каноническое право. М.: Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, 1996. С. 243–255.

¹⁶⁴ Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 158.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 3781.

вопросов¹⁶⁷. Председателем совета утверждался епархиальный архиерей¹⁶⁸. Согласно демократическим инновациям, роль епископа была настолько мала, что он должен был подчиняться совету. В случае несогласия с принятым в совете решением, архиерей имел право не подписывать его резолюции и представить дело Св. Синоду¹⁶⁹. Помимо руководящих функций, Епархиальный епископский совет наделался обязанностями передавать в районы для исполнения постановления Поместного собора, возбуждать перед Епархиальным собранием вопросы религиозно-нравственные, хозяйственные, культурно-просветительные, благотворительные, собирать сведения о нуждах епархии, представлять денежный отчет, докладывать Епархиальному собранию о своей деятельности за минувший год, представлять смету и план деятельности на будущий год и утверждать в должности выбранных приходом священно и церковнослужителей¹⁷⁰.

Епархиальный епископский совет был учрежден Донским чрезвычайным епархиальным съездом в июле 1917 г.¹⁷¹. В состав совета, не испрашивая согласия архиепископа Митрофана, были назначены: директор Каменской учительской семинарии И.Н. Чаусов и еще 5 членов из состава педагогической корпорации Донской духовной семинарии¹⁷². На заседании 11 августа 1917 г. был избран новый состав Епископского совета, в который вошли: протоиерей В. Кожин, Е.М. Воронин, И.В. Попов, ректор духовной семинарии протоиерей Д. Богоявленский, священник С. Попов¹⁷³.

¹⁶⁷ Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 158. Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 381.

¹⁶⁸ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 382.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 158.

¹⁷¹ Донецкий Т., прот. Донской церковно-епархиальный совет и его деятельность в первые два месяца // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 71.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Епархиальное выборное собрание // Донская христианская мысль. 1917. № 10. С. 156.

При Епархиальном епископском совете должна была существовать Финансовая комиссия, в задачи которой входило ведение финансовых отчетностей и осуществление финансового контроля.

Деятельность Епархиального епископского совета в Донской и Новочеркасской епархии в 1917 г. коснулась главным образом замещения на выборной основе вновь открывающихся священнических и псаломщицких вакансий¹⁷⁴. Архиепископ Митрофан, видевший в подрыве иерархического начала угрозу для бытия Церкви, предупредил об опасности рукоположения выбранных демократическим путем кандидатов в духовенство. Основываясь на распоряжении Св. Синода, он настаивал на том, чтобы в сан священника могли быть рукоположены только кандидаты с богословским образованием, в сан диакона – после испытаний специальной комиссией¹⁷⁵. Позиция архиепископа Митрофана была принята съездом к сведению.

Кроме Епархиального церковного собрания и Епархиального епископского совета, к новым органам церковного управления, созданным постановлениями Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян, относился Епархиальный суд. В его состав должны были входить выборные Епархиальным собранием священно и церковнослужители и миряне¹⁷⁶. Епархиальному суду подлежало рассмотрение апелляций отдельных лиц и учреждений на постановления районного суда.

По аналогии с епархиальными органами церковного управления такие же органы должны были существовать в благочиниях епархии. К благочинническим органам церковного управления относились районные (благочиннические) церковно-приходские собрания и районные церковные суды. Цель районного (благочиннического) церковно-приходского собрания была определена делегатами съезда как устройство приходов района в религиозно-нравственном, церковно-административном, хозяйственном,

¹⁷⁴ Донецкий Т., прот. Донской церковно-епархиальный совет и его деятельность в первые два месяца // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 72.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 159.

судебном, культурно-просветительном и благотворительном отношениях¹⁷⁷. Районное (благочинническое) церковное собрание предполагалось как распорядительный орган района. Его ведению подлежали «суждения» о количестве и смене членов благочиннического церковного совета; об открытии и закрытии разных хозяйственных, культурно-просветительных и благотворительных предприятий. Районное (благочинническое) церковно-приходское собрание должно было утверждать прихода-расходную смету Совета на будущий год, проверять отчет за минувший год и приводить в исполнение решение районного суда¹⁷⁸.

Задачами районного суда были определены: разбор недоразумений между причтом и приходом, или отдельными членами причта и прихожанами; разбор проступков против должности, благоповедения, благочиния и недоразумения по взаимным спорам материального характера¹⁷⁹.

Как видно, за 7 месяцев работы Донской чрезвычайный епархиальный съезд разработал систему церковного управления, основанного на принципах демократии. Благодаря обстоятельствам революционного времени и Гражданской войны, эта система не была осуществлена на практике. Введение же в существующее епархиальное управление, например, Епархиального епископского совета, не только не улучшило, но, напротив, нарушило отлаженную работу Донской духовной консистории.

Помимо принципиально важных вопросов, касающихся политической обстановки в стране и епархиального управления, на Донском чрезвычайном съезде поднимались актуальные для последней трети XIX – начала XX вв. вопросы о приходе и о пастырской деятельности. По вопросу об устройстве прихода съезду докладывал полковник А.Н. Евсеев. Он считал, что приход есть собрание лиц православного исповедания обоего пола, объединенных

---

¹⁷⁷ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 378.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же. С. 379.

вокруг храма и свободно избранного причта началами веры Христовой, взаимной братской любовью и принятием Св. Таин. Докладчик настаивал на том, что приход должен быть автономным в своей внутренней жизни и иметь все права юридического лица. Управлять приходом должно общее собрание, которое составляли прихожане как мужского, так и женского пола, не моложе 21 года. Решение всех вопросов, связанных с жизнью прихода, возлагалось на приходской совет, избираемый приходским собранием из лиц, отличающихся благочестием¹⁸⁰. Для контроля деятельности церковно-приходского совета приходским собранием, согласно докладу Евсеева, должна назначаться особая ревизионная комиссия, на которую возлагалось наблюдение за правильным ведением церковно-приходского хозяйства и ежемесячная проверка церковно-приходского имущества и денежных сумм прихода¹⁸¹.

После обсуждения доклада собор принял постановление, в котором были отражены все тезисы, озвученные Евсеевым. Это постановление демонстрирует попытку решить проблемы приходской жизни за счет введения демократической системы управления, которая отнюдь не решала проблем, о которых говорилось в церковной периодике, начиная с середины XIX в.¹⁸² Более того, предлагаемая система церковного управления была чужда России и нарушала канонический строй прихода. Непродуманность реформы и ее заведомая нежизнеспособность подтверждались решением съезда о том, что содержание членов причта планировалось осуществлять из средств казны. Только помощь государства могла решить проблему бесплатного исполнения обязательных треб¹⁸³. Иными словами съезд, не пытаясь решить многовековую проблему обеспечения приходского духовенства, вновь перекладывал ее на государство.

¹⁸⁰ Протокол № 7 заседания Чрезвычайного Донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 1 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917 № 7. С. 111.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: ПСТГУ, 2010. С. 5–7.

¹⁸³ Протокол № 7 заседания Чрезвычайного Донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 1 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917 № 7. С. 112.

Постановления о характере пастырской деятельности также носили теоретический характер и были далеки от решения существовавших проблем. Так, делегаты съезда считали, что вся пастырская деятельность духовенства должна быть направлена к тому, чтобы христиане имели возможность идти по пути «духовного прозрения в понимании истин Христова учения и пользуясь этим прозрением, нравственно совершенствоваться как в личной, так и в общественной жизни»¹⁸⁴. При этом не ставился действительно насущный вопрос пастырской практики о том, как возбудить в прихожанах желание идти по пути, заповеданному Христом и непрестанно совершенствоваться. Согласно постановлению съезда, на священника, помимо совершения богослужений, возлагались устройство чтений, лекций и бесед, сопровождаемых церковным пением, организация школ, библиотек, читален, книжных складов, музеев и приютов, яслей, кружков ревнителей благочестия и других благотворительных и просветительных учреждений¹⁸⁵, т.е. те обязанности, которые священники выполняли на протяжении последней трети XIX – начала XX вв.

Заседания съезда продолжались до ноября 1917 г. В процессе работы духовенство приняло ряд противоречивых постановлений, соответствовавших духу времени. В связи с этим встает вопрос об отношении к съезду донских иерархов – архиепископа Митрофана (Симашкевича) и епископа Аксайского Гермогена (Максимова).

Как говорилось, оба иерарха не приветствовали проведение чрезвычайного съезда. Учитывая пожелание делегатов¹⁸⁶, начиная с мая 1917 г. каждый протокол съезда, публиковавшийся в журнале «Донская христианская мысль», предварялся пометкой: «Резолюция Его

---

¹⁸⁴ Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 380.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Протокол № 6 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 29 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 79.

Высокопреосвященства от 2 мая за № 1917: "Читал. А.М."»¹⁸⁷. Помимо кратких резолюций, архиепископ Митрофан оставлял и развернутые, например: «Резолюция Его Высокопреосвященства от 3 мая 1917 г. за № 1936. С изложением в сем протоколе постановлениями съезда согласен. Относительно приведения постановления по ст. 1-й сего протокола в исполнение требуется испросить разрешение Св. Синода, причем в ожидании такого решения ныне же полагал бы сообщить консистории о немедленном прекращении производства по означенным в п. 1-м постановления делам. А.М.»¹⁸⁸.

После завершения работы чрезвычайного съезда в соответствии с революционными традициями, характеризующимися обилием разного рода заседаний и съездов, в Новочеркасске был созван очередной съезд духовенства и мирян Донской и Новочеркасской епархии. Резолюции на протоколах этого съезда накладывал викарный епископ Гермоген. Так, на протоколах № 10, 11, 12 была положена следующая резолюция: «Утверждается. Е. Гермоген»¹⁸⁹. Резолюции обоих иерархов свидетельствуют о том, что и архиепископ Митрофан, и епископ Гермоген предпочитали не вмешиваться в работу духовенства, которую они не поддерживали¹⁹⁰.

---

¹⁸⁷ Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 26 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 2. С. 29. Протокол № 3 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 27 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 2. С. 31. Протокол № 6 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 1 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 79. Протокол № 7 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 3 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 7. С. 111. Протокол № 9 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 3 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 10. С. 156. Протокол № 10 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 10. С. 157. Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 157.

¹⁸⁸ Протокол № 4 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 28 апреля 1917 г. // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 76.

¹⁸⁹ Резолюции // Донская христианская мысль. 1917. № 25. С. 400.

¹⁹⁰ Донецкий Т., прот. Донской церковно-епархиальный совет и его деятельность в первые два месяца // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 72.

Работа Чрезвычайного съезда, как и в случае деятельности Временного правительства, была не поддержана не только иерархами, но и приходским духовенством. В августе 1917 г. в Св. Синод Российской Православной Церкви обратился викарный епископ Гермоген (Максимов). Он представил прошение священника Дмитриевской церкви станицы Павловской Стефана Аникеева, ходатайствовавшего «о преподании указаний ему, должен ли он подчиняться всем резолюциям бывшего чрезвычайного Донского епархиального съезда духовенства и мирян»¹⁹¹. Факт обращения священника за разъяснениями в высшую церковную инстанцию свидетельствовал о том, что духовенству была не только непонятна деятельность съезда, но и неприемлемы его постановления. Ответ Св. Синода был показательным. Он поручил епископу разъяснить священнику Аникееву, что не утвержденные епархиальным архиереем резолюции епархиального съезда духовенства и мирян не обязательны для исполнения епархиальным духовенством¹⁹². Поскольку ни архивные источники, ни публикации протоколов съезда не содержат утверждения архиепископа Митрофана (виза «Читал» не является утверждением), постановления Донского епархиального съезда духовенства и мирян не имели легитимного статуса и не были обязательны для исполнения, что и случилось на практике. Спустя 5 лет, когда по воле советского правительства в Донской и Новочеркасской епархии стал активно внедряться обновленческий раскол, стало очевидным, что уравновешенная, основанная на церковных традициях позиция архиепископа Митрофана позволила сохранить Церковь в тяжелые годы потрясений.

Показательной является и публикация в журнале «Донская христианская мысль» А. Кожина, свидетельствующая о безразличии к прошедшему чрезвычайному съезду, как приходского духовенства, так и прихожан. Автор писал, что в первые дни члены съезда с воодушевлением говорили о желательных преобразованиях, разговоры «часто бывали

---

¹⁹¹ Указ из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому // Донская христианская мысль. 1917. № 19. С. 301.

¹⁹² Там же.

страстные, некоторые резко требовали перемен в церковном укладе»¹⁹³. Особенно автор вспоминал благочиннические съезды и епархиальный съезд, на которых горячо обсуждались насущные вопросы. Описывая впечатления о чрезвычайном епархиальном съезде, А. Кожин свидетельствовал: «Читая резолюции съезда, видишь, что писавшие их мечтали и были уверены, что они смогут провести их в жизнь и в корне изменить установившийся церковный строй. И вот теперь, сидя в глуши, в далекой станице... не веришь своим глазам: не только все осталось по-старому, но как будто чья-то злая воля приняла меры к тому, чтобы не было прогресса к лучшему. Удивительно, что от резолюций епархиального съезда на месте осталось лишь несколько листов печатной бумаги»¹⁹⁴.

Итак, проведение чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской и Новочеркасской епархии продемонстрировало неоднозначное отношение к реформам церковного управления. Против реформирования традиционной системы были, прежде всего, донские иерархи. Приходское духовенство после эмоционального восприятия свобод, провозглашенных Временным правительством, вскоре потеряло к ним интерес, и жизнь епархии вернулась в привычное русло.

Удаленность Области войска Донского от столиц обусловила то, что революционные потрясения коснулись Дона в незначительной степени. Только 18 июня (1 июля) 1917 г. произошло событие, во многом определившее положение Донской и Новочеркасской епархии в 1918 г. В этот день на Войсковом казачьем круге состоялись выборы атамана. Избранным оказался генерал от кавалерии А.М. Каледин¹⁹⁵. На следующий день после выборов прибывшего к началу литургии атамана торжественно встретили вышедшие на ступени кафедрального Вознесенского собора

---

¹⁹³ Кожин А. Жатвы много, делателей мало. (Письмо из деревни) // Донская христианская мысль. 1917. № 10. С. 147.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Скорик А.П. Идея донской Казаки на фоне разлома российской государственности в 1917 – 1919 года // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы // Сборник научных статей / под ред. А.Н. Грищенко. Новочеркасск, 2019. С. 44.

архиепископ Митрофан и епископ Гермоген. После совершения литургии и молебна депутаты круга и все духовенство вышли на площадь, где на особо устроенном возвышении в торжественной обстановке А.М. Каледину был вручен пернач и произнесены приветствия обоими архипастырями Донской и Новочеркасской епархии¹⁹⁶.

Летом 1917 г. в Донской и Новочеркасской епархии началась подготовка к Поместному собору Российской Православной Церкви. Для избрания членов предстоящего собора было создано Епархиальное выборное собрание, которое состоялось 9 августа 1917 г. Выборы проходили согласно правилам, разосланным по епархиям Православной Российской Церкви Св. Синодом¹⁹⁷. От Донской и Новочеркасской епархии членами собора были избраны члены собора от духовенства: 1-й член – священник В. Кожин, 2-й член – священник В. Чернявский¹⁹⁸; члены собора от мирян – Ф. Кашменский, профессор Донского политехнического института Н. Абрамов, Л. Кунцевич¹⁹⁹; заместители членов собора от духовенства: священник Золотарев и священник М. Селютин; заместители членов собора от мирян: Поляков, Коробейников, Голуб²⁰⁰.

Вскоре после этих событий духовенство и миряне Донской и Новочеркасской епархии испытали скорбь по первым жертвам революционных событий. 15 июля 1917 г. в войсковом кафедральном соборе была совершена панихида по донским казакам, убитым в Петрограде. В служении участвовали архиепископ Митрофан, епископ Гермоген и часть соборного духовенства²⁰¹. Служение панихиды архиерейским чином свидетельствовало о высоком значении донского казачества для

---

¹⁹⁶ Выборы и чествование первого выборного войскового атамана // Донская христианская мысль. 1917. № 2. С. 26.

¹⁹⁷ Епархиальное выборное собрание // Донская христианская мысль. 1919. № 10. С. 154.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Депутаты от Донской епархии на Поместный собор // Донская христианская мысль. 1917. № 8. С. 124.

²⁰⁰ Епархиальное выборное собрание // Донская христианская мысль. 1919. № 10. С. 154.

²⁰¹ Панихида // Донская христианская мысль. 1917. № 5. С. 72.

архипастырей Донской епархии, которые мыслили казаков как защитников и хранителей православной веры.

С августа по ноябрь 1917 г. Православная Церковь в Области войска Донского жила обыденной жизнью. Анализ делопроизводства Донской духовной консистории 1917 г. показывает, что в этот период в епархии продолжалась постройка храмов, церковно-приходских школ²⁰² и их ремонт²⁰³; решались вопросы о наделении землей причтов приходских церквей²⁰⁴; продолжались централизованные сборы пожертвований на восстановление православия на Кавказе, на оказание помощи Иерусалимскому Патриархату, на распространение православия между язычниками²⁰⁵, в пользу глухонемых²⁰⁶, пострадавшим от наводнения жителям Донской области²⁰⁷. Продолжалась социальная деятельность епархии и донского духовенства, связанная с событиями Первой мировой войны. Помимо централизованного сбора пожертвований и устройства лазаретов, Донская духовная консистория проявляла заботу о переселенцах, рассматривая вопросы о постройке для них церкви и школы²⁰⁸ и о временных мерах для подготовки кандидатов священства в переселенческие приходы епархии²⁰⁹.

В октябре 1917 г. в Петрограде к власти пришли большевики. Почти сразу они стали принимать декреты, в первую очередь затрагивающие интересы Православной Российской Церкви. Сразу после провозглашения 25 октября (7 ноября) Советской республики, на Дону начало формироваться движение, целью которого было спасение России от власти большевиков²¹⁰. Несмотря на утверждение в столице власти большевиков, 12–14 ноября

---

²⁰² ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 2, 82, 84, 305, 309.

²⁰³ Там же. Д. 667.

²⁰⁴ Там же. Д. 5.

²⁰⁵ Там же. Д. 10–13.

²⁰⁶ Там же. Д. 79.

²⁰⁷ Там же. Д. 80.

²⁰⁸ Там же. Д. 2.

²⁰⁹ Там же. Д. 62.

²¹⁰ Шадрин А.В. История Донской духовной семинарии. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 193.

1917 г. в Области войска Донского состоялись выборы в Учредительное собрание. Их результаты были впечатляющими. За социалистические партии здесь проголосовал 51 % – 704 692 избирателя из 1 406 620 человек²¹¹. На первом месте шли эсеры, на втором большевики, на третьем – меньшевики. Значительное число избирателей пошло за казачьим списком. Он собрал 629 569 голосов, т.е. 45 %²¹². Такая расстановка сил свидетельствовала о неоднородности политических воззрений среди населения Области войска Донского, что объяснялось большим процентом иногороднего крестьянского населения среди жителей Дона. В декабре 1917 г. рельефно обозначился антагонизм между донскими казаками и большевиками. Казаков, не разделявших большевистские воззрения, ненавидели солдаты, казачьи части удовлетворялись положенным содержанием в последнюю очередь. Подбиваемые большевистскими агитаторами, крестьяне отказывались продавать казакам продукты и гнали их из деревень²¹³.

На фоне происходящего, выражая поддержку войсковому правительству, викарный епископ Аксайский Гермоген призвал жителей Новочеркасска к усиленным молитвам. 3 декабря 1917 г. он собрал градское духовенство и приходские советы на пастырское собрание, где предложил духовенству и мирянам обсудить меры и способы, «какие можно предпринять к умирению страстей и прекращению междоусобной брани»²¹⁴. После обсуждения было решено совершить крестный ход вокруг города с произнесением проповедей на перекрестках и площадях²¹⁵. Крестный ход должен был продолжаться 5 дней – с 4 по 8 декабря 1917 г. Обращаясь к духовенству и прихожанам перед началом крестного хода, епископ Гермоген указал на страшные события, происходившие в городах Ростове-

²¹¹ Футорянский Л.И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918-1920 гг.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. URL: <https://docsportal.net/30183/> (дата обращения: 29.09.2019).

²¹² Там же.

²¹³ Решимость казаков // Донская христианская мысль. 1917. № 23. С. 358.

²¹⁴ Лобов З., прот. Пятидневный крестный ход в г. Новочеркасске // Донская христианская мысль. 1917. № 25. С. 392.

²¹⁵ Там же.

на-Дону и Нахичевани, где «произошло грандиозное сражение между большевиками и казаками, кадетами, юнкерами и др., восставшими против большевиков»²¹⁶. Крестный ход привлек большое количество жителей Новочеркасска. Протоиерей Захария Лобов – будущий священномученик, вспоминал, что в 1917 г., в последний день крестного хода погода была плохая, дул ветер и шел густой снег, но, несмотря на дурную погоду, народ густыми толпами совершал крестный ход²¹⁷.

Итак, на протяжении 1917 г. Донская и Новочеркасская епархия была вовлечена в революционные потрясения лишь отчасти. После Февральской революции она столкнулась с деятельностью исполнительных комитетов, которые пытались взять под контроль финансовую жизнь приходов. Только участие архиепископа Митрофана (Симашкевича) позволило прекратить вторжение в жизнь приходов этих комитетов. В апреле 1917 г. в епархии состоялся чрезвычайный съезд духовенства и мирян Донской епархии, который предпринял попытки реформирования церковного управления. Инициаторы проведения съезда, среди которых подавляющее большинство составляли члены педагогической корпорации Донской духовной семинарии, поддерживали демократизацию Церкви, однако архиепископ Митрофан, епископ Гермоген (Максимов) и подавляющее большинство приходского духовенства не разделяли их воззрений.

1.2. Донская и Новочеркасская епархия в 1918–1919 гг. Учреждение Всевеликого Войска Донского, политика войскового правительства по отношению к Православной Российской Церкви

На протяжении 1917 г. Область войска Донского и Донская и Новочеркасская епархия лишь отчасти столкнулись с революционными

---

²¹⁶ Лобов З., прот. Пятидневный крестный ход в г. Новочеркасске // Донская христианская мысль. 1917. № 25. С. 392–393.

²¹⁷ Там же. С. 393.

потрясениями. Февральская революция на Дону, как и в других губерниях бывшей Российской империи, поначалу была воспринята восторженно. От Временного правительства ожидали свобод и решения проблем, которые игнорировало имперское правительство. Духовенство, поверив в возможность изменений в Церкви, с восторгом собиралось на благочиннические и епархиальные съезды. На епархиальных съездах, нередко проводимых без согласия епархиальных архиереев, священнослужители и миряне, как правило, трудившиеся на ниве духовного просвещения, высказывали недоверие своим архипастырям и выносили постановления, в которых были сформулированы представления о том, как должно быть устроено церковное управление, ориентированное не на канонические установления, а на демократические принципы. После Октябрьской революции, в результате которой к власти пришли большевики, ситуация резко изменилась. Церковь, забыв о реформах церковного управления, оказалась перед лицом наступления безбожной власти, которая не только заявила о намерении построить атеистическое государство, но и нередко демонстрировала кощунственное отношение к Православной Российской Церкви и духовенству.

В отличие от других губерний бывшей Российской империи, в Области войска Донского, которая отдавала своих сынов казаков на защиту от большевизма, события развивались иначе. Благодаря Войску Донскому, на протяжении 1918 и 1919 гг., за исключением небольших по времени эпизодов захвата власти большевиками, население на Дону жило привычной жизнью, а Донская и Новочеркасская епархия до 1920 г. находилась в исключительно благоприятных условиях.

Первое столкновение казачьего населения Области войска Донского с большевиками, которые постепенно захватывали власть в разных населенных пунктах Области, произошло после смерти войскового атамана А.М. Каледина 11 февраля 1918 г. В течение февраля – марта 1918 г. во всех округах Донской области были упразднены органы казачьей власти

и проведены выборы в Советы, состоялись окружные съезды Советов. Большую роль в организации новой власти играли возвратившиеся с фронта солдаты, матросы и казаки, находившиеся под влиянием большевиков²¹⁸. Донское население встретило представителей новой власти настороженно. Однако их поведение заставило содрогнуться привыкших к упорядоченной жизни казаков. Одним из первых деяний большевиков после захвата 12 февраля 1918 г. Новочеркасска был акт, направленный против Православной Российской Церкви – арест архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) и его викария епископа Аксайского Гермогена (Максимова).

13 февраля 1918 г., когда в городе начались поголовные обыски, сопровождаемые откровенным грабежом, и аресты военных и невоенных лиц, в двери дома архиепископа Митрофана ворвались «четверо грязных, в шапках, с папиросами в зубах, страшных, с зверскими лицами матросов, вооруженных винтовками, шашками, револьверами и опоясанных пулеметными лентами со множеством патронов»²¹⁹. Их посещение не было случайным – матросы были осведомлены, что именно в этом доме проживает архиепископ. Предлогом вторжения был обыск. На вопрос о том, есть ли у посетителей документы, подтверждающие право на обыск, один из матросов достал из кармана удостоверение личности, которое сообщало, что предъявитель – матрос Черноморского отряда Власенко. Ознакомившись с предъявленным документом, архиепископ Митрофан сказал, что в нем не говорится о полномочиях на обыск. На это матросы ответили: «Мы везде по этой бумаге обыскиваем»²²⁰. Архиепископ сказал: «Обыскивайте», и большевики в шапках, с папиросами стали бродить по комнатам, производя обыск. Войдя в кабинет архиепископа, они потребовали открыть ящики письменного стола, библиотечный шкаф, аптечку, гардероб, комод и проч., везде разыскивая оружие. При осмотре ящиков письменного стола один из

---

²¹⁸ История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 197. С. 166–167.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 40.

²²⁰ Там же.

матросов схватил коробку с сургучом, вероятно, подумав, что она с патронами, и, открыв ее, крикнул: «Что это такое?»²²¹. Ответ «сургуч» поверг матроса в еще большее недоумение, поскольку он ничего не знал о назначении этого предмета. Заметив замешательство, его товарищи порекомендовали ему продолжить обыск. Обыскав весь дом и не найдя ничего, что могло свидетельствовать о намерении архиепископа оказывать вооруженное сопротивление, матросы спросили: «Вы, товарищи, скажите по совести – есть у вас оружие или нет? Получив отрицательный ответ, они удалились²²².

У архиерейского дома матросов ожидало около 300 человек, которые были уверены, что большевики «вынесут из архиерейского дома пулеметы и другое оружие, и выведут самого архиерея»²²³. Когда же большевики объявили толпе, что ничего не найдено, то она стала расходиться²²⁴.

За первым обыском последовал следующий. Около 15-00 ч. к архиепископу Митрофану ворвались 15 красногвардейцев «которые, как разбойники, начали всюду шарить, перевернули всю обстановку, выбросили на пол из ящиков письменного стола все бумаги, рвали их, грабили ценные вещи... Весь этот разгром сопровождался самой отборной площадной бранью»²²⁵. После обыска, вновь не давшего результатов, красногвардейцы арестовали преосвященного.

Путь архиепископа Митрофана в место заключения был настоящим крестным путем, сопровождающимся издевательствами и унижением. Архиепископа, выведя из архиерейского дома, посадили на извозчика с двумя вооруженными матросами и повезли на железнодорожный вокзал в штаб. В штабе советские деятели сообщили, что архиерея следует отправить в бывший Атаманский дворец. Несмотря на то, что путь до дворца

---

²²¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 40.

²²² Там же.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же.

был неблизким, владыку, которому на тот момент было уже 72 года²²⁶, заставили идти пешком в сопровождении красногвардейцев²²⁷. В это время толпа, состоявшая «большой частью из подонков общества, безбожников, сектантов и хулиганов, злорадствовала, ругалась скверными словами на архипастыря и всячески поносила его»²²⁸.

После Атаманского дворца, где утомившегося архиерея заставили стоять полчаса в ожидании решения, его заставили идти пешком в городскую тюрьму. В тюрьме для него нашлось самое непривлекательное место – гауптвахта. Как сообщал очевидец этих событий, «Владыку поместили в грязную камеру, в которой и пришлось страдальцу-архипастырю находиться 10 дней»²²⁹.

До 16 февраля 1918 г. к архиепископу Митрофану никого не пускали. Только в этот день к нему были допущены ключарь собора и очевидец событий ареста архиепископа. Владыка, не ожидавший посетителей, просил причастить его на следующий день. Как сообщал спутник ключаря собора, «заручившись обещанием начальника караула, что нас на следующий день пропустят, мы 17 февраля принесли Св. Причащение, которому Владыка весьма обрадовался, потому что готовился к нему и ожидал с нетерпением»²³⁰. После этого к архиепископу Митрофану снова прекратили допускать посетителей.

В отличие от толпы, издевавшейся над уважаемым архипастырем, православные предпринимали неустанные попытки добиться его освобождения. 17 февраля 1918 г. состоялось собрание градского духовенства и прихожан, на котором было составлено и подписано прошение в военно-революционный комитет о немедленном освобождении из-под ареста архиепископа Митрофана. В прошении свидетельствовалось, что православный народ Новочеркаска «глубоко возмущается и оскорбляется

---

²²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 601. Л. 1 об.–2.

²²⁷ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 40 об.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. Л. 41.

его арестом»²³¹. Прошение было подано, но, несмотря на томительное ожидание, архиепископ продолжал оставаться под арестом. Около гауптвахты собирались тысячи верующих. Во всех градских церквях, а в архиерейской церкви в особенности, возносились усиленные молитвы об архиепископе, совершались особые молебны о в темницах и заточении сущих, во время которых народ с особенным усердием молился²³².

22 февраля в 8 часов вечера архиепископа Митрофана повели в здание судебных установлений и там объявили постановление военно-революционного суда, согласно которому Владыка объявлялся ни в чем не виновным и освобождался из-под ареста²³³. Архиепископу Митрофану выдали пропуск и он, вызвав по телефону из своего дома служащих, в их сопровождении в 9 часов вечера благополучно прибыл домой²³⁴.

В день ареста архиепископа Митрофана был арестован и викарный епископ Гермоген (Максимов). Через 15 минут после событий в доме архиепископа Митрофана, в дом епископа Гермогена ворвались вооруженные казаки отряда Голубова, которые объявили епископу, что он арестован и должен находиться под домашним арестом. Спустя 5 дней после освобождения архиепископа Митрофана, 27 февраля был освобожден и епископ Гермоген²³⁵.

Еще во время пребывания обоих преосвященных под стражей у верующих возникал вопрос о том, почему к архиереям были применены разные меры пресечения. Так, пожилого архиепископа Митрофана заключили в грязное помещение гауптвахты, где он на протяжении 9 дней претерпевал лишения, тягостные для 72-летнего старца, а епископа Гермогена, которому в 1918 г. было 57 лет²³⁶, оставили под домашним арестом. Как выяснилось, архиепископ Митрофан не ожидал ареста и такого

²³¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 41.

²³² Там же.

²³³ Там же. Л. 41 об.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Ермоген (Максимов Григорий Иванович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVIII. С. 660.

неуважительного отношения к себе от большевиков. Уверенность в том, что он невиновен, а, следовательно, не может быть арестован, стала причиной того, что архипастырь не предпринял никаких шагов для защиты себя от возможного ареста. В отличие от архиепископа Митрофана, о епископе Гермогене, отличавшемся активной позицией и позволявшем себе обличать беспорядки в государстве и их устроителей, еще до прихода в Новочеркасск большевиков «носились молва, что он будет расстрелян за произнесение в соборе над гробами убитых кадетов проповеди, в которой... он будто бы проклял большевиков»²³⁷. Скорее всего, епископу было известно, что 10 февраля 1918 г. в Ростове-на-Дону, сразу после его занятия отрядом Сиверса, был расстрелян священник Всехсвятской церкви Константин Верецкий. Ростовского пастыря по доносу сочувствующих им «прихожан» красногвардейцы обвиняли в проклятии большевиков. В действительности, о. Константин во время богослужения, исполняя свой пастырский долг, зачитал послание св. патриарха Тихона от 1 февраля (нового стиля) 1918 г. «об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры в Церкви Православной»²³⁸. 2 февраля 1918 г. в Ростове-на-Дону красногвардейцами был убит священник Никольской церкви Иоанн Талантов, которого обвиняли в том, что он проклинает большевиков, и «стоит за казаков»²³⁹. Ожидание возможной расправы заставило епископа Гермогена предпринять ряд шагов для ограждения себя «от произвола, насилия и самосуда красногвардейцев»²⁴⁰. Через своих дочерей (до принятия епископского сана преосвященный имел семью и принял монашество после смерти супруги²⁴¹) епископ просил вошедшего в Новочеркасск с казачьим отрядом Голубова «подвергнуть его домашнему аресту и поставить у него дома казачий караул,

²³⁷ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 об.

²³⁸ Лысыков А.А. «Он знал, что большевики злы на него...»: новые документы о судьбе православного духовенства Ростова-на-Дону в 1918 году // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. 2019. № 3 (203). С. 57.

²³⁹ Там же. С. 56.

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 об.

²⁴¹ Ермоген (Максимов Григорий Иванович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVIII. С. 660.

что и было сделано»²⁴². Красногвардейцы, пришедшие в дом епископа Гермогена для его ареста, увидели, что он уже находится под стражей, не тронули его²⁴³.

Освобождение донских преосвященных 22 и 27 февраля не означало, что большевики их оставили в покое. После освобождения архиепископа Митрофана в его доме было проведено еще 12 обысков²⁴⁴. Производились обыски, напомиавшие больше грабеж, и у епископа Гермогена²⁴⁵.

Одновременно с арестом преосвященных в Новочеркасске начался грабеж, который не минул и учреждений, относившихся к Донской и Новочеркасской епархии. Так, 13 февраля 1918 г. красногвардейцы ограбили архиерейский дом и Крестовую церковь²⁴⁶. В период с 12 по 30 февраля представители советской власти захватили имущество духовных учреждений²⁴⁷ и денежный сундук консистории, находившийся в кладовой казначейства²⁴⁸. За пределами Новочеркасска подверглись ограблениям приходские церкви²⁴⁹.

Издевательства над иерархами и постоянные грабежи населения не удовлетворили советскую власть, добравшуюся до запретного плода – Области войска Донского – земли донских казаков, которую они на протяжении веков ревностно оберегали от любых посягательств. Начиная с 13 февраля 1918 г. красногвардейцы с особым цинизмом и жестокостью начали глумиться над храмами Божиими, которые для донских казаков были святыней. 13 февраля большевики, взломав двери Крестовой церкви Донского архиерейского дома, вошли в нее в шапках, с папиросами в зубах и начали ее грабить²⁵⁰. Пострадали священные сосуды: красногвардейцы унесли две дароносицы с запасными Св. Дарами, звездицу, два антидорных

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 об.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же. Л. 42.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 661.

²⁴⁷ Там же. 662.

²⁴⁸ Там же. Д. 663.

²⁴⁹ Там же. Д. 674.

²⁵⁰ Там же. Д. 661. Л. 1–4.

блюда, взломали все церковные кружки для сбора пожертвований²⁵¹ и забрали все находящиеся в них деньги. Престол Преображенского придела осквернили, сосуды со св. миром разбили. Св. миро разлили по полу и растоптали по всему алтарю и храму. Частицы св. мощей, приготовленные для вложения в антиминсы, рассыпали на полу и тоже растоптали. Пол в алтаре и церкви заплевали и засорили окурками²⁵².

В тот же день «с дикой площадной бранью»²⁵³ большевики ворвались в церковь при Новочеркасской мужской гимназии, перевернули всю ризницу и сосуды, и унесли св. антиминс, который кощунственно употребляли вместо носового платка²⁵⁴. Разгромив убранство храма, большевики устроили в нем казарму, где цинично играли в карты²⁵⁵.

Как для Новочеркасска, так и для любого казака Области войска Донского особенной святыней был новочеркасский кафедральный собор во имя Вознесения Господня. Представители Советов надругались и над ним. 5 апреля в собор ворвались 20 вооруженных красногвардейцев. В шапках, с курящимися папиросами, с ружьями наперевес они вошли в главный алтарь. Штыками сорвали верхнюю доску престола и искорежили ее. С Одигитриевского престола сняли покров. Взяли с престола архиерейскую митру, которую один красногвардеец надел на свою голову и ходил в ней по алтарю, а другой пытался прикрепить к ней кокарду. Стоявшую в правом алтаре плащаницу они бросили на пол, топтали ногами и всячески глумились²⁵⁶.

13 апреля 1918 г. была разграблена и осквернена красногвардейцами Иоанно-Богословская домовая церковь Донской духовной семинарии. Как сообщал журнал «Донская христианская мысль», семинарская церковь в Новочеркасске служила местом попойки, так как на другой день по всему

²⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 42.

²⁵² Там же. Л. 42 об.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

храму были обнаружены валявшиеся окурки, объедки хлеба, банки из-под консервов и бутылки²⁵⁷. Акт осмотра Иоанно-Богословской церкви от 13 (26) апреля 1918 г. свидетельствовал: в храме «был обнаружен разгром, произведенный неизвестными лицами». Наиболее явными результатами этого разгрома явилось исчезновение из алтаря антимины, а также взлом помещения в алтаре, предназначенного для свечей. Ризница вся была приведена в беспорядок: ризы и другие священные облачения были смяты и брошены на пол²⁵⁸.

Кощунственное осквернение храмов не удовлетворило большевиков. При вынужденном уходе из Новочеркасска они, обстреливая город, стали расстреливать церкви: в собор ими было выпущено 8 трехдюймовых шрапнельных снарядов, которыми повредили главный купол колокольни, сделали 4 выбоины в верхней части собора, была повреждена паперть и выбиты стекла. Также был выпущен снаряд в Никольскую церковь, которым был разрушен южный алтарь и иконостас²⁵⁹.

Глумление над православными храмами не закончилось церквями Новочеркасска. Так, в станице Хомутовской наряду с осквернением св. престола и священных вещей, было совершено глумление над иконой свт. Николая Чудотворца. С иконы была снята риза. На изображении губ святителя была просверлена дыра и в нее вставлена папироса. Также большевики поступили с иконой Спасителя. Лик Иисуса Христа был размалеван, Ему приделали усы, выкололи глаза и т.д.²⁶⁰ В станице Гундоровской шайка красногвардейцев ворвалась в церковь, вошла в алтарь, нарядилась в священнические ризы, пьянствовала всю ночь в алтаре и устроила пляски под звуки гармошки²⁶¹. В Тихоновской церкви станицы Кривянской красногвардейцы разграбили священную утварь, а святые иконы

---

²⁵⁷ Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 324–325.

²⁵⁸ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 75. Оп. 5. Д. 212.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 42 об.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же.

искололи штыками²⁶². Верхом бесчинства и безобразия красногвардейцев, скорее всего связанным с принадлежностью храма учебному заведению казаков, стало надругательство над храмом при казачьих лагерях за Персияновкой. Этот храм не только был разграблен, загажен и заплеван, но еще и обращен в отхожее место²⁶³. В станице Кагальницкой после убийства красногвардейцами приходского священника Валериана Ефремова и его сына была сожжена деревянная Димитриевская кладбищенская церковь²⁶⁴. В хуторе Шебалин в Осиевской единоверческой церкви был совершен настоящий разгром: большевики взломали железную кассу; разбивали кружки для сбора пожертвований на больных и раненых воинов, участвовавших в сражениях Первой мировой войны, и в пользу их вдов и сирот; уничтожили приходскую библиотеку; вырывали листы из книги записей браков; уничтожали брачные документы; рассыпали Св. Дары; изломали ковчежцы с запасными Дарами; изломали напрестольный крест; стреляли в иконы; оборвали у подризников рукава; изрезали священническое облачение и покров на престоле, выпоров подкладку²⁶⁵.

После изгнания большевиков из Новочеркасска и большей части Донской области, по инициативе войскового правительства и общественности стали собираться сведения о церквях, пострадавших от рук большевиков. Эти сведения, как и факты убийства большевиками донского духовенства, фиксировались в документах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, которые ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

Проведенное в 1919 г. следствие показало, что от рук большевиков пострадали:

- 1) церковь Донского архиерейского дома;

²⁶² ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 42 об.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 955. Л. 117–117 об.

²⁶⁵ Сообщение о гонениях большевиков (коммунистов) на церковь в Донской области // Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 324.

- 2) новочеркасский кафедральный собор;
- 3) церковь в хуторе Персияновско-Грушевском;
- 4) церковь хутора Ильинского;
- 5) церковь хутора Островского;
- 6) Осиевская единоверческая церковь хутора Шебалин;
- 7) церковь Новочеркасской мужской гимназии;
- 8) Тихоновская церковь станицы Кривянской;
- 9) церковь станицы Хомутовской;
- 10) церковь военных лагерей в Персияновке;
- 11) семинарская церковь в Новочеркаске;
- 12) церковь селения Староселье;
- 13) церковь при станции Раковка;
- 14) церковь станицы Гниловской (Преполовенская);
- 15) церковь хутора Усть-Койсугского;
- 16) церковь хутора Генералов;
- 17) церковь хутора Алексиков;
- 18) единоверческая церковь хутора Калач;
- 19) церковь хутора Летовский²⁶⁶.

4 июня 1919 г. архиепископ Митрофан дал указания, что необходимо делать духовенству с оскверненными храмами. Так, он распорядился, чтобы Донской епархиальный совет оповестил духовенство епархии о следующем порядке восстановления и освящения оскверненных большевиками церквей:

1. Причты должны составить подробнейшие акты обо всех случаях глумления большевиков над православной верой, в чем бы оно ни выразалось (распространение безбожной кощунственной литературы, словесные беседы, разрушение и осквернение храмов, разграбление церковной утвари). Акты должны составляться в присутствии представителей местной власти и церковно-приходского совета.

---

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Сообщение о гонениях большевиков (коммунистов) на церковь в Донской области // Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 325.

2. Совместно с церковно-приходскими советами причты должны определить приблизительную стоимость материалов и работ по приведению храма в надлежащий вид. После этого, приложив к смете составленный на имя Войскового правительства приговор (ходатайство) общества, направить оба документа в Епархиальный совет, который будет ходатайствовать перед Войсковым правительством о необходимой субсидии.

3. В случаях большого разрушения храма, требующего длительного и капитального ремонта, причтам необходимо озаботиться подысканием соответствующих зданий для совершения в них богослужений.

4. По окончании ремонта и приведении храмов в благолепный вид совершается большое освящение храма²⁶⁷.

Духовенство, получив указания митрополита, принялось за ремонт церквей, многие из которых были восстановлены до 1920 г.

Как видно, захват власти большевиками в донском регионе продемонстрировал ее негативные плоды. Вместе с выраженной ненавистью к донскому казачеству, с XVI в. служившему монархии и отличавшемуся верностью присяге императору, большевики демонстрировали отвращение к Православной Российской Церкви. Нарушая все возможные законодательные нормы, они без повода оскверняли храмы, кощунствовали над святынями, издевались над духовенством, незаконно подвергая арестам представителей Церкви и расправляясь со священнослужителями без суда и следствия.

Осквернение храмов было не единственным видом издевательства над Церковью в Области войска Донского. Особую ненависть большевики питали к духовенству. Не посмев поднять руку на донских преосвященных, большевики без суда и следствия убивали приходское духовенство. При этом убийства выходили за рамки исполнения постановления Совета Народных Комиссаров от 9 сентября 1918 г. «О красном терроре». В результате налетов

---

²⁶⁷ Указ из Донского епархиального совета // Донская христианская мысль. 1919. № 25–26. С. 286–287.

красногвардейцев, в Области войска Донского в 1918 г. было убито 17 священно- и церковнослужителей, в 1919 г. – 9 человек. Некоторых священников убивали с особой жестокостью и изуверством²⁶⁸. Исследование документов фонда «Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России» (ГАРФ) и ряда документов, хранящихся в Государственном архиве Ростовской области в фонде «Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана), позволило выявить имена священнослужителей Донской и Новочеркасской епархии, пострадавших в 1918 и 1919 гг. от рук красногвардейцев. Ими были: священник Дмитриевской церкви Павловской станицы Стефан Андреевич Аникеев (1867 г.р.) 2 апреля 1918 г. Был убит красногвардейцами в станичной церкви²⁶⁹.

Священник Троицкой церкви Филоновской станицы Павел Алексеевич Вилков (1867 г.р.) был расстрелян 2 июля 1918 г. вместе с двумя сыновьями-офицерами. Его труп был брошен в яму, а предавать тело погребению большевики запретили. Только через несколько дней семье удалось тайно выкупить труп казненного. Священник был обвинен в том, что он стрелял из окна в красногвардейцев. После казни штаб красногвардейцев, «разобрав дело», вынес письменное постановление о том, что священник Павел Вилков был расстрелян без вины²⁷⁰.

Священник Дмитриевской церкви станицы Кагальницкой Валериан Васильевич Ефремов (1879 г.р.) 27 апреля 1918 г. был расстрелян вместе с сыном Борисом²⁷¹.

Священник церкви во имя Архангела Михаила хутора Ягодино-Кадамовского Бессергеновской станицы Петр Иванович Жаханович

²⁶⁸ Шадрина А.В. Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2: сб. науч. ст. / сост. С. Б. Борисов, Н. Ф. Чипинова; отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 109–110.

²⁶⁹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11970. Л. 148 об.–149. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4217. Л. 128–128 об.

²⁷⁰ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11970. Л. 27 об.–22 об.

²⁷¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11744. Л. 208 об.–209 об. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 298.

(1867 г.р.) 2 февраля 1918 г. был расстрелян красноармейцами по пути в храм на вечернее богослужение²⁷².

Священник Покровской церкви хутора Нижне-Журавский Александр Иванович Иванов (1871 г.р.) 10 мая 1918 г. был убит на церковной площади на глазах семьи и прихожан. Ему ставилось в вину, что он был сторонником казачества и противником большевизма²⁷³. Священник был погребен в братской могиле вместе с остальными убитыми казаками хутора. 18 июня 1918 г. атаманом Всевеликого Войска Донского было разрешено перезахоронить тело в ограде церкви²⁷⁴.

Священник Андрей Казинцев (г.р. неизвестен) был убит красногвардейцами 11 апреля 1918 г. В журнале «Донская христианская мысль» сообщалось, что после занятия хутора Владимирова отряд красногвардейцев появился у квартиры священника и привел его на площадь. Когда собралось около 50 человек, командующий отрядом спросил присутствовавших, нужно ли оставить священника в живых, или убить. При этом он пояснил, что суд будет короткий: «если хотят оставить – оставят, если желают убрать – пуля в лоб»²⁷⁵. При этом командир обратил внимание хуторян, что приближается Пасха, и они рискуют остаться без священника в дни Великого поста. Сразу после предупреждения о рисках остаться без священника на Пасху, командир потребовал подводы, поскольку отряд спешно уходил. Собравшийся на площади народ начал расходиться, чтобы найти подводы. Осталось человек двадцать «горланов». Они и проголосовали поднятием рук за убийство священника²⁷⁶. В материалах «Комиссии по расследованию злодеяний большевиков» сообщалось: «11 апреля 1918 г. рано утром прибывший на хутор отряд красногвардейцев прямо направился к дому священника о. Казинцева, подняли его с постели, вывели на площадь и здесь произнесли ему смертный приговор. Его связали и увезли на станцию

²⁷² ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11676. Л. 46 об.–47 об. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.

²⁷³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4175. Л. 68–69. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 151.

²⁷⁴ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4175. Л. 68–69. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 151.

²⁷⁵ Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 324.

²⁷⁶ Там же.

Морозовскую. Через три дня труп о. Казинцева был найден пастухом в балке близ хут. Владимирова. На груди убитого было обнаружено шесть штыковых ран»²⁷⁷.

Священник Вознесенской церкви хутора Персияновский Иоанн Николаевич Куликовский (г.р. неизвестен) 12 февраля 1918 г. был арестован большевиками за сочувствие партизанам и кадетам. Выведя на улицу, его свалили выстрелом в живот, затем добились штыковыми ударами. Тело не позволили хоронить, и в течение двух дней труп лежал на улице²⁷⁸.

Священник Архангельской церкви слободы Михайловка Феоктист Георгиевич Лебедев (1878 г.р.) был убит красногвардейцами 13 января 1918 г. Этот священник, отличаясь активной позицией и занимаясь распределением пособий семьям призванных на войну, еще в годы Первой мировой войны получал с фронта письма, содержащие угрозы и оскорбления. Они были связаны с тем, что по долгу службы ему приходилось иногда отказывать в пособии отдельным просителям. При появлении к концу 1917 г. в слободе большого количества вернувшихся с войны фронтовиков враждебное отношение к священнику «стало принимать угрожающие формы»²⁷⁹. 12 января 1918 г. слобода была занята частями красногвардейцев. У священника Ф. Лебедева был произведен обыск, сопровождаемый всякими издевательствами и угрозами «разделаться за прошлое»²⁸⁰. Утром 13 января о. Ф. Лебедев попытался скрыться из слободы, но был узан и схвачен. Когда его привели, толпа стала требовать немедленного расстрела, «и не успел о. Лебедев сотворить крестного знамения, как уже повалился от выстрела в спину. Его сейчас же добились штыками и чем попало. Труп бросили в свалочное место и запретили хоронить. Лишь на следующий день

---

²⁷⁷ Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 324.

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 47. Л. 5.

²⁷⁹ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4216. Л. 154–155. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 43 об.

²⁸⁰ Там же.

родственникам удалось упросить отдать растерзанный труп священника и похоронить²⁸¹.

Диакон Кир Петрович Маланьин (1880 г.р.) 14 мая 1918 г. был убит красногвардейцами ударами пашками и штыков. Хоронить тело не разрешили. Погребение удалось совершить лишь после ухода из хутора большевиков²⁸².

Священник Успенской церкви слободы Мариновка Георгий Иванович Парфенов (г.р. неизвестен) 1 июня 1918 г. был расстрелян без суда и следствия. Как сообщалось в документах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, красногвардейцы явились на квартиру священника утром после захвата слободы. Они обыскали квартиру, спросили священника, сколько ему лет, где учился и т.п., и после этого ушли. Через 5 часов к нему явились снова, забрали священника и, отведя к полотну железной дороги, расстреляли. Из свидетельских показаний было установлено, что отношение прихожан к священнику Георгию Парфенову не было враждебным. Ему угрожали только солдаты, вернувшиеся с фронта²⁸³.

В 1918 г. был расстрелян красногвардейцами священник Георгиевской церкви хут. Фомино-Лиховский Михаил Стратонович Пашутин (1876 г.р.). Как сообщалось в документах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, он был взят матросами и красногвардейцами, привезен на станцию Лихая и там расстрелян. Труп был зарыт, но церковное погребение совершать было запрещено²⁸⁴.

Священник Флоро-Лаврской церкви станицы Великокняжеской Владимир Николаевич Проскураков (1866 г.р.) был популярным

---

²⁸¹ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4216. Л. 154–155. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 43 об.

²⁸² ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 27–31 об.

²⁸³ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12080. Л. 15 об.–18 об.

²⁸⁴ Там же. Д. 11828. Л. 67 об.–68.

общественным деятелем и сыграл большую роль в деле учреждения народных школ в станице. 28 февраля 1918 г. он отправился на станцию ходатайствовать об освобождении своих двух сыновей, которые к тому времени, как выяснилось позднее, уже были убиты. На станции он был расстрелян красногвардейцами «за сочувствие кадетам»²⁸⁵.

Священник Покровской церкви в поселении при станции Морозовской Михаил Николаевич Рукин (1879 г.р.) был убит 5 июля 1918 г. без суда и следствия и без озвучивания вины. Как сообщалось в документах Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, «похороны убитого происходили под шум насмешек и угроз по адресу вдовы»²⁸⁶.

Священник Анатолий Федорович Абрамов (1878 г.р.) в 1899 г. окончил Московскую духовную семинарию. 24 сентября 1900 г. был рукоположен в сан диакона к Троицкой церкви хутора Калинов Константиновской станицы. 22 октября 1901 г. состоялась его иерейская хиротония с назначением к Вознесенской церкви поселка Александровский Милютинского благочиния Донской и Новочеркасской епархии. 19 марта 1919 г. священник Анатолий Абрамов был расстрелян красногвардейцами «за то, что имел брата» генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, бывшего одним из руководителей Белого движения на Юге России²⁸⁷.

Священник Николай Иванович Борисов (1878 г.р.) после окончания Донской духовной семинарии 8 июля 1901 г. был рукоположен в сан священника. 7 января 1919 г. он был убит красногвардейцами при следующих обстоятельствах: возвращаясь домой после литургии, он по пути встретил отряд красногвардейцев, которые приказали ему ехать на станцию Ханженково. Получив разрешение проститься с семьей, священник Н. Борисов был посажен на линейку и увезен. Через некоторое время лошадь

²⁸⁵ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11891. Л. 25 об.–29 об. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 27–31 об. Донская волна. 1918. № 14. 9 сентября. С. 10, 32.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6. Л. 27–31 об.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 171. Мученики // Жизнь. 1919. № 65

привезла на линейке труп. На теле кроме огнестрельной раны было обнаружено несколько штыковых. Жители поселка были так запуганы, что никто не пришел помочь семье достойно похоронить священника²⁸⁸.

Священник Троицкой единоверческой церкви хутора Ляпичев Агафоник Емельянович Горин (1874 г.р.) 26 марта 1919 г. был изрублен красноармейцами «за священный сан»²⁸⁹.

Священник церкви станицы Терновской Михаил Иванович Киселев (г.р. неизвестен) весной 1919 г. был убит красноармейцами. «На теле обнаружены 22 штыковые раны, голова разрублена шашкой»²⁹⁰.

Священник Казанской церкви хутора Топилин Семикаракорского благочиния Донской и Новочеркасской епархии Алексей Котельников (г.р. неизвестен) 5 мая 1919 г. был арестован красногвардейцами и направлен этапом в Царицын. По дороге его расстреляли вместе с другими задержанными²⁹¹.

Священник Богоявленского храма станицы Каргальской Михаил Семенкин (г.р. неизвестен) в марте 1919 г. был утоплен в колодце за принадлежность к священному сану²⁹².

В станице Старогригорьевской большевиками был расстрелян иеромонах Кременского монастыря Феодосий²⁹³. Как свидетельствовал журнал «Донская христианская мысль», приведенный на казнь, «он истово помолился Богу, на все четыре стороны поклонился, сказал при этом: я простой неученый монах, политикой не занимался, а молился Богу об умиротворении нашей несчастной страны»²⁹⁴. Расстрел почтенного старца произвел на всех тяжелое впечатление²⁹⁵.

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 295.

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11747. Л. 220 об.–221. Мученики // Жизнь. 1919. № 65. С. 8.

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 283.

²⁹¹ Там же. Л. 182.

²⁹² Там же. Л. 198. Мученики // Жизнь. 1919. № 65. С. 8.

²⁹³ «Свобода совести у большевиков» // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 388.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

Красногвардейцами были убиты также священники Донской и Новочеркасской епархии Иоанн Страдальцев²⁹⁶, Иван Смирнов²⁹⁷, Алексей Уткин²⁹⁸.

Акт глумления над священником станицы Вешенской был описан в воспоминаниях П. Краснова: «С пьяными криками и шутками собирались туда (в станичную Троицкую церковь – Т.Ч.) красноармейцы и тащили казачью молодежь, детей и подростков, тащили стариков. Там готовилось зрелище для казаков и казачек. Их восьмидесятилетнего седобородого священника, который шестьдесят лет прожил безвыездно в Вешенской станице... тащили, чтобы венчать с рабочей кобылой. И стоял старый священник перед алтарем рядом с кроткой лошадыю, пугливо косившейся на свечи и тяжело вздыхавшей, а над ними держали венцы и пели похабные песни»²⁹⁹.

Весь ужас бытия Донской и Новочеркасской епархии при большевиках в 1918 г. описал архиепископ Митрофан (Симашкевич) в своем послании Местоблюстителю Вселенского Патриаршего престола митрополиту Дорофею Брусскому. Он свидетельствовал о том, что везде, где находились большевики, царило полное разрушение, особенно направленное на православных пастырей и Православную Церковь. Храмы были или разорены, или осквернены, или поруганы. Над пастырями совершались «всяческие издевательства и насилия адской злобы, вплоть до мучений, напоминающих страдания первых христиан»³⁰⁰. Засвидетельствовав, что пострадавших от большевиков священников было более 50 человек, митрополит писал: «А что сказать о верующих сынах и дочерях, православных чадах Донской церкви? Число их, подвергнувшихся издевательствам, поруганию, мучениям, насилиям, теперь не может быть

²⁹⁶ Мученики // Жизнь. 1919. № 65. С. 8.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6а. Л. 198. Мученики // Жизнь. 1919. № 65. С. 8.

²⁹⁹ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 451.

³⁰⁰ Кандидов Б. Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М.: Изд-во общества «Безбожник», 1930. С. 30–32.

указано даже и приблизительно. Недостает мне слов изобразить, наконец, ужас бедствия и материального: станицы, хутора, села, деревни, поселки разграблены или сожжены дотла. Всюду смерть и голод»³⁰¹. Несмотря на то, что преосвященный преувеличил число пострадавших священнослужителей, картина, им описанная, передавала то состояние, которое испытывали православные казаки при первом ближайшем знакомстве с большевиками и советской властью.

Приведенные задокументированные в 1919 г. факты гибели донского духовенства в периоды захвата власти большевиками и первые годы Гражданской войны показывают, что жестокие расправы с духовенством совершались красногвардейцами не по причине, например, проклятия большевиков священниками во время проповедей, или в частных беседах, и не за оказание вооруженного сопротивления большевикам (таких фактов не было). В подавляющем большинстве случаев со священниками расправлялись, нередко предварительно поглумившись, исключительно за принадлежность к священному сану. При том, что советская власть открыто не призывала к расправе с духовенством и надругательством над храмами, и даже призывала к соблюдению законности, свое положительное отношение к такому отношению к церквям и духовенству она подтверждала своим молчанием и отсутствием фактов осуждения тех, кто совершал эти незаконные расправы.

Как видно, близкое столкновение Донской и Новочеркасской епархии с большевиками состоялось в 1918 г. Оно ознаменовалось ужасами, которые испытали другие епархии Православной Российской Церкви, находившиеся под контролем советской власти после революции. Как и в губерниях, где власть принадлежала большевикам, на Дону осквернялись храмы, без суда и следствия, а также без причины расстреливалось приходское духовенство, были арестованы иерархи Донской и Новочеркасской епархии. Небольшой

---

³⁰¹ Кандидов Б. Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М.: Изд-во общества «Безбожник», 1930. С. 30–32.

период пребывания у власти большевиков обусловил незначительное число оскверненных храмов и погибшего духовенства.

Произвол большевиков на всех уровнях власти и насилие, «чинимые далекими от тонкостей теории непосредственными исполнителями директив Москвы и Ростова на местах»³⁰², а также попытки превратить казаков в «нормальное крестьянство»³⁰³ привели к серии восстаний казаков весной 1918 г. В результате, 21 апреля в станице Заплавской было образовано «Временное донское правительство». Через 3 дня оно совместно с делегатами от повстанческих полков объявило себя Кругом спасения Дона. Атаманом Круга был избран П.Н. Краснов³⁰⁴.

В мае 1918 г. после столкновения с большевиками произошло событие, вызвавшее безмерную радость донцов – Новочеркасск был занят казачьими полками³⁰⁵. 23 мая 1918 г. специальной декларацией Дон был провозглашен («впредь до образования в той или иной форме единой России») самостоятельным государством – Демократической республикой во главе с атаманом³⁰⁶

С августа 1918 по март 1920 г. Область войска Донского контролировалась белыми казаками: до июля 1919 г. – казачьими частями генерала П.Н. Краснова, затем Вооруженными силами Юга России. Учреждение Всевеликого Войска Донского стало причиной создания исключительных условий для существования в 1918–1919 гг. Донской и Новочеркасской епархии. Если в епархиях, оказавшихся в 1918 г. на территориях, подвластных советской власти, закрывались церкви, «реквизировалось» и нередко уничтожалось церковное имущество, прекращали свое существование церковные школы, без суда и следствия

---

³⁰² Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 15.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 27.

³⁰⁵ Там же. С. 32.

³⁰⁶ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984. С. 68.

расстреливалось приходское духовенство³⁰⁷, то в Донской и Новочеркасской епархии в этот период церковная жизнь находилась в условиях гораздо более лучших, чем в дореволюционной Российской империи³⁰⁸. Мероприятия, проводившиеся Всевеликим Войском Донским совместно с иерархами и духовенством Донской и Новочеркасской епархии, демонстрировали, что Церковь понимается Войском как его важнейшая и неотъемлемая часть. Идя навстречу донским иерархам, Войско брало на себя немалую часть финансирования нужд епархии: до 1920 г. здесь продолжали богослужebную жизнь все храмы, приходское духовенство по воле войскового правительства было обеспечено жалованьем, продолжали работу все духовные школы, которых к началу XX в. на Дону было шесть: Донская духовная семинария, Донская миссионерская школа, Новочеркасское и Усть-Медведицкое духовные училища, Донское епархиальное женское училище и Усть-Медведицкое епархиальное женское училище.

Важнейшей стороной автономного бытия Всевеликого Войска Донского было его законодательство. Еще до объявления о создании автономного государства, атаман П.Н. Краснов самостоятельно разработал основы законодательства будущего Всевеликого Войска Донского, которое представляло собой в незначительной степени переработанные основные законы Российской империи 1906 г.³⁰⁹ По инициативе атамана, решительно протестовавшего против отделения Церкви от государства, уже провозглашенного советской властью, Православная Российская Церковь во Всевеликом Войске Донском была объявлена первенствующей³¹⁰. Эта характеристика представляется особенно важной, поскольку с точки зрения

³⁰⁷ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. С. 94–110.

³⁰⁸ Шадрина А.В. Особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–21 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 49–55.

³⁰⁹ Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 29.

³¹⁰ Там же. С. 142.

иерархов, после утверждения императором Николаем II законов 1905 и 1906 гг. Церковь утратила свое первенствующее положение в империи. Это было обусловлено тем, что государство признало как за инославными конфессиями, так и за сектантами не только право на существование на территории империи, но и другие права, например, право государственной регистрации старообрядческих и сектантских общин, свободного совершения ими богослужений и проповеди³¹¹.

Прежде чем анализировать церковную политику Всевеликого Войска Донского, необходимо остановиться на оценке возвращения на Дон казаков и учреждения Всевеликого Войска Донского донскими преосвященными.

Ни архиепископ Митрофан, ни епископ Гермоген не оставили для истории письменных свидетельств, которые отражали бы их воззрения по этому поводу. На поставленный вопрос может дать ответ описание событий 2–4 августа 1918 г. и 16 июня 1919 г.

2–4 августа 1918 г., подобно всенародному покаянию, проводившемуся в Успенском соборе Московского кремля патриархами Московскими и всея Руси Иовом и Гермогеном в годы Смуты, в Донской области по благословению архиепископа Митрофана (Симашкевича) также состоялось всенародное покаяние. Для его проведения был составлен специальный чин³¹². Особенно проникновенно в каноне молебном в скорби и обстоянии в августе звучали ирмосы великопостного канона «Помощник и Покровитель»³¹³.

16 июня 1919 г. Всевеликое Войско Донское «торжественно и светло» праздновало свое окончательное освобождение «от богомерзких и безбожных нехристей большевиков»³¹⁴. Участие в молебне по случаю освобождения позволяет утверждать, что епископ Гермоген, совершавший Божественную литургию и благодарственный молебен на соборной площади

³¹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1. Л. 22. Д. 155. Л. 1–5.

³¹² Порядок церковного служения во дни народного покаяния 2–4 августа 1918 г. // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 380.

³¹³ Там же. С. 383.

³¹⁴ Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 295.

по этому поводу³¹⁵, безусловно поддерживал новое автономное государство. Скорее всего, преосвященному были близки слова автора статьи, свидетельствующей об этом событии: «Глубоко верующий казак не мог вынести того великого оскорбления, которое постоянно красные наносили исконным святыням, святым храмам Божиим... Верующий казак привык с детства всякое событие жизни своей освящать молитвой и благодарением Богу»³¹⁶.

Безусловная поддержка войскового правительства со стороны донских преосвященных очевидна и из того, что для строительства мемориального храма «в память освобождения Дона от большевиков»³¹⁷ было избрано место убиения донских героев Гражданской войны: атамана Назарова, председателя Круга Волошинова и других генералов³¹⁸.

Церковная политика Всевеликого Войска Донского, в основу которой был положен тезис о первенствующем положении Православной Российской Церкви в созданном казаками автономном государстве, развивалась по двум направлениям. Прежде всего, войсковым правительством было поддержано определение статуса епархий Православной Российской Церкви, и в первую очередь Донской и Новочеркасской епархии, оказавшихся на территориях, освобожденных от большевиков.

В годы Гражданской войны связь епархий с Патриархией была затруднена. Епархии Сибири и Юга России перешли на самоуправление, организовав местные временные высшие церковные управления (ВВЦУ). 19–24 мая 1919 г. правительство Всевеликого Войска Донского поддержало проведение Юго-восточного русского церковного собора в Ставрополе. Целью этого собора было образование Временного высшего церковного управления (ВВЦУ) на Юго-востоке России, которое, «восприняв всю полноту высшей церковной власти, действовало до восстановления

³¹⁵ Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 295.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Освящение места под храм Спасения Дона // Донская христианская мысль. 1919. № 38–39. С. 407.

³¹⁸ Там же.

беспрепятственных сношений со Св. Синодом, нашим Тихоном, патриархом Московским и всея России, и состоящими при нем Высшими церковными учреждениями»³¹⁹.

Протопресвитер военного и морского духовенства Добровольческой армии Георгий Шавельский, находившийся при ставке главнокомандующего и инициировавший созыв этого собора, писал в своих мемуарах о том, что высшая церковная власть на юге России отсутствовала, поскольку связи с патриархом не было. Каждая епархия жила своей жизнью. Если возникали проблемы, выходящие за рамки компетенции епархиальных архиереев, они решали их «на свой страх», либо не разрешались вообще, а в отдельных случаях доходили до генерала³²⁰. В случаях обращения к генералу А.И. Деникину запрашивалось мнение протопресвитера Г. Шавельского, который фактически выполнял функции юридического консультанта по всем церковным вопросам. Протопресвитер, констатируя, что весь Юго-восток России, на огромной территории которого находилось несколько епархий, остался без высшей церковной власти, характеризовал эту ситуацию как «странную». Для ее исправления он предложил организацию временной высшей церковной власти на данных территориях³²¹.

По просьбе протопресвитера Г. Шавельского 2 марта 1919 г. генерал А.И. Деникин обратился к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану с предложением созвать совещание епископов и членов советов тех епархий, которые находились на территории, контролируемой Добровольческой армией, Кубанским войском и Всевеликим Войском Донским³²². 3 марта протопресвитер отправился в Новочеркасск для личной беседы с архиепископом Митрофаном (Симашкевичем). По словам

³¹⁹ Указ из Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России № 1 // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 298.

³²⁰ Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/32.html (10.10.2019).

³²¹ Там же.

³²² Римский С.В. Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России // православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 507.

о. Георгия, архиепископ Митрофан в личной беседе высказался одобрительно по поводу идеи созыва совещания. Оно было назначено на 20 марта 1919 г.³²³

3 мая 1919 г. начались заседания Предсоборной комиссии в Екатеринодаре, где председательствовал протопресвитер Г. Шавельский. Протоиерей А. Рождественский, священники В. Свенцицкий и Г. Ломако, князь Г.Н. Трубецкой, граф В.В. Мусин-Пушкин, Н.Н. Львов, генерал-майор Д.Ф. Левшин, генерал-лейтенант Г.М. Ванновский, член Кубанского епархиального совета И.Н. Терещенко вошли в состав Предсоборной комиссии. 3–17 мая было проведено шесть заседаний, посвященных подготовке положений о Соборе, о Высшем церковном управлении, проектов обращений (к А.И. Деникину, А.В. Колчаку, к Донскому, Кубанскому и Терскому казачьим войскам, к восточным Патриархам, к чадам православной Церкви, к христианам всего мира, к красноармейцам)³²⁴.

Через день после окончания работы Предсоборной комиссии начал работу Юго-Восточный русский церковный собор, куда приглашались все епископы и члены Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., которые на тот момент находились на Юге России, на территории подконтрольной Всевеликому Войску Донскому и Добровольческой армии, а также представителей местных епархиальных управлений³²⁵.

5 июня перед открытием Временного высшего церковного управления в присутствии генерала А.И. Деникина был совершен торжественный молебен, и протопресвитер Г. Шавельский объявил о необходимости

³²³ Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/32.html (10.10.2019).

³²⁴ Римский С.В. Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России // православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 507.

³²⁵ Там же.

учреждения временного Высшего церковного управления³²⁶. В состав собора вошли: митрополит Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископы Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), Екатеринославский и Мариупольский Агапит (Вишневецкий), Таврический и Симферопольский Дмитрий (Абашидзе), Кавказский и Ставропольский Агафодор (Преображенский), епископы Владикавказский и Моздокский Макарий (Павлов), Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур), Сухумский Сергей (Петров), епископ Аксайский, викарий Донской и Новочеркасской епархии Гермоген (Максимов), епископ Приазовский и Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии Арсений (Смоленец), епископ Кубанский и Екатеринодарский, викарий Ставропольской епархии Иоанн (Левицкий), епископ Александровский, викарий Ставропольской епархии Михаил (Космодемьянский), протопресвитер Георгий Шавельский, один монах, одиннадцать протоиереев, десять священников, двое мирян³²⁷. В работе собора принимали участие члены Всероссийского Поместного собора протоиерей Василий Чернявский, священники Валентин Свенцицкий и Василий Кожин, профессор Донского (Варшавского) университета П.В. Верховский и другие³²⁸. В заседаниях первого дня принял участие А.И. Деникин, а также генералы и офицеры его штаба³²⁹. Председателем собора был избран архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан³³⁰, почетным председателем – архиепископ Агафодор (Преображенский), товарищами председателя – архиепископ Дмитрий (Абашидзе), протопресвитер Г.И. Шавельский и князь Г.Н. Трубецкой, секретарем был

³²⁶ Кожин В., свящ. К открытию высшего церковного управления на Юге России // Донская христианская мысль. 1919. № 25–26. С. 273.

³²⁷ Римский С.В. Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России // православная энциклопедия. Т. IX. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2005. С. 508.

³²⁸ Кожин В. Южно-русский церковный собор // Донская христианская мысль. 1919. № 25–26 (23–30 июня). С. 283–285.

³²⁹ Римский С.В., Багдасарова Ж.Р. Временное Высшее церковное управление на Юго-Востоке России // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 508.

³³⁰ Указ из Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России № 1 // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 298.

назначен профессор П.В. Верховской, товарищем секретаря – профессор Н.М. Абрамов³³¹. Впоследствии почетным председателем Юго-Восточного ВВЦУ был избран митрополит Киевский Антоний (Храповицкий). Через о. Георгия Шавельского поддерживались связи ВВЦУ со ставкой главнокомандующего Белой армией генерала А.И. Деникина³³².

Юго-Восточный русский церковный собор, формируя свой состав, процедуру принятия решений, руководствовался Уставом Всероссийского Поместного собора; в спорных случаях в ходе принятия соборных решений стороны выясняли практику Всероссийского собора. ВВЦУ мыслилось как временное учреждение, призванное передать свою власть высшему церковному управлению после возобновления связи с ним³³³.

Собором был вынесен ряд значимых постановлений: положения о Временном Высшем церковном управлении, о приходе, о церковной дисциплине. Обсуждались проблемы восстановления религиозного обучения, отмененного большевиками, вопросы о духовных учебных заведениях, их содержании на казенные средства; обсуждалась необходимость возвращения в ведение Церкви школ, отобранных советской властью, проблемы обеспечения учащихся церковно-приходских школ.

В связи с окончанием собора, 24 мая 1919 г. архиепископ Митрофан обратился к генералу А.И. Деникину, выразив уверенность, что в ходе работы собора были заложены основы великого дела по укреплению и оживлению церковной жизни и пробуждению народной совести³³⁴.

Проведение Юго-восточного русского церковного собора в Ставрополе было важно не только для Церкви. Легитимность власти временного церковного органа управления являлась важнейшим условием создания

---

³³¹ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: сборник документов. С. 20.

³³² Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). С. 372–373.

³³³ Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: сборник документов. С. 40

³³⁴ Обращение Председателя Собора архиепископа Митрофана (Симашкевича) к генералу А.И. Деникину в связи с окончанием Собора 24 мая 1919 г. // Там же. С. 241–242.

идеологической базы Всевеликого Войска Донского, которое могло опираться исключительно на «законную» Церковь.

Поддержав определения легитимного статуса Донской и Новочеркасской епархии, войсковое правительство обратилось к решению внутренних проблем церковной жизни. Прежде всего, правительству Всевеликого Войска Донского удалось осуществить проект, который так и не был реализован правительством Российской империи – 1 июня 1919 г. был издан не имеющий аналогов закон «Об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии»³³⁵, т.е. о выплате жалованья приходскому духовенству Донской епархии из бюджета Войска³³⁶. Работа над этим законом длилась почти год. В процессе его подготовки была выработана норма жалованья: священнику 350 руб. ежемесячно, диакону – 275 руб., псаломщику – 200 руб.³³⁷ Однако к 1 июня 1919 г. суммы были изменены. Ежемесячное «содержание» штатному духовенству составляло: настоятелю кафедрального собора – 900 руб., ключарю собора – 800 руб., протодиакону собора – 700 руб., настоятелям соборов окружных станиц по 800 руб., священнику с высшим богословским образованием – 800 руб., со средним – 700 руб., с образованием ниже среднего – 600 руб., диакону – 550 руб., иподиакону – 450 руб. и псаломщику – 400 руб.³³⁸

Помимо обусловленного инфляцией увеличения ставок, выплаты были четко дифференцированы в соответствии с должностью и уровнем образования духовенства.

Закон об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии отменял все сборы по приходу в пользу причта. Также прекращалась оплата за совершение таинств крещения, миропомазания, причащения, покаяния, брака и елеосвящения. Помимо

---

³³⁵ Закон об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 390–391.

³³⁶ ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 854. Л. 8, 9.

³³⁷ Там же. Л. 8.

³³⁸ Закон об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 390.

тайнств, законом отменялась оплата за совершение чина отпевания и сопровождение на ближайшее кладбище умерших старше семилетнего возраста, за совершение Божественной литургии в 40-й день и панихид в 9-й, 20-й и 40-й день по всем умершим. Отменялась оплата за богослужения в дни постов, в воскресные и праздничные дни, в дни общих поминовений усопших (родительские субботы), за общие панихиды в храме и на кладбищах в эти дни; за совершение общественных молебствий на полях и по поводу выдающихся событий церковно-приходской и государственной жизни. Оплата за совершение прочих требоисправлений отдавалась на усмотрение прихожан³³⁹.

Кроме того, было уточнено, что штатное духовенство, занимающее места при церквях военного и тюремного ведомств, «получало содержание по штатам, установленным этими ведомствами»³⁴⁰. Помимо этого, священнослужители лишались права взыскивать плату за выдачу церковной документации (метрических выписей, свидетельств о браке и т.д.)³⁴¹

Законом оговаривался и немаловажный для донского приходского духовенства вопрос наделения причтовой землей, решение которого предоставлялось «усмотрению самих местных обществ»³⁴². При всей своей позитивности, принятый 1 июня 1919 г. закон вызвал неоднозначную реакцию духовенства³⁴³.

Важнейшим вкладом правительства Всевеликого Войска Донского в церковную жизнь была финансовая поддержка духовного образования в Донской и Новочеркасской епархии³⁴⁴. Благодаря выделяемым из бюджета Войска средствам, все духовные школы Донской и Новочеркасской епархии

---

³³⁹ Закон об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 391.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же.

³⁴³ Михин В., свящ. Дневник священника. Разговоры о жалованье // Донская христианская мысль. 1919. № 42–43. С. 432–434.

³⁴⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 44.

продолжили учебный процесс до отступления Добровольческой армии в 1920 г. и установления на Дону советской власти.

После провозглашения донской государственности, в Донской епархии начала активно налаживаться повседневная жизнь: духовным учебным заведениям возвращались помещения, переданные под лазареты еще в годы Первой мировой войны; замещались вакантные места в приходских церквях; духовенство получало награды; издавались епархиальные периодические издания. На возобновивших свою деятельность Епархиальных собраниях обсуждались вопросы, не предполагавшие, что политическая ситуация может кардинально измениться. Так, на собрании, начавшемся 20 сентября 1919 г., обсуждался вопрос работы Епархиальной типографии, которой было предложено выпустить религиозно-нравственные листовки для раздачи народу, а также открытие самостоятельной епархии в северных округах области³⁴⁵. Особенно показательным было определение Епархиального совета (до 1918 г. Донской духовной консистории) о восстановлении хозяйства Архиерейской дачи³⁴⁶. Все это свидетельствует об уверенности иерархии и духовенства Донской епархии в том, что Донское государство не только сможет сдержать распространение советской власти, но и будет гарантом процветания церковной жизни на территории Всевеликого Войска Донского.

Учрежденное в 1918 г. на освобожденных территориях Дона Всевеликое Войско Донское не только объявило Православную Российскую Церковь на Дону первенствующей, но и предприняло ряд мер к легитимизации положения Донской и Новочеркасской епархии на территориях, не входящих в сферу влияния большевиков, а также на законодательном уровне решило проблему материального обеспечения приходского духовенства.

---

³⁴⁵ Донское епархиальное собрание // Донская христианская мысль. № 40–41. С. 420–421.

³⁴⁶ От Донского Епархиального совета // Донская христианская мысль. 1919. № 34–35. С. 355.

1.3. Всевеликое Войско Донское в воззрениях архиепископа Митрофана (Симашкевича) и епископа Гермогена (Максимова)

Иерархи Донской и Новочеркасской епархии периода Гражданской войны – архиепископ Митрофан (Симашкевич) и викарный епископ Гермоген (Максимов) – не оставили письменных источников, которые могли бы свидетельствовать о мнении преосвященных о Всевеликом Войске Донском и донском казачестве. Однако система их воззрений просматривается как из обстоятельств их жизни, так и из проповедей, сказанных архипастырями в 1917–1919 гг. и сохранившихся, благодаря публикациям в журнале «Донская христианская мысль».

Прежде всего, необходимо остановиться на жизненном пути преосвященных.

Архиепископ Митрофан (Митрофан Васильевич Симашкевич) родился 23 ноября 1845 г. в семье священника Каменец-Подольской губернии³⁴⁷. Как и подавляющее большинство детей духовенства, он окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию. После окончания академии М. Симашкевич был определен на должность преподавателя Священного Писания, а затем и французского языка в Подольской духовной семинарии³⁴⁸. Помимо преподавательской деятельности в Подольске он занимался научной работой. Ее результатом стала диссертация на степень магистра богословия «Пророчества Наума о Ниневии», защищенная в 1876 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, а также ряд историко-краеведческих работ: «Историко-статистическое описание заштатного города Хмельника Подольской губернии, Литинского уезда» (1869), «Римское католичество и его иерархия

³⁴⁷ Сорокалетие священнослужения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского // Донской православный вестник. 1917. № 4. С. 104

³⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 601. Л. 1 об.–8.

в Подолии» (1872), «Историко-географический очерк Подолии» (1875–1876), «Историко-статистическое описание прихода и церкви села Почапинец» (1876), «Указатель историко-археологических достопримечательностей Подолии» (1884)³⁴⁹.

В 1877 г. Митрофан Симашкевич женился на дочери священника Подольской епархии Иулите Ивановне, и тогда же был рукоположен во иерея, сразу произведен в сан протоиерея и назначен ректором Подольской духовной семинарии. В 1884 г. протоиерей Митрофан возглавил Донскую духовную семинарию, где он был ректором на протяжении 21 года³⁵⁰. Это назначение было для протоиерея Митрофана знаковым. За исключение недолгого срока епископского служения на других кафедрах, уже будучи архиепископом, он вернулся на Дон, где и закончил свои дни в преклонном возрасте в 1933 г.³⁵¹

Будучи ректором Донской семинарии, протоиерей Митрофан снискал в епархии огромный авторитет, проявив себя как деятельный и способный администратор³⁵². Значительное внимание уделялось им художественно-эстетическому воспитанию будущих пастырей: организовывались литературно-музыкальные вечера, открытые для родственников семинаристов и местных жителей³⁵³. Как отмечал известный донской дореволюционный историк А.А. Кириллов, бывший инспектором духовной семинарии, кроме руководства семинарией и преподавания в ней, ректор вел разнообразную общественную деятельность: состоял во многих советах, комитетах, комиссиях – Донском комитете Императорского православного миссионерского общества, Совете Донского епархиального Аксайско-Богородичного братства, Комиссии по устройству епархиальной

³⁴⁹ Шадрина А.В. История Донской духовной семинарии. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 229.

³⁵⁰ Там же. С. 129.

³⁵¹ Там же. С. 232.

³⁵² Кириллов А. Краткая историческая записка о Донской духовной семинарии за 1868–1893 г., прочитанная на акте 1 октября 1893 года, в день исполнившегося 25-летия существования семинарии // Кириллов А. Празднование двадцатипятилетия Донской Духовной семинарии: 1 октября 1893 г. С. 11

³⁵³ Вытнов В.К. «Из Санкт-Петербургской духовной академии в Донскую епархию...». С. 54.

миссионерской школы, состоял почетным членом и председателем Иоанно-Богословского общества, председателем Совета образцовой начальной школы при семинарии, являлся действительным членом Подольского епархиального историко-статистического комитета и церковного древлехранилища, членом Киевского юридического общества по отделению обычного права, цензором проповедей, был также почетным членом Донского отдела Российского общества покровительства животным, Подольского губернского статистического комитета, Подольского епархиального Иоанно-Предтеченского братства³⁵⁴. После смерти супруги протоиерей Митрофан принял монашеский постриг и вскоре назначен к епископской хиротонии.

Выдающиеся события церковной жизни начала XX в. не минули архиепископа Митрофана – преосвященный был участником Поместного собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Значительная часть духовенства Донской епархии к концу ректорства протоиерея Митрофана состояла из его воспитанников, авторитет его был очень высок³⁵⁵.

В 1915 г. архиепископ Митрофан (Симашкевич) вернулся на Дон в связи с назначением на Донскую кафедру. 12 февраля он прибыл в Новочеркасск. В посвященной этому событию статье в «Донском православном вестнике» было написано, что Донская кафедра осчастливлена назначением родного Дону архипастыря, отдавшего ей много усилий, будучи ректором семинарии, – того, которому духовенство епархии, в большинстве своем, обязано своим воспитанием в духе заветов Церкви Христовой³⁵⁶.

Многолетнее служение на Дону архиепископа Митрофана, в число воспитанников которого входила большая часть клириков Донской

---

³⁵⁴ Извлечение из отчета о состоянии Донской духовной семинарии по учебной и нравственной частям за 1892–1893 учебный год // Кириллов А. Празднование двадцатипятилетия Донской Духовной семинарии: 1 октября 1893 г. С. 27–28.

³⁵⁵ Сорокалетие священнослужения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского. Донской православный вестник. 1917. Апрель. № 4. С. 106

³⁵⁶ Прибытие в г. Новочеркасск Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского // Донской православный вестник. 1915. № 3. С. 129.

и Новочеркасской епархии, позволило ему близко изучить особенности жизни Области войска Донского, быта и характерных особенностей казачьего населения. Несмотря на то, что архипастырь был не чужд научной деятельности, он не оставил рукописного наследия, которое пролило бы свет на его отношение к казакам. Однако его нечастые высказывания на церковных собраниях позволяют сказать, что Дон для него стал второй родиной. Это видно из письма архиепископа Митрофана Местоблюстителю Вселенского Патриаршего престола митрополиту Дорофею Брусскому, наполненное горечью по поводу разорения донских храмов и издевательств над донскими пастырями и православными³⁵⁷.

После личного столкновения с большевиками во время ареста, архиепископ Митрофан особенно ценил подвиг донских казаков, которых мыслил как освободителей от «лютого врага»³⁵⁸. Победы Добровольческой армии над красногвардейцами архипастырь расценивал как «светлую зарю близкого восстановления нашей Родины и прав и свободы Церкви»³⁵⁹. Иными словами, архиепископ Митрофан, не участвуя в политических событиях, был истинным пастырем донского казачества. Переживая за судьбы воинов, оказавшихся лицом к лицу с большевиками, которые в годы Гражданской войны поистине обладали «звериным ликом» и были лишены христианских добродетелей – милосердия, любви, справедливости, он искренне радовался победе казаков над врагом. Для архипастыря большевики были не вызывавшими сочувствия носителями зла, а казаки – защитниками Церкви Христовой. Именно эта позиция была причиной участия преосвященного в церковных торжествах, связанных с победами казаков в борьбе с большевиками.

Епископ Гермоген (Максимов Григорий Иванович) родился в 1861 г. в станице Нагавской Области войска Донского в семье псаломщика Донской

³⁵⁷ Кандидов Б. Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М.: Изд-во общества «Безбожник», 1930. С. 30–32.

³⁵⁸ Южно-русский церковный собор. (Исторический материал) // Донская христианская мысль. 1919. № 25–26. С. 279.

³⁵⁹ Там же.

и Новочеркасской епархии. По окончании Донской духовной семинарии, в 1886 г. он окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1887 г. был рукоположен в сан священника, трудился в духовно-учебных заведениях Донской епархии. В 1902 г. иерей Григорий Максимов был удостоен сана протоиерея. Тогда же он был назначен настоятелем кафедрального собора во Владикавказе, а в 1906 г. – ректором Саратовской духовной семинарии. 21 августа 1909 г. после смерти супруги он был пострижен в монашество с именем Гермоген и возведен в сан архимандрита. 9 мая 1910 г. в Санкт-Петербурге хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской и Новочеркасской епархии³⁶⁰.

Как видно, епископ Гермоген происходил из донских казаков, и вся его жизнь до 1920 г. проходила на Дону. Именно этот факт во многом обусловил то, что епископ Гермоген активно выступал с проповедями и обличал большевиков, причинивших немало зла не только Православной Российской Церкви, но в первую очередь для епископа Гермогена, Донской земле, которая в сознании донских казаков была не меньшей святыней, чем храм Божий. Свойствами казачьего происхождения епископа Гермогена было и бесстрашие, с которым он неустанно обличал большевиков. Так, в речи при отпевании в новочеркасском кафедральном соборе 30 ноября 1917 г. 4-х юношей, погибших в борьбе с большевиками³⁶¹, за которую его грозили убить представители Советов, Владыка говорил: «За что они убиты? За то, что хотели отстоять спокойствие и порядок в своей родной Донской области, за то, что защищали свои родные очаги, защищали нас. Кто вооружился против нас, кому нужно нарушить мирную жизнь Тихого Дона. Вооружились свои, русские, изменники и предатели большевики. Они заключили перемирие с внешним врагом, чтобы повернуть оружие против Тихого Дона, против казачества, против нас... За что? Что сделал преступного Вольный Дон? За то, что он защищал веру православную, горячо любимую родину

³⁶⁰ Ермоген (Максимов Григорий Иванович) // Православная энциклопедия. Т. VIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 660–663.

³⁶¹ Надгробное рыдание // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 374.

Россию, за то, что он нес неисчислимые жертвы на алтарь отечества?»³⁶². В речи Владыки красной нитью прослеживается его трепетное отношение к Тихому Дону. Донских же казаков он понимал как защитников в первую очередь православной веры. Далее, обращаясь к присутствующим на отпевании, Владыка открыто призывал стать на защиту православной веры, причем, по его словам, Церковь должны были защищать не только мужчины, но и женщины. Призыв к защите был пронизан обвинением большевиков в том, что они идут против казачества: большевики «это слуги наших врагов, они действуют по их указке, они выполняют их план, они желают уничтожить, разрушить последний оплот Церкви Православной, последний оплот нашей Родины. Пусть мое проклятие и проклятие Православной Церкви падет на голову предателей и убийц, пока они не раскаются»³⁶³. Здесь епископ Гермоген, поддавшись эмоциям, проклинает большевиков. Это проклятие, но обозначенное как анафематствование, перекликается с посланием св. патриарха Тихона от 1 февраля 1918 г. «об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры в Церкви Православной».

Изгнание из Новочеркасска большевиков и основание Всевеликого Войска Донского горячо приветствовалось преосвященным. В слове на праздновании «окончательного освобождения Дона от богомерзких и безбожных нехристей большевиков»³⁶⁴ епископ Гермоген называл освобождение временем «великого и светлого торжества», «ясным днем свободы и истинного богатства»³⁶⁵.

Епископу Гермогену как истинному сыну Донской земли принадлежала идея постройки храма-памятника в честь победы казаков над большевиками. В своем слове Владыка говорил: «Мрак большевизма рассеялся и наступил светлый и ясный день свободы и истинного богатства...

³⁶² Надгробное рыдание // Донская христианская мысль. 1917. № 24. С. 374.

³⁶³ Там же. С. 375.

³⁶⁴ [Лобов Захария, прот.]. Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 295.

³⁶⁵ Там же. С. 297.

Нужно это событие ознаменовать каким-либо добрым делом, и чтобы этот памятник, который мы решимся воздвигнуть, был постоянным свидетелем для грядущего потомства светлого и радостного дня Седого Дона... Самым лучшим памятником этого славного события может быть только святой храм, который мы и воздвигнем в память грядущему нашему потомству»³⁶⁶. Иными словами, для епископа Гермогена Дон и его сыны-казаки были преградой для большевизма, которая на века защитит эти земли от разрушения храмов и надругательств над верой.

Казаки, по мысли епископа Гермогена, были защитниками абсолютного добра, поэтому в своем воззвании к постройке храма-памятника Владыка говорит об их «святой крови»: «Много казачьей крови пролилось в эту братоубийственную войну. Этой святой кровью наших братьев спасен Дон от богопротивных большевиков. Теперь мы свободны и можем жить своей казачьей жизнью, наслаждаясь благами жертвенного подвига наших братьев»³⁶⁷.

Тема казаков как защитников православной веры звучала и в слове епископа Гермогена при освящении места для строительства храма во имя иконы Божией Матери «Нерушимая Стена». Придавая огромное значение будущему храму, преосвященный в своих речах называл его «храм Спасения Дона»³⁶⁸. В слове, произнесенном на освящении, епископ Гермоген выразил глубокую веру в непобедимое мужество казаков, которые никогда не отдадут своего родного Дона никакому врагу и супостату³⁶⁹. Более того, он выразил уверенность в том, что никогда не быть тому, чтобы кто-либо или когда-либо завладел Тихим Доном, пока будет живо казачество³⁷⁰.

³⁶⁶ [Лобов Захария, прот.]. Светлый и радостный день на Дону // Донская христианская мысль. 1919. № 27. С. 297.

³⁶⁷ Воззвание Преосвященного Гермогена, епископа Аксайского о построении храма «Нерушимая стена» // Донская христианская мысль. 1919. № 36–37. С. 389.

³⁶⁸ Освящение места под храм Спасения Дона // Донская христианская мысль. 1919. № 38–39. С. 407.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же. С. 408.

Как видно, епископ Гермоген, будучи донцом по происхождению, видел в казачестве тех защитников, которые спасут Дон, а потом и всю Россию от большевизма. К сожалению, даже казаки не смогли противостоять стихии тьмы, захватившей великую страну.

Жизнь епископа Гермогена закончилась трагически. В октябре 1919 г. в связи с запрещением Временным высшим церковным управлением Юго-востока России архиепископа Агапита (Вишневого), епископ Гермоген был назначен епархиальным архиереем Екатеринославской и Мариупольской епархии. В ноябре 1920 г. он эмигрировал с войсками генерала П.Н. Врангеля. С 1922 по 1942 гг. епископ Гермоген был членом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. В 1930-х гг. проживал в сербском монастыре Гргетег, осенью 1941 г. был вынужден переехать в монастырь Хопово. В 1942 г. под давлением возглавил неканоническую Хорватскую Православную Церковь. По указанию коммунистического правительства И.Б. Тито 29 июня 1945 г. по решению Военного трибунала приговорен к смерти и казнен³⁷¹.

Жизненный путь донских преосвященных и их речи, в незначительном количестве зафиксированные в периодике 1918–1919 гг., показывают, что как для архиепископа Митрофана, так и для епископа Гермогена Всевеликое Войско Донское и донское казачество были той благословенной силой, которая сможет противостоять советской власти и даст Церкви надежную защиту от поругания. Донское казачество мыслилось ими как безусловно благочестивые христиане-воины и гарант защиты.

Итак, церковная жизнь донского казачества с 1829 г. была неразрывно связана с Донской и Новочеркасской епархией. Принадлежность к такой военизированной организации как Войско Донское обеспечивала не только порядок среди казаков, но и защиту храмов и духовенства Православной Российской Церкви от революционных потрясений, как это было, например,

---

³⁷¹ Ермоген (Максимов Григорий Иванович) // Православная энциклопедия. Т. VIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 660–663.

в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Однако в 1917 г. революционные потрясения были настолько глобальными, что как Церковь, так и казачество вынуждены были на них реагировать.

События Февральской революции, в результате которых к власти пришло Временное правительство, были встречены церковным сообществом Донской и Новочеркасской епархии с восторгом. Однако с первых же шагов стало очевидно, что представители местных исполнительных комитетов в первую очередь попытались взять под контроль финансовую жизнь приходских храмов. Только противостояние архиепископа Митрофана (Симашкевича) позволило прекратить вторжение в жизнь приходов этих комитетов.

Центральным событием в жизни епархии 1917 г. было проведение Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии. Этот съезд поддержал демократизацию Церкви, однако донские преосвященные архиепископ Митрофан, епископ Гермоген (Максимов) и подавляющее большинство приходского духовенства не разделяли их воззрений. В результате событий, связанных с приходом в столицах к власти большевиков, ни одно из постановлений Чрезвычайного съезда, за исключением учреждения в епархии Епископского совета, не было воплощено в жизнь.

Первое столкновение населения Области войска Донского с большевиками последовало только через 4 месяца после Октябрьской революции, в результате которой к власти в бывшей Российской империи пришли большевики.

Учреждение в 1918 г. на освобожденных территориях Всевеликого Войска Донского было с радостью встречено как иерархами и духовенством Донской области, так и населением. Правительство Всевеликого Войска Донского со времени своего учреждения провозгласило Православную Российскую Церковь первенствующей на территориях, подконтрольных Донской армии. Тесное сотрудничество войскового правительства

с преосвященными Донской и Новочеркасской епархии позволило решить ряд принципиально важных для Церкви вопросов: на Юго-восточном русском церковном соборе в Ставрополе, проходившем под председательством архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана, была решена проблема высшей церковной власти на Юге России. По инициативе Войска приходское духовенство Донской области начало получать жалованье, позволившее решить проблему материального обеспечения духовенства. Войско также оказывало материальную поддержку духовным школам Донской и Новочеркасской епархии, что позволило им существовать до 1920 г.

В воззрениях донских иерархов, основанных на консервативных позициях, лишенных влияния демократических реформ 1917 г., Всевеликое Войско Донское мыслилось не только как часть Церкви, но и как ее защитник. Эта позиция позволила в 1918–1919 гг. создать беспрецедентный союз между Всевеликим Войском Донским и Донской и Новочеркасской епархией.

2. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1921 ГГ.

2.1. Разгром «белого движения» и установление на Дону власти большевиков. Административно-территориальные реформы

Несмотря на победу над большевиками, одержанную на территории Области войска Донского Добровольческой армией в 1918 г., Гражданская война продолжалась. Если на протяжении 1918 г. войсковое правительство с оптимизмом смотрело в будущее, продолжая комплектовать Донскую армию³⁷² и ведя переговоры с союзниками, то 1919 г. стал переломным. В начале февраля советские войска вступили в верхнедонские станицы Михайловскую, Добринскую, Котовскую и Урюпинскую³⁷³. Дивизия под командованием Б.М. Думенко неожиданным ударом разгромила 6 казачьих полков³⁷⁴. На сторону советской власти перешли станицы Казанская, Мигулинская и Вешенская³⁷⁵. 16 февраля 1919 г. началось общее наступление красноармейцев³⁷⁶.

На фоне наступления и тяжелых поражений на фронте 14 февраля 1919 г. в Новочеркасске собрался большой Войсковой круг. Круг вынес вотум недоверия генералу Денисову. Вслед за ним в отставку подал атаман генерал П.Н. Краснов. Новым атаманом был избран генерал А.П. Богаевский³⁷⁷. Понимая сложное положение Донской армии, он

³⁷² Венков А.В. Красные и белые донские казаки в 1918 г. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 7–11.

³⁷³ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984. С. 92.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 462.

³⁷⁶ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном... С. 92.

³⁷⁷ Там же. С. 93.

следовал политическому курсу и приказам главнокомандующего белогвардейскими вооруженными силами Юга России А.И. Деникина³⁷⁸.

Осложняли положение Донской республики и другие обстоятельства. Так, войсковому правительству пришлось столкнуться с явлением, получившим в воспоминаниях бывшего атамана Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснова название «казачий патриотизм»³⁷⁹. Казаки многих станиц, освободив свой округ от большевиков, на митингах выносили резолюции о том, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границ³⁸⁰. Более того, как писал П.Н. Краснов, многие окружные атаманы, атаманы станиц и даже просто коменданты станций и пристаней «самовольно выносили постановления о невывозе из пределов станицы хлеба, реквизировали проходящие через них грузы»³⁸¹.

Нежелание казаков воевать за пределами своих округов обосновывалось и отсутствием помощи союзников, на которых у правительства Всевеликого Войска Донского была основная надежда³⁸². После отречения императора Вильгельма от престола и начавшегося активного «разложения» германской армии под влиянием революционной пропаганды, союзники были вынуждены покинуть свои позиции и прекратить активную помощь Донской и Добровольческой армиям³⁸³.

Причинами утраты внутренней дисциплины в Донской армии также были активная пропаганда большевиков и эпидемия тифа. Как писал атаман П.Н. Краснов, «болезнь, полубредовое состояние перед нею понижали дух армии. Казаки приходили в отчаяние. Война шла уже десятый месяц, а не

³⁷⁸ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном... С. 93.

³⁷⁹ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 409.

³⁸⁰ Трут В.П. Гражданская война на Юге России: специфика политического и военного противостояния на начальном этапе // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 121–122.

³⁸¹ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 409.

³⁸² Там же. С. 427.

³⁸³ Там же. С. 427.

только не было видно конца, но с каждым шагом вперед положение становилось все более грозным и тяжелым»³⁸⁴.

20 ноября 1919 г. началось наступление спешно сформированной Рабоче-крестьянской Красной армии³⁸⁵. Выполняя решение Политбюро от 14 ноября 1919 г., Реввоенсовет республики 17 ноября 1919 г. указал командованию Южного фронта, что главная задача фронта – разбить Добровольческую армию, овладеть Донецким бассейном и продолжать наступление на всем фронте³⁸⁶. Попытка Деникина задержать наступление войск Южного фронта на рубеже р. Северный Донец и в Донецком бассейне потерпела крах. Войска 13 армии, Ударной группы Буденного и 8-й армии разгромили Добровольческую армию и 3-й корпус Донской армии, остатки которых поспешно отходили в направлении Таганрога, Ростова-на-Дону и Новочеркасска. Понеся большие потери, Добровольческая армия была реорганизована в Добровольческий корпус³⁸⁷.

Наступление частей РККА заставило войскового атамана А.П. Богаевского объявить об отступлении. Следуя идеологии Всевеликого Войска Донского, еще в октябре – ноябре 1919 г. был издан приказ об эвакуации приходского духовенства с отступающей Добровольческой армией «со всеми церковными вещами»³⁸⁸. В декабре 1919 г. в эвакуации участвовало значительное число священнослужителей Донской и Новочеркасской епархии³⁸⁹. После разгрома Добровольческой армии

---

³⁸⁴ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 47.

³⁸⁵ Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. С. 124.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же. С. 150.

³⁸⁸ Шадрин А.В. Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2. Сб. научных статей / сост. С.Б. Борисов, Н.Ф. Чипинова; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 112.

³⁸⁹ Там же.

и возвращения домой, многие из них были привлечены советской властью к уголовной ответственности за факт участия в отступлении³⁹⁰.

2 января 1920 г. 3-я кавалерийская бригада Красной армии заняла станицу Морозовскую. На следующий день все дивизии 9-й армии находились на железной дороге Лихая – Морозовская, а конница – южнее названных пунктов³⁹¹. В тот же день командование 9-й армии поставило перед войсками задачу до 7 января овладеть Новочеркасском и выйти на линию ст. Аксайская – Кривянская – Раздорская – Константиновская³⁹². Предвидя ожесточенные бои, командование 9-й армии направляло на Новочеркасск почти все свои силы и отвело значительное время для того, чтобы привести части в порядок. Белое командование для обороны Новочеркасска сосредоточило всю конницу Донской армии³⁹³.

5 января 9-я армия начала Новочеркасскую операцию³⁹⁴. Разгром 3-й донской казачьей дивизии белых сильно подействовал на моральное состояние личного состава 8-й донской дивизии красных³⁹⁵. 7 января около полуночи Новочеркасск был захвачен³⁹⁶. 10 января 1920 г. «Правда» сообщила, что «в 23 часа 7 января героическими частями 9-й армии после кровопролитных боев взят г. Новочеркасск. Основной кол вбит в самое сердце контрреволюции. Остатки ее бегут, гонимые нашими частями»³⁹⁷.

Вечером 8 января 6-я кавалерийская дивизия ворвалась в Ростов-на-Дону, а 4-я кавалерийская дивизия под командованием О.И. Городовикова заняла Нахичевань³⁹⁸. Одновременно с запада вступили полки 6-й

³⁹⁰ Шадрин А.В. Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2. Сб. научных статей / сост. С.Б. Борисов, Н.Ф. Чипинова; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 112.

³⁹¹ Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. С. 159.

³⁹² Там же. С. 160.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Там же. С. 162.

³⁹⁶ Там же. С. 163.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Там же. С. 164.

кавалерийской дивизии под командованием С.К. Тимошенко³⁹⁹. Но окончательно Ростов-на-Дону перешел в руки большевиков 10 января 1920 г.⁴⁰⁰

Захват донской столицы и крупнейшего торгового города Юга России стали знаком окончания Гражданской войны в пределах Области Всевеликого Войска Донского. Большая часть Донской армии, отступая, вышла в порты Черного моря, ¼ часть (более 10 тысяч человек) была переправлена в Крым, остальные (около 100 тысяч человек) были брошены на берегу и сдались Красной армии⁴⁰¹. Гражданская война на Дону была закончена победой большевиков в начале марта 1920 г.⁴⁰²

После установления в донском регионе советской власти здесь с первых чисел марта 1920 г. начали спешно создаваться органы управления. Если централизованное военное руководство, которое было поручено народному комиссару по борьбе с контрреволюцией на юге России В.А. Антонову-Овсеенко, находилось в Харькове⁴⁰³, административные органы управления в виду нестабильной обстановки в регионе, первое время находились в Саратове⁴⁰⁴. Выборы в станичные, волостные и окружные Советы прошли на Дону весной и в начале лета 1920 г.⁴⁰⁵

С 17 июня 1920 г. в Ростове-на-Дону прошел II съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Донской области. Съезд единодушно постановил, что отныне Донская область становится неотъемлемой частью всей Советской России. Советы Донобласти строятся по образцу и подобию Советов всей России и ставят перед собой те же

---

³⁹⁹ История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1971. С. 182–183.

⁴⁰⁰ Там же. С. 183.

⁴⁰¹ Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С.97

⁴⁰² История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1971. С. 184.

⁴⁰³ Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984. С. 17.

⁴⁰⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.

⁴⁰⁵ Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1972. С. 512.

задачи⁴⁰⁶. Такое решение съезда было вполне объяснимо, поскольку работа представителей советской власти среди казаков велась с 1917 г. I казачий съезд представителей казачества, разделявших революционные идеи, был созван в Петрограде 23 марта 1917 г.⁴⁰⁷ Несмотря на то, что на этом съезде был создан «Союз казачьих войск»⁴⁰⁸, целью которого было «парализовать социалистическую и большевистскую агитацию и сплоченным казачьим фронтом удержать казачество от разложения»⁴⁰⁹, Ленин видел в казачестве не только силу контрреволюции. Он указывал на необходимость ускорения раскола среди казачества, добиваясь перехода трудовых казаков на сторону революции⁴¹⁰.

Одним из первых распоряжений советской власти на Дону было административное реформирование области. В первую очередь Область войска Донского была переименована в Донскую, а ее центр перемещен из Новочеркасска в город Ростов-на-Дону⁴¹¹. Перенос центра объяснялся тем, что Новочеркасск был столицей донского казачества, которое в большинстве не только не приветствовало советскую власть, но и продолжало оказывать ей сопротивление. Ростов-на-Дону – крупный купеческий город, вошедший в состав Области войска Донского в 1870 г., с 1890-х гг. стал центром революционной борьбы на Юге России⁴¹², поэтому советскому правительству было намного комфортнее находиться в среде, которая обеспечивала поддержку советским деятелям.

В 1920 г., Область, вошедшая в состав Юго-Востока России, состояла из Верхне-Донского, Донецкого, 1-го Донского, Ростовского, Сальского и Черкасского округов. 2-й Донской, Усть-Медведицкий, Хоперский, часть

⁴⁰⁶ Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х т. Т. 1. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1972. С. 512.

⁴⁰⁷ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Борьба прартии за трудовое казачество (1917–1920 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. С. 11.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же. С. 16.

⁴¹¹ Справка об изменениях административно-территориального деления края с XVIII века // Государственный архив Ростовской области. Путеводитель. Ростовское книжное издательство, 1961. С. 464.

⁴¹² История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1971. С. 110.

Сальского и 1-го Донского округов были отнесены к Царицынской губернии⁴¹³. Постановлением Совета народных комиссаров от 23 марта 1920 г. и ВЦИК от 26 мая 1920 г., Таганрогский, часть Донецкого и Черкасского округов были переданы в административное ведение Донецкой губернии (УССР), в составе которой находились до 1924 г.⁴¹⁴

Административные «ломки», направленные на уничтожение антисоветского движения на Дону⁴¹⁵, были продолжены 7 марта 1923 г. и проходили до 1937 г. – года учреждения Ростовской области.

Процесс окончательного установления на Дону советской власти, организация административных органов управления и административные преобразования обусловили тот факт, что внутренняя жизнь приходов Православной Российской Церкви до конца июля 1920 г. оставалась без изменений⁴¹⁶. Несмотря на военные действия периода Гражданской войны, ни архивные источники, ни донская периодика, начавшая издаваться сразу после утверждения на Дону советской власти, ни мемуары не сохранили сведений о подвергшихся во время военных действий разрушению храмах, об актах убийства священнослужителей. В целом, несмотря на тяготы войны, церковная жизнь на Дону проходила в обычном режиме. После установления советской власти, несмотря на административные преобразования, Донская и Новочеркасская епархия оставалась в прежних границах до ее упразднения в 1935 г.⁴¹⁷

Как видно, во второй половине 1918 – начале 1920 гг. Область Всевеликого Войска Донского стала ареной военных действий Гражданской войны. До окончательного установления в регионе в начале марта 1920 г. советской власти, проходившие на территории Области бои стали причиной

⁴¹³ Справка об изменениях административно-территориального деления края с XVIII века // Государственный архив Ростовской области. Путеводитель. Ростовское книжное издательство, 1961. С. 464–465.

⁴¹⁴ Там же. С. 464.

⁴¹⁵ Агеев Е.А., свящ. Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917 – 1930). М.: Изд-во «Спасское дело», 2019. С. 98.

⁴¹⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 3.

⁴¹⁷ История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2–6. С. 159.

как отсутствия попыток преследования православного духовенства и верующих, так и введения в действие нового советского законодательства. После победы войск РККА над Добровольческой армией и окончательного установления на Дону советской власти, на протяжении полугода здесь продолжалось становление административных органов управления новой власти, была проведена административно-территориальная реформа. Только после окончания становления системы управления был поставлен вопрос о внедрении на территории Донской области нового религиозного законодательства.

2.2. Реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Донской области

После Октябрьской революции представители новой власти, взявшей за основу «общественные и политические теории, выработанные в кабинетах ученых-материалистов и идеологов классовой борьбы»⁴¹⁸, сочли необходимым на законодательном уровне определить отношение к религиозным организациям, и в первую очередь к Православной Российской Церкви. По мнению Г. Штриккера, для большевиков – «поклонников диалектического и исторического материализма»⁴¹⁹ – Церковь была в первую очередь идеологическим противником, защищавшим старый строй. Именно поэтому ее следовало разрушить и уничтожить⁴²⁰. Однако, как справедливо замечал А.Л. Беглов, до 1922 г. советская власть не имела продуманной концепции выстраивания взаимоотношений с Церковью⁴²¹. Политика государства определялась в первую очередь желанием исключить

⁴¹⁸ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 6.

⁴¹⁹ Там же. С. 37.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Беглов А.Л. Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х годов: колебания границы легальности // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 212.

ее из всех сторон жизни государства. Негативное же отношение к храмам и духовенству со стороны наиболее ярых большевиков объяснялось конфронтацией. Акты вандализма, направленные на убийства священников и осквернение церквей носили спонтанный характер, не регламентированный представителями власти⁴²².

Одним из первых законодательных актов советской власти, направленных на максимальное исключение религиозных организаций из жизни граждан⁴²³ и затронувших интересы Православной Российской Церкви, был опубликованный 28 октября 1917 г. Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов о земле⁴²⁴. Согласно этому декрету, монастырские и церковные земли «со всем их... инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями»⁴²⁵ были национализированы и перешли в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов⁴²⁶. Как подсчитал В.Ф. Зыбковец, этим декретом Церковь была лишена около 3 млн. десятин земли⁴²⁷.

30 октября 1917 г. постановлением по Народному Комиссариату по Внутренним делам «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса»⁴²⁸ Церковь была лишена значительного объема жилищного фонда, к которому относились гостиницы, подворья, больницы, приюты и т.д.

---

⁴²² Беглов А.Л. Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х годов: колебания границы легальности // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 212.

⁴²³ Шершнева-Цитульская И.А. Правовой статус Русской Православной Церкви в советском государстве (1917–1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 62.

⁴²⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 4–6.

⁴²⁵ Там же. С. 4.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. С. 110.

⁴²⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 15.

Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов, опубликованным 12 ноября 1917 г.⁴²⁹ духовное сословие было упразднено и лишено всех прав и привилегий.

15 декабря 1917 г. было опубликовано чрезвычайно болезненно воспринятое как духовенством, так и верующими постановление Комиссариата по народному просвещению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению»⁴³⁰. В соответствии с постановлением, «духовное ведомство» лишалось права и возможности участвовать в деле воспитания молодежи. В Комиссариат народного просвещения передавались (национализировались) «все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии»⁴³¹. Национализации подлежали не только здания школ, но и усадьбы, земли, капиталы, ценные бумаги⁴³². Для приходского духовенства утрата церковно-приходских школ была не только потерей возможности обучать подрастающее поколение Закону Божию и основам нравственности, но и потерей гарантированных доходов.

16 января 1918 г. был опубликован Приказ Народного Комиссариата по военным делам «О расформировании всех управлений духовного ведомства», согласно которому все священнослужители, находившиеся на службе в военном ведомстве, увольнялись, все управления военного духовенства расформировывались, все имущество и деньги в обязательном порядке сдавались войсковым комитетам частей до создания специальных комиссий по приему имущества⁴³³. Существенным пунктом приказа, свидетельствующим о справедливо отмеченном А.Л. Бегловым отсутствии

---

⁴²⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 26.

⁴³⁰ Там же. С. 129.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же. С. 260.

продуманной концепции выстраивания взаимоотношений с Церковью, были пункты 3 и 4, оговаривавшие, что в случае желая войсковых частей при них могут оставаться священнослужители. При этом их материальное содержание зависело от решения комитета⁴³⁴.

20 декабря 1917 г. был издан «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»⁴³⁵, который лишал Православную Российскую Церковь права метрикации. Этим декретом Церковь выводилась за пределы важнейших актов жизни человека. Более того, декретом разрушались нравственные ценности, связанные с семьей и браком.

20 января 1918 г. был опубликован Приказ Народного Комиссариата государственного призрения «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов»⁴³⁶, полностью лишивший Церковь дополнительного финансирования государства. В соответствии с этим приказом с 1 марта 1918 г. полностью прекращалось государственное субсидирование на содержание церквей, часовен, совершение церковных обрядов, а также содержание священнослужителей и законоучителей. При этом в приказе оговаривалось, что церковные службы и требы могут продолжаться только при условии «возбуждения ходатайства коллективами верующих с обязательством принятия на себя ремонта и содержания помещений, инвентаря и служащих»⁴³⁷.

Декреты и приказы советской власти, имевшие силу законодательных актов и опубликованные в течение 3-х месяцев (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.), не только лишили Православную Российскую Церковь большинства источников финансирования. Планомерно уничтожая все возможности законного участия Церкви в деле воспитания молодежи, участия в важнейших актах жизни человека (регистрации рождения, брака и смерти),

---

⁴³⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 260.

⁴³⁵ Там же. С. 161–163.

⁴³⁶ Там же. С. 273.

⁴³⁷ Там же.

лишая Церковь возможности землевладения и владения жилищным фондом, использовавшимся в благотворительных целях, законодательные акты, опубликованные в октябре 1917 г. – январе 1918 г. подготовили издание декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», определившего положение Церкви в советском государстве⁴³⁸.

Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был издан 23 января 1918 г.⁴³⁹ В соответствии с декретом, Российская Православная Церковь отделялась от государства, т.е. переставала быть его частью, и приобретала частноправовой статус, т.е. такое правовое положение, «при котором субъект лишен права осуществлять государственные функции, но наделен правами частного общества, создаваемого для удовлетворения частных интересов граждан»⁴⁴⁰. Такое положение не соответствовало целям и задачам, которые Церковь выполняла на протяжении истории государства Российского. Пунктами 8 и 9 декрета Церковь лишалась права метрикации (п. 8)⁴⁴¹ и права участия в образовательном процессе (п. 9)⁴⁴². Однако неприятие вызвали не эти пункты, а положения, лишавшие Церковь имущества и прав юридического лица (пп. 12–13)⁴⁴³, что выводило Церковь даже за пределы частноправового статуса и лишало ее всей собственности и всех прав.

Издание декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вызвало негативную реакцию Святейшего Патриарха Тихона, который 19 января (1 февраля) 1918 г. обратился к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви с посланием

---

⁴³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286–287.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Шершнева-Цитильская И.А. Правовой статус Русской Православной Церкви в советском государстве (1917–1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 65.

⁴⁴¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Беглов А.Л. Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920 – 1940-х годов: колебания границы легальности // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 212.

«Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной»⁴⁴⁴. В послании Святейший Патриарх давал следующую оценку декрету: «власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, – над Святою Церковью Православной»⁴⁴⁵. Под насилием Патриарх Тихон подразумевал открытое объявление ненужными «таинств, освящающих рождение на свет человека или благословляющих супружеский союз семьи христианской»⁴⁴⁶. Насилием в понимании Святейшего Патриарха Тихона был захват чтимых народом обителей, которые объявлялись «каким-то якобы народным достоянием»⁴⁴⁷. Особую боль у Патриарха вызвала национализация школ: «школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности»⁴⁴⁸. Это послание Патриарха в трудах ряда исследователей было оценено как констатация начала гонений на Православную Российскую Церковь⁴⁴⁹.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не был законодательным актом, с энтузиазмом воспринятым гражданами Республики. Его рецепция потребовала издания 30 августа 1918 г. дополнительного постановления Народного Комиссариата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от

---

⁴⁴⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТГУ, 1994. С. 82–85.

⁴⁴⁵ Там же. С. 83.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Васильева О.Ю. О церковном праве в новейший период истории Русской православной церкви // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 119. Кашеваров А.И. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. С. 11–15. Регельсон Л. Трагедия Русской церкви: 1917–1945. М., 1996. С. 19–20. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 363.

государства и школы от церкви" (Инструкция)»⁴⁵⁰. В этом документе был подробно расписан порядок национализации церковного имущества, приведены образцы договоров и т.д. Так, в п. 4–15 оговаривалось, что все имущество «вероисповедных учреждений и обществ» переходит «в непосредственное заведывание местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов»⁴⁵¹ (п. 4). Для акта передачи религиозное общество должно было предоставить местным Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов опись имущества в трех экземплярах. По этой описи представитель Совета должен был принять имущество и передать его в бесплатное пользование «всем тем местным жителям соответствующей религии, которые желают взять в пользование имущество» (п. 5)⁴⁵². На группу лиц, которых должно было быть не менее 20 человек (п. 6), возлагались обязанности «хранить и беречь... доверенное им народное состояние» (п. 8). В качестве реверанса свободе совести звучал п. 15 «Инструкции», которым допускалось беспрепятственное возведение новых храмов и молитвенных домов. При этом новое молитвенное здание с момента его сооружения принадлежало Советам, а верующим могло быть передано в бесплатное бессрочное пользование (п. 15)⁴⁵³.

В разделе «Инструкции» «О прочих имуществах» (п. 16–25) оговаривалось, что любое недвижимое имущество, ранее принадлежавшее любому религиозному обществу (дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы), должно быть незамедлительно передано «в ведение Советских установлений»⁴⁵⁴. Национализации подлежали как наличные средства, хранившиеся в церквях (п. 19), так и церковные капиталы, которые жертвовались храмам и приходскому духовенству (например, «на вечный

⁴⁵⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 849–858.

⁴⁵¹ Там же. С. 849.

⁴⁵² Там же. С. 849–450.

⁴⁵³ Там же. С. 851.

⁴⁵⁴ Там же.

помин души») и размещались в банки под проценты. Все церковные капиталы, бережно собиравшиеся прихожанами и духовенством, в соответствии с «Инструкцией», должны были немедленно быть перечислены в «доход Казны» Республики (п. 22)⁴⁵⁵.

Пункты 26–28 «Инструкции» посвящены передаче метрических книг в Отделы Записей актов гражданского состояния. Метрические книги за все годы подлежали немедленному изъятию и передаче в губернские (областные) хранилища (п. 26)⁴⁵⁶.

Пункты 33–35 «Инструкции» повторяли запрет декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» о преподавании «каких бы то ни было религиозных вероучений... в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских»⁴⁵⁷.

Изданные советской властью законодательные акты, определившие положение Православной Российской Церкви в государстве, потребовали трудоемкой рецепции. Особенно непростой была ситуация в Донской области. До конца апреля 1920 г. вопрос о необходимости реализации на Дону декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не поднимался. Это было связано, во-первых, с отсутствием в округах Донской области стабильных органов власти⁴⁵⁸. Во-вторых, проведению в жизнь декрета не способствовала политическая обстановка. Несмотря на победу Советов, на территории Донской области продолжали действовать довольно крупные отряды казаков, выступавшие против большевиков⁴⁵⁹. Это

---

⁴⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 854.

⁴⁵⁶ Там же. С. 855.

⁴⁵⁷ Там же. С. 856.

⁴⁵⁸ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36 Л. 18 об.

⁴⁵⁹ Грищенко А.Н. «Сбор продналога тормозится операциями мелких банд»: повстанческое движение в Донской области летом 1921 г. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 233.

обусловило отсутствие связи с отдаленными от Ростова-на-Дону округами⁴⁶⁰. В-третьих, представители советской власти знали о том, что донцы ревностно относятся к Церкви, и опасались сознательно идти на конфронтацию с местным населением.

После организации в Ростове-на-Дону работы Донского исполнительного комитета (Донисполкома), только 23 апреля 1920 г. органами власти был сделан первый шаг в решении вопроса об отделении Церкви от государства. На заседании отдела юстиции 23 апреля было принято решение о публикации текста декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴⁶¹. Скорее всего, декрет был опубликован в газете «Советский юг», но эта публикация не вызвала никакой реакции у местного населения.

18 мая 1920 г. на заседании отдела юстиции Донисполкома было принято решение выработать циркулярное отношение к исполкомам и обращение к населению с разъяснением декрета⁴⁶².

Начавшаяся работа по отделению Церкви от государства 26 мая 1920 г. была стимулирована получением распоряжения VIII отдела Народного Комиссариата юстиции (НКЮ). VIII отдел, озабоченный отсутствием результатов проведения мероприятий по отделению Церкви от государства, препроводил в Донисполком циркуляр Наркомюста от 12 мая 1920 г., в котором напоминалось о необходимости пресечения деятельности епархиальных советов, генеральных консисторий и «т[ому] п[одобных] религиозных организаций»⁴⁶³. Помимо этого, VIII отдел НКЮ просил немедленно сообщить о мероприятиях, проведенных по поводу пресечения деятельности епархиальных советов, поскольку, как говорилось в распоряжении, реакция на циркуляр «обнаружится после опубликования этого циркуляра в издаваемых в вашем городе губернских известиях или

---

⁴⁶⁰ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36 Л. 18 об.

⁴⁶¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 77. Л. 9.

⁴⁶² ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.

⁴⁶³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 1.

после вручения этого циркуляра под расписку местному архиерею или соответствующему по религиозному значению лицу»⁴⁶⁴. VIII отдел также просил пересылать все циркуляры, письма и распоряжения, «какие имеют место последовать на сей предмет со стороны духовных лидеров»⁴⁶⁵.

Распоряжение VIII отдела инициировало деятельность Донисполкома в вопросе проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В первых числах июня заведующий Общим подотделом Отдела юстиции Донисполкома в докладной записке в Коллегию Отдела юстиции сообщил, что в Донской области отделение церкви от государства не проводилось в полном объеме⁴⁶⁶. По всей видимости, под выполненным объемом работ подразумевалась предпринятая в конце апреля 1920 г. попытка публикации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в местной периодике. Заведующий Общего подотдела также сообщил, что Отдел юстиции не имеет сведений о том, что именно сделано в отношении отделения церкви от государства. Донисполком лишь случайно узнал о существовании того или иного церковного учреждения, о нежелательности которого сообщалось в циркуляре Наркомюста. Так, например, до сведения Отдела юстиции «дошел факт существования в Области Епархиального совета»⁴⁶⁷. Из докладной записки также становилось очевидным, что Донисполкому неизвестно, существуют ли в Донской области «специальные органы управления церковью и ее имуществами и какими именно»⁴⁶⁸; издавались ли органами церковного управления на территории Донской области постановления по поводу декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», и какие именно; передавалось ли местным Совдепам имущество религиозных организаций, находившихся на территории Донской области; какие церковные капиталы поступили в распоряжение Совдепов и где хранятся;

⁴⁶⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 1.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Там же.

изъяты ли из церковных канцелярий метрические книги и переданы ли по принадлежности в отделы записей⁴⁶⁹. Иными словами, в докладной записке сообщалось о полном неведении Донисполкома в вопросах, касавшихся отделения церкви от государства.

Отсутствие у сотрудников Донисполкома информации о существовании на Дону епархиальных структур объясняется тем, что в советских органах власти работали не местные уроженцы, которым было известно, что Ростов-на-Дону являлся центром учрежденной в 1919 г. Ростовской и Таганрогской епархии⁴⁷⁰, и, соответственно, в Ростове-на-Дону имелся Епархиальный совет. Коммунистам, прибывшим на Дон из центральных уездов России, также было неизвестно, что Епархиальный совет был в Новочеркасске, который с 1829 г. являлся центром обширной Донской и Новочеркасской епархии⁴⁷¹.

Поскольку для сотрудников Донисполкома задача выяснения вопросов, связанных с религиозными организациями, оказалась чрезвычайно сложной, проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было возложено на окружные исполнительные комитеты⁴⁷². В циркуляре Донисполкома, разосланном всем окружным бюро Донской области, местным исполкомам предлагалось срочно приступить к практическому проведению в жизнь декрета⁴⁷³. При этом Донисполком сообщал, что проведение мероприятий, связанных с реализацией декрета, областью не финансируется. Расходы полностью возлагались на окружные исполнительные комитеты, которые, как было указано в циркуляре, «вправе и должны расходовать свои средства на проведение в жизнь декрета»⁴⁷⁴. В соответствии с циркуляром, в задачи окружных исполнительных

⁴⁶⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 2.

⁴⁷⁰ Крячко Н., прот. Архив Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви. URL: http://www.sedmitza.ru/data/2012/06/27/1237054930/2012_1_2_04.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

⁴⁷¹ Маштафаров А.В. Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. XV. С. 667–678.

⁴⁷² ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 70. Л. 8.

⁴⁷³ Там же. Оп. 4. Д. 52. Л. 186.

⁴⁷⁴ Там же.

комитетов входили: проверка имуществ церквей и заключение договоров с общинами; контроль создания в каждой религиозной общине группы, состоящей из 20 человек, которые брали на себя ответственность за имущество «предназначенное для религиозных и обрядовых целей»; составление инвентарной описи церковного имущества; проверка имущества и заключение договора о бесплатном пользовании помещением и имуществом церкви; передача заключенных договоров общине, на хранение в окрисполком и в Отдел юстиции Донисполкома для пересылки в VIII отдел НКЮ; передача церковных капиталов в доход казны Республики; передача недвижимого имущества в ведение советских учреждений; проведение лекций, докладов и собеседований с целью «разъяснения смысла декрета об отделении церкви от государства и искоренения религиозных предрассудков и заблуждений»⁴⁷⁵.

Несмотря на разосланные циркуляры, находившиеся в процессе формирования окружкомы, со своей задачей не справились⁴⁷⁶. Об этом свидетельствуют конфликты местных исполнительных комитетов с представителями религиозных организаций, о которых 7 августа 1920 г. Донисполкому сообщил Епархиальный совет Донской и Новочеркасской епархии⁴⁷⁷. Так, в одном из местных исполкомов приходскому духовенству предъявлялось требование, чтобы они совершали крещение, погребение и браки только при условии представления обращающимися в храм за совершением таинств удостоверений от советской власти, что эти акты зарегистрированы в отделе записей актов гражданского состояния (ЗАГС). За неисполнение этого требования исполком угрожал духовенству духовным судом⁴⁷⁸. В другом исполкоме Донской области, напротив, при совершении таинств крещения и венчания духовенству запрещалось требовать

---

⁴⁷⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 186.

⁴⁷⁶ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

⁴⁷⁷ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 229. Л. 11.

⁴⁷⁸ Там же.

подтверждения о регистрации в ЗАГС. При этом за нарушение исполком также угрожал священнослужителям судом⁴⁷⁹.

В некоторых местностях Донской области исполнительные комитеты, преступая все границы советского законодательства о религиозных организациях, брали на себя инициативу и устраняли от мест служения членов причта и назначали на их места своих кандидатов. Если на освобожденное исполкомом место назначался священник епархиальной властью, ему угрожали «отправлением в концентрационные лагеря на принудительные работы»⁴⁸⁰.

Не менее абсурдным было требование одного из исполкомов предоставлять всю переписку священнослужителей с епархиальной властью для просмотра⁴⁸¹.

Представители некоторых донских исполкомов брали на себя обязанность следить за проповедями духовенства. При этом проповеди священников на евангельские темы, например, высказывание о том, что «мир во зле лежит», понималось как осуждение советской власти⁴⁸².

О том, что исполкомы удаленных от Ростова-на-Дону станиц и хуторов были не чужды местных традиций и церковной жизни, свидетельствует публикация в газете «Советский юг» за 1920 г. Так, автор статьи А. Крамольников сообщал, что в одной из станиц 2 Донского округа около исполкома собралась толпа народа, пришедшего по своим делам к председателю. Приема не было, поскольку председатель был занят: «Внутри исполкома происходит спевка местного церковного хора. Торжественный напев херувимской песни доносится на улицу... Хором управляет председатель исполкома. Он настолько увлекся своим занятием, что... забыл, что на свете существует советская власть, продовольственная

---

⁴⁷⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 229. Л. 11.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же.

разверстка, собез и проч, и проч.»⁴⁸³. Если регент церковного хора был председателем исполкома, сообщение Донского епархиального совета о неверной трактовке проповедей священника не вызывает удивления.

Сообщение Епархиального совета Донской и Новочеркасской епархии о конфликтах священнослужителей с представителями исполкомов представляет интерес не столько фактами конфликтов, сколько тем, что Епархиальный совет просил Донисполком пресечь вмешательство в церковную жизнь, поскольку «такая практика нервно настраивает православное население, возбуждает толки о преследованиях Советской властью Церкви, препятствует успокоению жизни и установке правильных и нормальных отношений к органам Советской власти»⁴⁸⁴. Как видно, руководство Донской и Новочеркасской епархии было настроено на формирование позитивных отношений с советской властью и не расценивало происходящие в стране события как гонения на Православную Российскую Церковь.

Сообщение Донского епархиального совета о конфликтах священнослужителей с исполкомами заставило Донисполком отреагировать на поступившую информацию. В начале декабря 1920 г. всем исполкомам Донской области было разослано разъяснение к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с грифом «Циркулярно»⁴⁸⁵. В «Разъяснении», помимо цитирования декрета, было прописано, что в свободной Социалистической Республике «всякий вправе исповедовать по своему усмотрению ту, или иную религию или вероучение и высказывать свои религиозные убеждения»⁴⁸⁶. В связи с этим никому не может быть воспрещено отправление тех, или иных религиозных обрядов и произнесение проповедей на религиозные темы. При этом все учреждения и лица «должны относиться ко всем культам и обрядам одинаково, проявляя при этом полное

⁴⁸³ Крамольников А. Иже херувимы... // Советский юг. 1920. № 66. С. 1.

⁴⁸⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 229. Л. 11.

⁴⁸⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 141–142 об.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 141

уважение и терпимость, и избегая каких бы то ни было притеснений»⁴⁸⁷. Вмешательство власти допускалось только в том случае, если под видом отправления религиозных обрядов и в проповедях «проводятся течения, противные существующему Советскому строю, или нарушаются правила общественного порядка и спокойствия»⁴⁸⁸. В пункте «Разъяснения», посвященном случаям, когда молитвенное здание может использоваться не по назначению, Донисполком еще раз настойчиво призывал: «местный исполнительный комитет обязан принять все меры к недопущению какого бы то ни было оскорбления предметов, почитаемых верующими за священные»⁴⁸⁹.

Существенными пунктами «Разъяснения были пояснения, касающиеся арестов и репрессий духовенства. Так, в п. 7 «Разъяснения» оговаривалось, что не допускаются аресты и обыски служителей культов во время богослужения. Исключение могло быть допущено только в том случае, если священно или церковнослужитель уличен в контрреволюционном заговоре⁴⁹⁰. В п. 11 сообщалось, что при применении репрессий к духовенству «надлежит избегать таких мер, как ссылка, или высылка из пределов области и запрещение в храмах какой бы то ни было проповеди»⁴⁹¹. В п. 15 «Разъяснения» сообщалось, что принудительные меры и репрессии по отношению к служителям культа недопустимы, если причиной привлечения священника к ответственности был отказ в совершении таинства венчания лицам, расторгнувшим брак в гражданском порядке⁴⁹².

В сообщении Донисполкома окружным бюро юстиции, разосланном в начале 1921 г. также сообщалось, что при проведении в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства» необходимо иметь в виду, что советская

---

⁴⁸⁷ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 487. Л. 141 об.–142.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 141 об.–142.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 142.

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Там же. Л. 142 об.

⁴⁹² Там же.

власть «далека от мысли производить какие [бы] то ни было гонения на церковь»⁴⁹³.

Несмотря на разосланные циркуляры, находившиеся в процессе формирования окружкомы со своей задачей не справились⁴⁹⁴. Исключение составил окружной комитет Черкасского округа. 26 июня 1920 г. председатель Черкасского окрбюро юстиции Цветков доложил в Донисполком, что за прошедшие со времени установления на Дону советской власти 6 месяцев в Черкасском округе были реформированы и перестроены все стороны жизни населения⁴⁹⁵. Именно этот факт позволил Цветкову утверждать, что «настало, наконец, время для реформирования и урегулирования религиозной стороны в жизни населения Черкасского округа»⁴⁹⁶. Для урегулирования религиозного вопроса председатель Черкасского окрбюро вынес предложение о создании особой «Комиссии по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» при Черкасском окружном исполкоме. В состав комиссии должны были войти 6 человек: один от Окрисполкома, один от Окрбюста, один от Рабоче-крестьянской инспекции, один от Земотдела и один от Местхоза (Жилищного подотдела) и один от Наробраза⁴⁹⁷. Помимо основных членов, в состав Комиссии должны были войти секретарь, машинистка и даже писец. На содержание Комиссии планировалось открыть кредит⁴⁹⁸.

После доклада председателя Черкасского окрбюро юстиции Цветкова в Донисполком при Черкасском окружном исполкоме была образована «Комиссия по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». Ее председателем был назначен член исполкома Орловский. Работа «Комиссии» была достаточно активной – к ноябрю 1920 г. ею были «истребованы» описи имущества религиозных

---

⁴⁹³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 49. Л. 2–2 об.

⁴⁹⁴ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

⁴⁹⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 3.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Там же.

общин; списки граждан, пожелавших организовать религиозные общины и вступить в договорные отношения с государством по вопросу об управлении имуществом, необходимым для «осуществления культа»⁴⁹⁹. Сведения представили свыше 100 церквей⁵⁰⁰. Однако вскоре «Комиссия» прекратила свое существование. 6 ноября 1920 г. в обращении Черкасского окружкома в Донской Областной отдел юстиции сообщалось, что в виду обязательного постановления Донского исполнительного комитета от 28 августа 1920 г, согласно которому все заявления об имуществах церквей поступают в Отдел управления и рассматриваются «Комиссией по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства» при Областном Юротделе, а также в виду отсутствия каких-либо указаний на необходимость существования окружной «Комиссии», штатов ее канцелярии и средств на ее существование, окружная «Комиссия» прекратила свое существование⁵⁰¹.

Решение о создании «Комиссии по вопросу об отделении церкви от государства» при Юридическом отделе Донисполкома было принято на заседании Коллегии Отдела управления Донисполкома 16 августа 1920 г.⁵⁰². В протоколе была обозначена цель создания «Комиссии»: на нее возлагались обязанности руководить и наблюдать за всеми распоряжениями, касающимися вопроса об отделении церкви от государства⁵⁰³. Причиной создания были названы многочисленные запросы «церковных обществ разных культов» по поводу конфликтов с учреждениями советской власти⁵⁰⁴.

Первое заседание «Комиссии по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства» состоялось 23 сентября 1920 г.⁵⁰⁵ На нем присутствовали представители Общего подотдела Донисполкома, Отдела управления и Рабоче-крестьянской инспекции. Заседание носило

⁴⁹⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 60–60 об.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же. Л. 60 об.

⁵⁰² Там же. Д. 70. Л. 23.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же. Д. 50. Л. 1.

организационный характер. На нем было постановлено назначить заседания «Комиссии» еженедельно по четвергам в 13 ч. и просить Отдел управления и Отдел записи актов гражданского состояния представить в «Комиссию» все дела по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства»⁵⁰⁶.

27 сентября 1920 г. членами Отдела юстиции Донисполкома председателем «Комиссии по отделению церкви от государства» был назначен А.В. Карагичев⁵⁰⁷, на которого была возложена вся работа, связанная с реализацией декрета. Александр Васильевич Карагичев, 1875 г.р., был уроженцем города Грозный Терской области. До 1914 г. он служил заведующим отдела жалоб Владикавказской железной дороги в г. Ростове-на-Дону. По всей видимости, в 1920 г. он присоединился к работе Донисполкома, оставаясь беспартийным⁵⁰⁸.

Второе заседание «Комиссии по отделению церкви от государства» состоялось 30 сентября 1920 г. и проходило под председательством А.В. Карагичева⁵⁰⁹. На заседании обсуждался вопрос штата «Комиссии». В отличие от черкасской, для ростовской «Комиссии» планировали штат из председателя, секретаря, 2-х делопроизводителей и одной машинистки⁵¹⁰. Обсуждая план работы, участники заседания постановили рассмотреть в первую очередь вопросы, касающиеся Ростовского округа, а затем перейти к вопросу об организации аналогичных при окружных исполнительных комитетах⁵¹¹. Кроме того, на этом заседании впервые был поставлен актуальный для того времени вопрос о приостановлении реквизиций занимаемых религиозными организациями помещений⁵¹².

К 7 октября 1920 г. Донисполком принял решение о штатах «Комиссии по отделению церкви от государства». По всей видимости, не придавая

---

⁵⁰⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 1.

⁵⁰⁷ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 6. Л. 138.

⁵⁰⁸ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 283 об.–284.

⁵⁰⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 2.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

работе «Комиссии» большого значения, Донисполком постановил не утверждать специальных штатов, а для выполнения технической работы привлекать сотрудников Общего подотдела Отдела юстиции⁵¹³.

Несмотря на организационные сложности, в результате которых все работы по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были возложены на одного человека – председателя «Комиссии» А.В. Карагичева, с ноября 1920 г. началась активная работа с представителями религиозных организаций Ростова-на-Дону. Так, на 10 ноября 1920 г. в помещении Отдела юстиции была назначена встреча с представителями религиозных общин⁵¹⁴. Приглашения на встречу были разосланы Епархиальному совету Ростовской и Таганрогской епархии, руководству Армяно-григорианской церкви, находившемуся в Нахичевани, еврейскому раввину, мусульманскому мулле (в Ростове-на-Дону с 1890-х гг. существовала суннитская мечеть), евангелическо-лютеранской церкви, Католической церкви, караимской общине, старообрядческой общине и общине баптистов⁵¹⁵.

Намеченная встреча состоялась 10 ноября. Все приглашенные прибыли, причем старообрядческая церковь была представлена двумя направлениями: советом старообрядческой общины, приемлющей священство (3 человека) и советом старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии (1 представитель)⁵¹⁶. На заседании рассматривались 4 вопроса: о составлении описей имущества молитвенных зданий разных культов; о прекращении деятельности Епархиальных советов; о желательности проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» при помощи «Комиссии по отделению церкви от государства

---

⁵¹³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

⁵¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 52. Л. 18.

⁵¹⁵ Там же. Л. 18.

⁵¹⁶ Там же. Д. 50. Л. 7–7 об.

и школы от церкви» и желательности проведения дальнейших регулярных встреч с представителями религиозных организаций⁵¹⁷.

В заседании «Комиссии» принимал участие представитель Епархиального совета Ростовской и Таганрогской епархии выдающийся общественный деятель, бывший профессор Донского (Варшавского) университета, настоятель ростовского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы протоиерей Павел Владимирович Верховский⁵¹⁸. Поскольку его деятельность продемонстрировала прецедент взаимодействия советских органов власти (в данном случае Донисполкома) с представителями религиозных организаций, имеет смысл обратиться к характеристике его личности.

Павел Владимирович Верховский родился 31 декабря 1879 г. и получил академическое образование – он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургскую духовную академию⁵¹⁹. С 1909 г. П.В. Верховский был избран доцентом кафедры истории русского права Варшавского университета, затем экстраординарным профессором, и с 26 ноября 1913 г. – ординарным профессором⁵²⁰. После эвакуации в 1915 г. Варшавского университета в Ростов-на-Дону, он переехал вместе с педагогической корпорацией и студентами и продолжил преподавание, постепенно заняв видное место в общественной жизни южного города. Так, 21–23 марта 1917 г. П.В. Верховский участвовал в работе Екатеринославского епархиального собрания представителей клира и мирян Православной церкви в качестве секретаря собрания⁵²¹, в 1917 г. был избран делегатом Поместного собора Российской Православной Церкви,

---

⁵¹⁷ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 7–7 об.

⁵¹⁸ Там же. Л. 7.

⁵¹⁹ Шадрин А.В. Профессор П.В. Верховский – исследователь истории Русской Церкви // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 106.

⁵²⁰ Там же. С. 107.

⁵²¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86, отд. 1, ст. 1. Д. 48. Л. 7 об.

в 1919 г. принимал активное участие в работе Юго-Восточного русского церковного собора в Ставрополе⁵²².

После учреждения на Юго-восточном соборе самостоятельной Ростовской и Таганрогской епархии П.В. Верховский как видный юрист-правовед был привлечен епископом Арсением (Смоленцом) к жизни епархии. 31 августа 1920 г. по указу епископа Арсения он был зачислен в штат ростовского кафедрального собора, а 21 сентября 1920 г. в престольный праздник кафедрального собора была совершена иерейская хиротония Павла Владимировича Верховского с возведением в сан протоиерея и назначением на должность настоятеля ростовского кафедрального собора⁵²³. Неся священническое служение, протоиерей П. Верховский неоднократно по просьбе епископа Арсения и своих сослуживцев выступал в качестве юриста-правоведа. Так, еще до учреждения «Комиссии по отделению церкви от государства» протоиерей П. Верховский по инициативе Донисполкома был приглашен 31 августа 1920 г. на особую сессию Совнарсуда в качестве эксперта⁵²⁴. На сессии решался злободневный для представителей религиозных организаций вопрос об освобождении священно- и церковнослужителей от военной службы «по религиозным убеждениям»⁵²⁵.

После учреждения «Комиссии» протоиерей П. Верховский был приглашен к сотрудничеству ее председателем А.В. Карагичевым. В 1922 г., будучи привлеченным в качестве свидетеля по делу П.В. Верховского, осужденного за участие в сфальсифицированной контрреволюционной организации князя А. Ухтомского, получившей у следственных органов именование «Армия спасения», А.В. Карагичев свидетельствовал: «Проф[ессора] Верховского я узнал в 1920 г. ...Верховский вполне точно понял и истолковал юридическое содержание и государственное значение

⁵²² Шадрин А.В. Профессор П.В. Верховский – исследователь истории Русской Церкви // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 107.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 5.

⁵²⁵ Там же. Д. 49. Л. 2 – 2 об. Д. 52. Л. 4.

декрета об отделении церкви от государства. В работе «Комиссии по отделению церкви от государства», а позже и Донюста проф[ессор] Верховский принимал активное постоянное участие, и был своей работой для «Комиссии» полезен. Он являлся посредником между «Комиссией» и духовенством Ростова, давал «Комиссии» сведения о церквях, их расположении и т.д. Про работу его вне «Комиссии» не знаю. Но, вероятно, он растолковал духовенству смысл декрета и инструктировал их по фактическим вопросам. Следует сказать, что... никаких трений и противодействий со стороны духовенства не было, и вообще вся операция проходила гладко, что, вероятно, надо приписать действиям проф[ессора] Верховского, человека весьма влиятельного в делах донской церковной жизни. При сношениях с «Комиссией» проф[ессор] Верховский был убежденным сторонником идеи решительного проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства... в общегосударственном смысле производил впечатление человека вполне лояльного»⁵²⁶.

Как видно, протоиерей П. Верховский, несмотря на священный сан, был привлечен к работе «Комиссии по отделению церкви от государства». Его участие в деятельности советского органа власти не только не вызывала протестов и нареканий, но и была признана полезной. Пользуясь авторитетом юриста-правоведа, он нередко находил правовое решение в конфликтных ситуациях, которое удовлетворяло и членов Донисполкома, и было полезно Российской Православной Церкви. Пример сотрудничества протоиерея П. Верховского с Донисполкомом показывает, что, несмотря на сомнения некоторых исследователей, настаивавших на отсутствии даже возможности взаимодействия представителей Церкви и богоборческой власти⁵²⁷, прецеденты такого взаимодействия были.

После проведения организационных заседаний и первой встречи с представителями религиозных организаций Ростова-на-Дону для

⁵²⁶ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 283 об.–284.

⁵²⁷ Петюкова О.Н. На пути исторического выбора: советское законодательство об отделении церкви от государства // Вестник Финансовой академии. 2008. № 1. С. 87.

председателя «Комиссии по отделению церкви от государства» начались трудовые будни. Руководствуясь законодательным актом «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" (Инструкция)»⁵²⁸, А.В. Карагичев основное внимание в первые недели работы «Комиссии» уделил национализации церковного имущества, вопросу изъятия метрических книг и ликвидации Епархиальных советов. Так, до начала 1921 г. им были подписаны в Ростове-на-Дону и Ростовском округе договоры об отделении 16 православных церквей, 2 православных церквей в Нахичевани, 4 православных церквей в Ростовском округе, 2 старообрядческих церквей в Ростове-на-Дону, Римско-католического костела, Евангелическо-лютеранской кирхи, баптистского молитвенного дома в Ростове-на-Дону, баптистского молитвенного дома в Нахичевани, 10 еврейских синагог и молитвенных домов в Ростове-на-Дону, еврейским молитвенным домом в Нахичевани, караимским молитвенным домом в Ростове-на-Дону, мусульманской мечетью, 8 Армяно-григорианскими церквями в Нахичевани и 6 Армяно-григорианскими церквями в Ростовском округе⁵²⁹. На протяжении 1920 – марта 1921 гг. в Ростове-на-Дону и Ростовском округе была проведена национализация имущества 55 религиозных организаций Ростова-на-Дону, Нахичевани и Ростовского округа. Учитывая, что после передачи Хоперского и Усть-Медведицкого округов в состав Царицынской губернии в Донской епархии числилось 780 православных церквей⁵³⁰, результаты деятельности «Комиссии» были чрезвычайно скромными. Они были скромными и для Ростовского округа. Согласно списку церквей Ростовской и Таганрогской епархии, предоставленному «Комиссии» секретарем Епархиального совета Ростовской и Таганрогской епархии протоиереем В. Добротворским, в Ростовском

⁵²⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 849–858.

⁵²⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 25.

⁵³⁰ Там же. Д. 52. Л. 74.

округе числилось 76 православных храмов⁵³¹. В Нахичевани и Ростовском округе числилось 16 молитвенных зданий Армяно-григорианской церкви⁵³². Всего – 92 храма. К началу 1921 г. «Комиссией» была проведена национализация имущества только 59,7 % религиозных организаций Ростова-на-Дону и Ростовского округа.

Невозможность более широкого охвата подписания договоров с религиозными организациями Донской области объяснялась нестабильной политической ситуацией в регионе⁵³³. Так, в докладе заведующему Донского отдела юстиции А.В. Карагичев сообщал, что если в Ростове-на-Дону и Нахичевани работу «Комиссии по отделению церкви от государства» можно считать законченной, то в округах она практически не начиналась: «что-либо предпринимать в отношении работы там не представляется возможным, ибо... что делается там, покрыто мраком неизвестности. Частным образом мне известно, что некоторые Окрисполкомы, как например в Доноокруге, выносили постановление не проводить пока отделения церкви от государства в округе по соображениям политического характера»⁵³⁴. Из Бюро Юстиции Морозовского округа в сентябре 1921 г. сообщали в Донисполком, что работа в округе по отделению церкви от государства протекает ненормально: «не дают сведений из станиц и волостей. Причина – появление бандитизма»⁵³⁵. 2 ноября 1921 г. из станицы Константиновской (1 Донской округ) сообщалось, что работа по отделению церкви от государства находится в полном застое⁵³⁶. Однако причины были гораздо прозаичнее бандитизма – в окружном Бюро юстиции не хватало сотрудников и бумаги⁵³⁷.

Как и с подписанием договоров об отделении церкви от государства, неблагоприятно обстояли дела с изъятием из церковных архивов

---

⁵³¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 13–13 об.

⁵³² Там же. Д. 51. Л. 3.

⁵³³ Там же. Д. 53. Л. 25 об.

⁵³⁴ ГАРО. Ф. Р-1220. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

⁵³⁵ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 55. Л. 17.

⁵³⁶ Там же. Л. 4.

⁵³⁷ Там же.

метрических книг. О том, что они не передавались государственным органам, свидетельствовало сообщение от 17 сентября 1920 г. в Донисполком, в котором исполком ставился в известность, что районные подотделы записей актов гражданского состояния обратились к приходским церквям с требованием о передаче в подотделы метрических книг⁵³⁸.

Одним из ответственных мероприятий, проведенных председателем «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичевым была ликвидация в Донской области Епархиальных советов. Именно от этого мероприятия VIII отдел НКЮ ожидал протестных выступлений⁵³⁹, однако в Донской области закрытие прошло без эксцессов, в спокойном режиме.

Вопрос о необходимости прекращения деятельности Епархиальных советов впервые обсуждался председателем «Комиссии» с представителями религиозных организаций на встрече 10 ноября 1920 г.⁵⁴⁰. В протоколе заседания было отражено обоснованное декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» предложение председателя «Комиссии» Епархиальным советам «и иным центрам церковного управления» прекратить свою деятельность⁵⁴¹.

В конце ноября 1920 г. Епархиальные советы Ростовской и Таганрогской и Донской и Новочеркасской епархий сообщили о своем закрытии. Так, 24 ноября 1920 г. на заседании Епархиального совета Ростовской и Таганрогской епархии было принято решение «Ростовский–на-Дону Епархиальный совет закрыть, о чем и сообщить Комиссии»⁵⁴². Однако факт закрытия совета был формальным, так как тем же протоколом в Ростовской и Таганрогской епархии был учрежден Совет православных приходов Ростовской-на-Дону епархии. Этому совету были переданы дела,

---

⁵³⁸ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 57.

⁵³⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁴⁰ Там же. Д. 50. Л. 8.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Там же. Д. 52. Л. 12–12 об.

относившиеся к руководству внутренней жизнью приходов епархии, а также помещения и обстановка бывшего ростовского Епархиального совета⁵⁴³.

Также в конце ноября (точная дата протокола скрыта под сшивом архивного дела) прекратил свою деятельность Епархиальный совет Донской и Новочеркасской епархии⁵⁴⁴. Также как и в Ростовской, в Донской епархии вместо Епархиального совета был создан Совет православных приходов Донской епархии. Его создание обосновывалось необходимостью иметь «центральный орган верующих» для сношения с советской властью и проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства»⁵⁴⁵.

Ликвидация Епархиальных советов в Донской области показывает, что исполнение декрета «Об отделении церкви от государства» в данном случае не нарушило ни структуры, ни внутренней жизни двух епархий, находившихся на территории области. Это позволяет сделать вывод об отсутствии репрессивной составляющей в проведении в жизнь советского законодательства на Дону.

Обширным полем деятельности председателя «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичева стал вопрос о конфискации помещений, принадлежавших религиозным организациям. После установления советской власти именно собственность, как Епархиальных советов, так и приходских храмов стала объектом посягательств местных исполкомов, которые пытались за счет этих помещений решить вопросы размещения административных органов управления и расселения своих сотрудников. Так, 12 ноября 1920 г. в «Комиссию по отделению церкви от государства» обратился Донской Епархиальный совет (он был упразднен через 2 недели после обращения). Совет сообщил А.В. Карагичеву, что Черкасским окружным военным комиссариатом было решено для собственных нужд реквизиовать помещение Донского Епархиального совета в городе Новочеркасске (до 1917 г. в нем размещалась Донская

---

⁵⁴³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 12–12 об.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 27–27 об.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 27 об.

духовная консистория). В обращении Епархиального совета утверждалось, что исполнение этого решения угрожает расстроить церковно-религиозную жизнь области, «свободное течение которой обеспечивается Советской властью, отменившей стеснения царского режима и предоставившей церковным учреждениям и верующему населению развивать свою деятельность без всякого гнета со стороны Советской власти»⁵⁴⁶.

С начала 1920 г. помещение Епархиального совета уже было уплотнено. По решению местного исполкома в нем были размещены канцелярия Продбазы военкома, которая занимала большую залу в пять окон; окружной архив ЗАГС, занимавший полтора нижних этажа здания. Кроме советских органов, в здании размещались Епархиальный совет, занимавший шесть комнат, квартира для служащих совета из шести комнат, Богословские пастырские курсы с центральной библиотекой духовных книг (скорее всего, этими курсами была преобразованная после установления советской власти Донская духовная семинария), занимающие пять комнат, и квартира викарного епископа Модеста (Никитина) (три комнаты)⁵⁴⁷. Помимо этого, в здании размещался архив Донской епархии с 1744 г. (ныне этот архив хранится в Государственном архиве Ростовской области) Как отмечалось в обращении, этот архив «служит единственным источником по истории раскола и представляет большую ценность для науки»⁵⁴⁸.

До попытки Черкасского окружного военного комиссариата реквизировать здание Епархиального совета в мае 1920 г. это пытались сделать землемерные курсы. Реквизия была прекращена постановлением Донисполкома⁵⁴⁹.

В ответ на обращение Донского епархиального совета от 12 ноября 1920 г., благодаря ходатайствам председателя «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичева, 17 июня 1921 г. председателем

⁵⁴⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 10.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Там же.

Донисполкома было предписано приостановить реквизицию помещения Донского епархиального совета, сохранив за Епархиальным советом его обстановку и оборудование его канцелярии⁵⁵⁰.

13 ноября 1920 г. в Бюро жалоб при Рабоче-крестьянской инспекции поступила жалоба от старообрядческой церкви Ростова-на-Дону. Ссылаясь на то, что 30 сентября 1920 г. «Комиссия по отделению церкви от государства» постановила «впредь до разрешения Комиссией вопроса о домах и всех постройках, принадлежащих религиозным общинам, или занимаемых ими, предложить Центральному Жилищному отделу не производить ни реквизиций, ни уплотнения этих помещений⁵⁵¹, старообрядцы жаловались на то, что представители власти пытались реквизировать у общины здание богадельни, в которой находились квартиры причта и паровые котлы, отапливавшие все помещения подворья⁵⁵². В той же жалобе прозвучало возмущение по поводу того, что в нарушение декрета «Об отделении церкви от государства» представители советской власти предприняли попытку вынести из реквизируемого помещения иконы⁵⁵³.

Ситуация с попыткой конфискации помещения у старообрядцев продемонстрировала, что представители религиозных организаций к концу 1920 г. не просто были знакомы с декретами советской власти по поводу отделения церкви от государства, но и настаивали на буквальном выполнении этого законодательства со стороны представителей власти.

Реквизия церковных помещений проходила на протяжении 1920–1921 гг. не только в епархиальных центрах. Как сообщал 5 ноября 1920 г. протоиерей В. Чернявский, возглавлявший Донской епархиальный совет до его закрытия, в станицах Филипповской и Кумшацкой церковные дома были заняты местными исполкомами, а в станице Ефремовской – детским

---

⁵⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 10 об.

⁵⁵¹ Там же. Л. 11–11 об.

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ Там же. Л. 11 об.

приютом⁵⁵⁴. Подобные случаи имели место и в других поселениях Донской области. Православное население относилось к таким фактам «с особенной нервностью» и даже рассматривало их как акты нарушения декрета «Об отделении церкви от государства»⁵⁵⁵. Понимая это, Епархиальный совет просил предложить окружным и местным исполкомам воздержаться от выселения членов причта из занимаемых ими помещений⁵⁵⁶. Однако, если в Ростове-на-Дону на ситуацию с реквизициями еще можно было повлиять, в отдаленных хуторах и станицах местные исполкомы продолжали творить произвол по своему усмотрению. Примером упорядочивания отношений между религиозными организациями и советскими административными органами в Ростовове-на-Дону была ситуация с Вознесенской церковью на Братском кладбище. В ответ на ходатайство причта, помещения этого храма были признаны Донисполкомом свободным от уплотнения⁵⁵⁷.

Корректное отношение к религиозным организациям было продемонстрировано председателем «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичевым и под его влиянием Донисполкомом на примере судьбы основанного в 1903 г. Троице-Алексеевского (Иверского) женского монастыря, располагавшегося в 12 верстах от Ростова-на-Дону⁵⁵⁸ (ныне возрожденный монастырь находится на территории города).

В конце 1920 г. монастырь по указанию советской власти был преобразован в трудовой кооператив товарищество «Садопчел» (садоводство, огородничество и пчеловодство) и зарегистрирован в Донском земельном управлении. После начала уплотнения часть помещений небольшого монастыря была передана военным и под приют для девочек, который носил название «Трудовая коммуна № 6 для девочек»⁵⁵⁹. В конце мая 1921 г. Донской отдел народного образования решил переселить девочек,

---

⁵⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 61.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же. Д. 50. Л. 11.

⁵⁵⁸ Там же. Д. 52. Л. 159.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 159–159 об.

а на их место поместить мальчиков-подростков «с отклонениями»⁵⁶⁰. Поскольку подростки мужского пола, к тому же признанные отделом народного образования «дефективными»⁵⁶¹, вносили явный диссонанс в жизнь женского монастыря, канцелярия ростовского епископа Арсения (Смоленца) обратилась к Отделу юстиции Донисполкома с просьбой о том, чтобы Донисполком не допустил размещение мальчиков в помещениях женского монастыря⁵⁶².

В возникшей конфликтной ситуации председатель «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичев встал на сторону насельниц монастыря и канцелярии ростовского епископа и написал в Донской отдел народного образования: «такое внедрение в среду женского монастыря трудового кооперативного товарищества дефективных детей мужского пола крайне неудобно, как для этих последних, так и для проживающих там сотрудниц товарищества»⁵⁶³.

Отдел народного образования не счел убедительными доводы председателя «Комиссии по отделению церкви от государства» и ответил, что мальчики в возрасте до 14 лет не грозят понизить нравственный уровень сотрудниц товарищества «Садопчел»⁵⁶⁴. В этом же ответе прозвучал, пожалуй, первый выпад в сторону А.В. Карагичева со стороны представителей советских органов власти. Апеллируя к подотделу Охраны детства, автор ответа открыто выразил недоумение по поводу того, почему заведующий «Комиссией по отделению церкви от государства» (в письме «Заведующий Подотделом отделения церкви от Государства») заботится о «нравственных интересах» кооперативного товарищества⁵⁶⁵.

Претензии отдела народного образования не остались безответными. В ответ А.В. Карагичев написал: «дефективные мальчики в 14-летнем

---

⁵⁶⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 159 об.

⁵⁶¹ Там же.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же. Л. 160.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 195.

⁵⁶⁵ Там же. Л. 196 об.

возрасте с извращенными наклонностями вряд ли будут иметь хорошее педагогическое влияние со стороны бывших монахинь и послушниц»⁵⁶⁶. Скорее всего, мальчики не были поселены на территории Троице-Алексеевского монастыря.

Несмотря на попытки местных исполкомов сделать невыносимой жизнь донских монастырей, в 1921–1922 гг. на территории Донской области не был закрыт ни один монастырь, ограничившись переоформлением в качестве трудовой артели.

Немаловажным направлением деятельности «Комиссии по отделению церкви от государства» при Донисполкоме было закрытие церквей. Однако закрытие бесприходных храмов при учебных заведениях, больницах, бывших государственных учреждениях и т.д. было инициировано не «Комиссией», а Северо-кавказским ревкомом. Как писал Д.А. Горбачев, законодательной основой ликвидации бесприходных храмов на Дону стал приказ Северо-Кавказского ревкома № 107 от 8 июля 1920 г.⁵⁶⁷

В делопроизводстве «Комиссии по отделению церкви от государства» сохранилось незначительное количество документов, которые свидетельствовали о целенаправленном и организованном закрытии церквей в Ростове-на-Дону и Ростовском округе. Сегодня выявлены сведения только о закрытии церкви при Екатерининской гимназии в Ростове-на-Дону⁵⁶⁸, шести домовых церквей в г. Таганроге «как находящихся при учебных заведениях, больницах и т.п.»⁵⁶⁹, а также церкви на 2-м Госруднике (район г. Шахты Донской области). При этом этот храм, как говорится в документе, закрылся «сам по себе за отсутствием верующих»⁵⁷⁰.

---

⁵⁶⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 196 об.

⁵⁶⁷ Горбачев Д.А. Донская Голгофа. Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг. Ростов н/Д: Росиздат, 2008. С 74.

⁵⁶⁸ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 3.

⁵⁶⁹ Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов. Ростов н/Д, 2013. С. 394.

⁵⁷⁰ Там же.

Как показывают исследования Табунщиковой Л.В., Шадринной А.В.⁵⁷¹ и Бирюковой Ю.А.⁵⁷², довольно значительное число православных бесприходных храмов в Донской области не было закрыто до 1923–1925 гг.⁵⁷³, т.е. председатель «Комиссии по отделению церкви от государства» А.В. Карагичев не придавал закрытию бесприходных церквей большого значения.

В декабре 1920 г. перед А.В. Карагичевым была поставлена задача организации проведения среди жителей Ростова-на-Дону и Ростовского округа антирелигиозной пропаганды⁵⁷⁴. В протоколе заседания «Комиссии по отделению церкви от государства» от 16 декабря 1920 г. значилось: «Предложить Комиссии принять меры к организации митингов, собраний, лекций и помещению статей в прессе для уяснения массам значения декрета об отделении церкви от государства»⁵⁷⁵. По всей видимости, на заседании шла речь об организации систематической антицерковной пропаганды, поскольку весной и летом 1920 г. в Ростове-на-Дону и Новочеркасске проводились и диспуты, и лекции, и публиковались статьи антирелигиозного содержания. Так, в апреле 1920 г. Отдел агитации и пропаганды при Донкоме РКП(б) устраивал бесплатные лекции на темы: «Отделение церкви от государства», «Христианство и коммунизм», «Кто кого создал»⁵⁷⁶. Лекции проводились по вечерам в Ростове-на-Дону в театре им. Ленина, в столовой Владикавказских железнодорожных мастерских, в Нахичевани в театре Монплезир⁵⁷⁷.

14 июля 1920 г. в железнодорожном клубе имени III Интернационала состоялся «грандиозный диспут» на тему: «Религия и социализм».

⁵⁷¹ Табунщикова Л.В., Шадринна А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов. Ростов н/Д, 2013.

⁵⁷² Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. характер отношений на местах. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2012.

⁵⁷³ Табунщикова Л.В., Шадринна А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов. Ростов н/Д, 2013. С. 402.

⁵⁷⁴ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.

⁵⁷⁵ Там же. Д. 512. Л. 23.

⁵⁷⁶ Отдел Агитации и Пропаганды при Донкоме Р.К.П. // Коммунист. 1920. № 57. С. 1.

⁵⁷⁷ Там же.

Докладчиками выступали приват-доцент Велихов, оппонентами – Валяев, Спасский, Пантюхов, Колбин и другие⁵⁷⁸. Как отмечал автор статьи, опубликованной в газете «Советский Дон», диспут прошел очень оживленно. «Горячность ораторов заражала слушателей, которых было более тысячи человек»⁵⁷⁹.

Не менее оживленно и с большим интересом прошла в Новочеркасске в клубе III Интернационала лекция на тему «Христос и христианство». После лекции был устроен зрелищный «суд над Иудой», что вызвало большой интерес зрителей⁵⁸⁰.

В сентябре 1920 г. в газете «Советский Дон» была напечатана статья «О казачьих предрассудках», в которой говорилось: «Самый хитрый обман генералы допустили насчет того, что Советская власть притесняет религию. Советская власть отделила религию от государства... Мы говорим: религия дело свободное, как тебе по душе, так и веруй. Советская власть религию в государственные дела не впутывает, относится к верующему казаку так же, как и к верующему – с уважением»⁵⁸¹.

Несмотря на то, что антирелигиозная пропаганда в той или иной степени проводилась в Донской области, А.В. Карагичев ответственно подошел к заданию Донисполкома. Благодаря его усилиям, была организована антирелигиозная пропаганда, которая заключалась в чтении лекций, целью которых была пропаганда антирелигиозных идей⁵⁸². На протяжении декабря 1920 – начала 1921 гг. в Ростове-на-Дону и Нахичевани на фабриках и заводах было прочитано около 10 лекций. В станицах Кривянской и Старочеркасской – 12 лекций⁵⁸³.

Несмотря на то, что деятельность «Комиссии по отделению церкви от государства» принесла за 4 месяца своего существования достаточно

⁵⁷⁸ Диспут // Советский Дон. 1920. № 131. С. 4.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ «Суд над Иудой» // Советский Дон. 1920. № 131. С. 4.

⁵⁸¹ О казачьих предрассудках // Советский Дон. 1920. № 177. С. 2.

⁵⁸² ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 52. Л. 121.

⁵⁸³ Там же.

ощутимые плоды, она получила резко негативную оценку представителя Наркомюста, сделавшего 17 января 1921 г. доклад на заседании Коллегии Отдела юстиции Донисполкома. Так, в докладе уполномоченного Наркомюста отмечалось, что «Комиссия» не имела оснований разрешать духовенству ввести книги, в которых фиксировались чисто церковные записи церковных обрядов крещения, брака и погребения, «так как этим колеблется принцип полного размежевания государственного управления от церковной жизни»⁵⁸⁴. Критику вызвало признание «Комиссией» Советов православных общин, заменивших собой упраздненные Епархиальные советы. Аргументируя свою позицию, уполномоченный Наркомюста ссылаясь на то, что декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» упоминал лишь о группах верующих, «которым может быть сдаваемо церковное имущество, не разрешая образования каких-либо религиозных обществ»⁵⁸⁵. Несогласным с духом советского законодательства, «проводящего принцип коммунистического правопорядка» было признано намерение «Комиссии» использовать духовенство как «аппарат для внедрения в население создания важности и безусловной необходимости регистрации актов гражданского состояния»⁵⁸⁶. По мнению уполномоченного, духовенство являлось «отмирающей кастой, на которую ни в коем случае опираться органам советской власти не следует»⁵⁸⁷.

Спустя 4 месяца работы «Комиссии» уполномоченный Наркомюста вдруг понял, что существование «Комиссии по отделению церкви от государства» вовсе не вытекает из декрета советской власти. Этот довод стал определяющим для вынесения предложения об упразднении «Комиссии»⁵⁸⁸. В результате, «Комиссия по отделению церкви от государства» при Отделе юстиции Донисполкома была упразднена. А.В. Карагичеву вновь было поручено заведование Административно-

⁵⁸⁴ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же.

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ Там же.

хозяйственным подотделом Донисполкома⁵⁸⁹. По всей видимости, он не лучшим образом воспринял низкую оценку своей деятельности, и в августе или сентябре⁵⁹⁰ уехал из Ростова-на-Дону. К концу 1921 г. он работал в Москве в должности секретаря экономико-статистической секции Госплана⁵⁹¹.

Закрытие «Комиссии» не решило проблему проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В конце февраля 1921 г. вопрос о реализации декрета обсуждался на заседании Краевого Совещания деятелей юстиции на Юго-Востока России⁵⁹². Однако обсуждение не дало результатов.

Новый этап реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Донской области начался с сентября 1921 г. 2 сентября по инициативе Донисполкома была проведена ревизия деятельности упраздненной в январе 1921 г. «Комиссии по отделению церкви от государства»⁵⁹³. В процессе ревизии выяснилось, что постановления или приказа об упразднении «Комиссии» нет, поэтому в Донисполкоме было спешно решено, что делами «Комиссии» заведует управляющий Отделом юстиции⁵⁹⁴. В акте ревизии значилось, что автоматическое упразднение «Комиссии» недопустимо «под страхом недействительности всех распоряжений, исходящих от управляющего Отделом юстиции единолично»⁵⁹⁵. Поскольку «Комиссия» была создана обязательным постановлением Донского исполнительного комитета, только с его ведома и разрешения она могла быть упразднена⁵⁹⁶.

После ревизии «Комиссии», 7 сентября 1920 г. Бюро юстиции Донисполкома запросило сведения о состоянии работы по отделению церкви

⁵⁸⁹ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.

⁵⁹⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 36.

⁵⁹¹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 283 об.–284.

⁵⁹² ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 157. Л. 11.

⁵⁹³ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 36.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же.

от государства⁵⁹⁷. Причем Бюро просило срочно дать подробный отчет с указанием, как протекала работа по отделению церкви от государства в Ростовском округе: работа проходила безболезненно, или сопровождалась эксцессами⁵⁹⁸. Если ничего не было сделано, или сделано слишком мало, требовалось указать причины⁵⁹⁹.

По всей видимости, предоставленные Бюро сведения не были сочтены удовлетворительными, и 12 октября 1921 г. президиумом Окружного исполнительного комитета была избрана новая «Комиссия»⁶⁰⁰. В ее состав вошли: председатель Бюро юстиции Барановский, заведующий ЗАГС Весенко и уполномоченный Бюро юстиции Попов⁶⁰¹. Скорее всего, назначенные президиумом Окружного исполнительного комитета заведующие не знали о своем назначении. Всем этим лицам была послана телефонограмма с просьбой явиться на заседание «Комиссии» 24 октября, но никто не явился⁶⁰².

«Комиссия по отделению церкви от государства» в новом составе начала работу 2 ноября 1921 г.⁶⁰³ Демонстрируя неосведомленность об уже проделанной работе и непонимание задач, которые перед ней стояли, «Комиссия» приняла решение начать отделение, т.е. подписание договора об аренде национализированного имущества с новочеркасского кафедрального собора⁶⁰⁴. Поскольку собору принадлежало большое число произведений искусства и другого имущества, заявленная работа потребовала большого количества времени, и, скорее всего, не была завершена⁶⁰⁵.

Понимая, что работа по отделению церкви от государства требует больших усилий, 31 октября 1921 г. на заседании «Комиссии по отделению церкви от государства» было принято решение работу в Черкасском округе

---

⁵⁹⁷ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 36.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же. Д. 52. Л. 2.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Там же. Д. 55. Л. 1.

возложить на местные исполкомы, с участием районного народного судьи, а в Новочеркасске работу возложить на Барановского и Весенко⁶⁰⁶.

Поскольку в делопроизводстве «Комиссии» не сохранилось документов, которые позволили бы проследить работу «Комиссии» в новом составе, можно предположить, что она не проводилась.

Итак, в связи с событиями Гражданской войны, в Донской области мероприятия по реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не проводились до сентября 1920 г. После учреждения специальной комиссии при Донском исполнительном комитете, ее работа локализовалась пределами Ростова-на-Дону, Нахичевани и Ростовского округа, поскольку в других округах Донской области ситуация оставалась напряженной. Отличительной чертой работы «Комиссии» было тесное сотрудничество с представителем Епархиального совета Ростовской и Таганрогской епархии юристом-правоведом протоиереем П.В. Верховским, который оказывал ей содействие. Деятельность «Комиссии по отделению церкви от государства» при Донисполкоме по ряду причин не была успешной – национализация церковного имущества была проведена только в Ростове-на-Дону, частично в Ростовском округе и Новочеркасске. Прекращение существования епархиальных советов не повлияло на внутреннюю жизнь епархий, домовые и больничные церкви были закрыты в незначительном количестве. В январе 1921 г. «Комиссия» была упразднена. Отсутствие проводимой работы по реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» заставило Бюро юстиции Донисполкома в сентябре 1921 г. создать новую «Комиссию», но ее деятельность не может быть признана успешной.

---

⁶⁰⁶ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 55. Л. 4.

2.3. Преследования духовенства в 1920–1921 гг.

После установления советской власти в Донской области и начала проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1920 г., представители Донисполкома столкнулись с конфликтами исполнительных комитетов с религиозными организациями на местах. Для предупреждения конфликтных ситуаций Донисполком неоднократно рассылал циркуляры, в которых призывал не нарушать декреты и не создавать сложности для функционирования церквей. Однако позицию Донисполкома в большинстве не поддерживали представители других структур советской власти. Зачастую, воспринимая Православную Российскую Церковь как врага, настроенного по отношению к советской власти контрреволюционно, они, выражая недоверие Церкви, преследовали приходское духовенство. Это преследование характеризовалось тем, что оно не было обосновано законодательно и зачастую совершалось по произволу тех либо иных советских структур.

На протяжении 1920–1921 гг. в Донской области священно и церковнослужители привлекались к уголовной ответственности, во-первых, за косвенное участие в событиях Гражданской войны: за участие в отступлении с Добровольческой армией и участие в работе карательных отрядов (военно-полевых судов), которые организовывались белыми казаками после освобождения тех или иных населенных пунктов от красногвардейцев. Во-вторых, поводом для привлечения священнослужителей к уголовной ответственности были контрреволюционная деятельность и антисоветская агитация. При этом важно отметить, что в 1920–1921 гг. понятия «контрреволюционная деятельность» и «антисоветская агитация» не имели четко обозначенных критериев и трактовались на усмотрение представителей органов советской власти, привлекавших духовенство к ответственности.

В уголовно-следственных делах данного периода особняком стоит дело о восстании против советской власти в 1 Донском округе Донской области⁶⁰⁷. В июле 1920 г. представителям советской власти стало известно о готовящемся в округе восстании, целью которого было уничтожение власти Советов. С 8 по 16 июля 1920 г. станичными и хуторскими исполкомами 1 Донского округа были арестованы наиболее зажиточные казаки, число которых было 108 человек. В причастности к контрреволюционной организации были обвинены жители станиц Екатерининской, Усть-Быстрианской, Ермаковской, Золотовской, Романовской, Кумшацкой, Нижне-Курмоярской, Баклановской, Константиновской, Камышевской, Качалинской, Семикаракорской, Нижне-Кундрюческой, Верхне-Кундрюческой, Богоявленской, Каргальской, Цымлянской и Раздорской⁶⁰⁸. Арест заложников обосновывался тем, что они были взяты «для предотвращения восстания»⁶⁰⁹. В числе 108 заложников было 6 священно и церковнослужителей: псаломщик церкви св. вмч. Екатерины станицы Екатерининской⁶¹⁰ Дмитрий Андреевич Жуков, священник церкви Рождества Христова станицы Нижне-Кундрюческой Иван Никандрович Трофимов, священник церкви свт. Николая Чудотворца станицы Усть-Быстрианской Иван Иванович Орехов, священник Богоявленской церкви станицы Богоявленской Иван Аполлонович Дьяконов, диакон церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери станицы Нижне-Курмоярской Алексей Семенович Попов и псаломщик церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» хутора Сусатского Раздорской станицы Георгий Иосифович Болдырев⁶¹¹.

Несмотря на принятые меры, восстание все-таки состоялось, и его жертвами стали ответственные советские работники⁶¹². Все заложники были

⁶⁰⁷ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-60461.

⁶⁰⁸ Там же. Л. 12–13 об.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 263.

⁶¹⁰ Название станиц приводится в соответствии с документом.

⁶¹¹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-60461. Л. 16, 53, 54, 73, 83, 116.

⁶¹² Там же. Л. 122.

переданы суду Революционного военного трибунала при Революционном военном совете Кавказского фронта, который состоялся 27 июля 1920 г.⁶¹³ Постановлением трибунала все 108 заложников были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу⁶¹⁴. 9 августа 1920 г. состоялось еще одно заседание Революционно-военного трибунала Северо-кавказского военного округа. Рассмотрев дело 108 заложников, осужденных к расстрелу за организацию контрреволюционного восстания в 1 Донском округе и выяснив, что означенный приговор распоряжением члена Реввоенсовета Кавказского фронта Трифонова был приостановлен с передачей дела в Революционно-военный трибунал Кавфронта для пересмотра, трибунал рассмотрел дополнительный присланный материал по делу. Благодаря присланному материалу было установлено, что в контрреволюционном движении в 1 Донском округе местное казачье население не принимало участие и даже «местами относилось к этому отрицательно»⁶¹⁵. Также не был установлен факт участия заложников в восстании, т.к. означенное контрреволюционное движение совершалось исключительно силами прорвавшейся назаровской банды, и благодаря несочувствию местного казачьего населения, контрреволюционный план Назарова не увенчался успехом⁶¹⁶. Кроме того, Революционно-военный трибунал пришел к выводу, что среди осужденных заложников «имеются по своему классовому и социальному положению безвредные лица и могущие принести пользу для советского социалистического строя»⁶¹⁷. В результате рассмотрения дела трибунал постановил отменить смертный приговор заложников «и отправить их по соответствующему назначению»⁶¹⁸.

Священно и церковнослужители Жуков Д.А., Трофимов И.Н., Орехов И.И., Дьяконов И.А., Попов А.С. и Болдырев Г.О. были отправлены

---

⁶¹³ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-60461. Л. 1–2.

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Там же. Л. 2.

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ Там же. Л. 2 об.

на принудительные работы по окончании Врангелевского фронта «как принадлежащие к буржуазно-помещичьему кулачеству и спекулятивному элементу»⁶¹⁹. 16 октября 1920 г. в связи с создавшейся политической ситуацией в Донской области по постановлению Реввоентрибунала Каказского фронта они все были досрочно освобождены от отбытия наказания и отправлены по месту их постоянного жительства под надзор окружной милиции⁶²⁰.

Как видно, священно и церковнослужители были привлечены к судебному процессу по идеологическим соображениям. Представителям советской власти было известно, что священнослужители не могли участвовать в военных действиях, однако их расценили как представителей «буржуазно-помещичьего кулачества и спекулятивный элемент»⁶²¹. Как справедливо отмечалось в реабилитационном заключении, «из материалов уголовного дела усматривается, что все перечисленные граждане были арестованы государственными органами по политическим мотивам, обвинение им не предъявлялось, содержались они под стражей и привлекались к принудительным работам необоснованно»⁶²².

Причиной репрессий советскими органами в 1920–1921 гг. донского духовенства было их участие в отступлении с Добровольческой армией. Обвинение в отступлении было продиктовано исключительно идеологическими соображениями, поскольку духовенство отступало не по своей инициативе. В октябре – ноябре 1919 г. правительством Всевеликого Войска Донского был издан приказ об обязательной эвакуации приходского духовенства с отступающей Добровольческой армией «со всеми церковными вещами»⁶²³.

---

⁶¹⁹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-60461. Л. 255–267.

⁶²⁰ Там же. Л. 266 об.

⁶²¹ Там же. Л. 267.

⁶²² Там же. Л. 267–267 об.

⁶²³ Шадрин А.В. Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 г. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 208.

Как свидетельствует ряд архивных документов, в отступлении, повинуюсь приказу, приняло участие большое число священнослужителей⁶²⁴. Так, в декабре 1919 г. с Белой армией отступал диакон церкви Владимирской иконы Божией Матери станицы Нижне-Курмоярской Алексей Семенович Попов. Он дошел с частями Добровольческой армии до села Белого Кубанской области, а затем вернулся⁶²⁵. Священник Михаило-Архангельской церкви хутора Грушин Илья Ильич Королев 17 декабря 1920 г. был арестован, а 24 декабря расстрелян «за то, что пытался уехать за пределы России вместе с отступающей Белой армией»⁶²⁶.

Священник Иоанно-Богословской церкви слободы Титовка Донецкого округа Андрей Александрович Григорьев 28 апреля 1920 г. был арестован начальником милиции слободы Малчевской. Он обвинялся в том, что при отступлении белых бежал вместе с ними. Будучи священником, «всячески воздействовал Божиим словом на граждан, чтобы они шли в Белую армию»⁶²⁷. 14 октября 1920 г. постановлением ДонЧК он был приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны «как вредный элемент»⁶²⁸.

19 июля 1921 г. был арестован Новочеркасской ЧК священник Иоанно-Предтеченской церкви станицы Верхне-Кундрюческой Митрофан Михайлович Долговский. 14 сентября 1921 г. он был приговорен заседанием коллегии Новочеркасской ЧК к одному году принудительных работ с содержанием под стражей «как бежавший от Соввласти и прикрывающий свое положение поступлением на службу в Наробраз»⁶²⁹.

Если в 1920–1921 гг. участие в отступлении было поводом для обвинения, то в 1919 г. красноармейцы за это расстреливали без суда

⁶²⁴ Шадрина А.В. Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 г. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 208.

⁶²⁵ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-60461. Л. 83.

⁶²⁶ Там же. Д. П-53478. Л. 4.

⁶²⁷ Там же. Д. П-13511. Л. 50–51.

⁶²⁸ Там же. Л. 51.

⁶²⁹ Там же. Д. П-6158. Л. 22–22 об.

и следствия. Так, в 1919 г. за участие в отступлении был арестован и расстрелян священник Донской епархии С. Кожин⁶³⁰.

Как видно, в 1920–1921 гг. отступление с Добровольческой армией понималось представителями советской власти как преступление. Наказание за отступление не было регламентировано в советском законодательстве, поэтому к подследственным могло быть применено произвольное наказание от расстрела до принудительных работ с содержанием под стражей. При проведении следствия сотрудники ЧК или другого органа советской власти не делали различия между участниками боевых действий на стороне Добровольческой армии и духовенством, что еще раз подчеркивало понимание ими духовенства как «контрреволюционного элемента», неизменно выступавшего на стороне противников власти большевиков.

Во время Гражданской войны по инициативе руководства Донской армии после освобождения населенных пунктов Донской области от красногвардейцев в них проводились военно-полевые суды над обвиняемыми в причастности к большевикам. Обязательными участниками таких судов были приходские священники. Обычно они не свидетельствовали против обвиняемых и не подписывали часто расстрельные приговоры, но их участие в процессе было обязательным. После установления в регионе советской власти участие священников в работе военно-полевых судов было расценено как преступление. Так, 26 сентября 1920 г. был арестован священник Николаевской церкви станицы Егорлыкской Игнатий Александрович Ефремов. Он обвинялся «в участии в военно-полевом суде и в организации восстания 1918 г.»⁶³¹. На протяжении 1920 г. он арестовывался дважды⁶³². После второго ареста за «двойное бегство от совласти с повстанцами в 1918 г. и 1919 г.»⁶³³ он был приговорен

---

⁶³⁰ Шадрина А.В. Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 г. ... С. 208.

⁶³¹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-52135. Л. 71.

⁶³² Там же. Л. 69.

⁶³³ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53623. Л. 225.

к 5 годам концентрационного лагеря. Благодаря октябрьской амнистии он был освобожден и взят на учет⁶³⁴.

В расстрельном приговоре, вынесенном следователем 1-го Особотделения Особотдела ВЧК при VIII армии священнику церкви при Бабинском источнике (ныне поселок Петровский Ростовской области) Алексею Антоновичу Алексееву, значилось, что он приговорен к расстрелу «за агитацию против советской власти, выкапывание трупов красноармейцев, похороненных у церкви, и способствовании белогвардейскому карательному отряду в выдаче советских работников»⁶³⁵. Из материалов уголовного-следственного дела видно, что священник А. Алексеев не агитировал против советской власти и тем более не участвовал в «выкапывании трупов красноармейцев», цинично погребенных у источника, который у верующих почитался чудотворным⁶³⁶. Приговор о расстреле священника был принят единолично следователем 1-го Особотделения Особотдела ВЧК при VIII армии в первую очередь за участие в работе белогвардейского карательного отряда, т.е. в военно-полевом суде.

В мае 1920 г. Донской областной Ревтрибунал слушал дело священника Аркадия Калинина, обвинявшегося в том, что он при власти белых в 1918 г, в станице Каменской выступал на военно-полевом суде обвинителем диакона Васильева, уличая последнего в «большевистских деяниях», давая суду показания, которые привели советского работника к расстрелу, а также произносил проповеди, проникнутые антисоветской пропагандой⁶³⁷. Несмотря на веские обвинения, ни одно из них доказано не было, и священник Аркадий Калинин был оправдан⁶³⁸.

Как показывает изучение материалов, посвященных участию священнослужителей в работе военно-полевых судов, они часто базировались на слухах, и нередко из-за отсутствия доказательств советская

⁶³⁴ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53623. Л. 225.

⁶³⁵ Там же. Д. П-53837. Л. 6, 7–7 об.

⁶³⁶ Криничка // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 11–12. С. 459–466.

⁶³⁷ Революционный суд // Советский Дон. 1920. 28 мая. № 86. С. 4.

⁶³⁸ Там же.

власть была вынуждена отказываться от вынесения приговоров. Расстрельный приговор, в том числе за участие в военно-полевых судах, был вынесен следователем, без проведения следствия.

Немаловажным поводом для ареста священнослужителей Донской области, в глазах советской власти понимаемых как представителей контрреволюции, было обвинение в контрреволюционной деятельности. Наиболее показательным в этом отношении было дело протоиерея Покровской церкви станицы Кривянской Александра Харитоновича Попова.

Протоиерей Александр Попов родился 25 августа 1870 г. в городе Новочеркасске в семье статского советника казачьего происхождения Харитона Ивановича Попова – выдающегося собирателя донских древностей и директора первого на Дону музея истории донского казачества. Александр Попов обучался в Донской духовной семинарии, которую окончил в 1891 г. с аттестатом 1-го разряда и званием студента. 20 августа 1891 г. он был определен на должность псаломщика к новочеркасской церкви св. блгв. князя Александра Невского⁶³⁹. С 1892 по 1893 гг. указом Донской духовной консистории он исполнял должность законоучителя Новочеркасской команды Донской артиллерии. 20 марта 1894 г. А.Х. Попов был рукоположен в сан священника и определен к Покровской церкви станицы Кривянской⁶⁴⁰. С 8 мая 1901 г. по 1 сентября 1909 г. священник А. Попов нес служение духовного следователя по Багаевскому благочинию. За время служения у престола Божия он был неоднократно награжден⁶⁴¹.

После установления на Дону советской власти, с июня 1920 г. на священника, пользовавшегося уважением своих прихожан, в советские органы власти начали поступать доносы. Так, 18 июня 1920 г. в Новочеркасскую окружную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, поступило заявление от гражданина станицы Кривянской, где он сообщал о том, что священник Александр Попов говорил

⁶³⁹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 444. Л. 81 об.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 82 об.

⁶⁴¹ Там же. Л. 86 об.

проповедь, в которой призывал прихожан отправлять «своих детей на борьбу с большевиками», агитировал «за приход белых и поляков»⁶⁴². Кроме того, автор доноса просил ЧК принять к сведению, что родной брат священника – известный казачий генерал Петр Харитонович Попов, который «уводил вместе с генералом Семилетовым партизан в калмыцкие степи», и которому священник якобы дал знать о том, что «Кривянская восстала против большевиков»⁶⁴³.

27 июля 1920 г. священник Александр Харитонович Попов был арестован⁶⁴⁴. На допросе от 28 июля 1920 г. он свидетельствовал: «По делу агитации и заговора против советской власти я, ниже подписавшийся, показал следующее: никакого посла к своему брату, бывшему генералу Попову, я не посылал. Я также агитации не вел, а приходилось при отправлении казаков на фронт служить молебны, где может быть, что и говорил, но не помню»⁶⁴⁵. 28 июля 1920 г. жители станицы, обеспокоенные арестом священника, написали заявление на имя председателя Новочеркасской чрезвычайной следственной комиссии, в котором, описывая заслуги священника А.Х. Попова в деле духовного окормления, воспитания и образования станичников, оказания материальной помощи вдовам и сиротам, поддержке в трудные моменты в период установления советской власти на Дону, указывая на лояльное отношение к существующей власти, просили отпустить его на поруки для исполнения возложенных на него священнических обязанностей⁶⁴⁶.

11 сентября 1920 г. на заседании Коллегии Новочеркасской окружной чрезвычайной комиссии было принято постановление считать священника Александра Попова виновным в агитации и заговоре против советской власти и «применить к нему высшую меру наказания – расстрелять. Приговор привести в исполнение в 24 часа по санкционировании его

---

⁶⁴² Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-9455. Л. 5.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 18–18 об.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 20 об.

Дончека»⁶⁴⁷. Однако, согласно постановлению распорядительного заседания ЧК от 12 сентября 1920 г. дело по обвинению священника Александра Попова в контрреволюции было прекращено. Священник подпал под действие октябрьской амнистии⁶⁴⁸.

Не менее показательным было дело по обвинению в контрреволюции священника Покровской церкви станицы Елизаветинской Павла Александровича Сальского⁶⁴⁹. Как и священник А.Х. Попов, П.А. Сальский был выпускником Донской духовной семинарии. В 1891 г. он был рукоположен в сан диакона и назначен к Троицкой церкви станицы Аксайской. 28 февраля 1893 г. он был удостоен священнической хиротонии и назначен к Покровской церкви Елизаветовской станицы, где безотлучно служил до начала трансформаций, связанных с ужесточением политики советского государства относительно религиозных организаций⁶⁵⁰. 5 сентября 1920 г. священник П. Сальский был арестован комиссаром Политбюро г. Азова. Он обвинялся «в неправильном толковании и разъяснении приостановления исполкома Донской области о проведении декрета об отделении Церкви от государства, опубликованном в газете «Советский Дон» 28 августа 1920 г.»⁶⁵¹. На первый взгляд дело, возникшее по недоразумению, очень быстро было переквалифицировано в обвинение «в контрреволюции»⁶⁵². Жестокой расправы священнику П. Сальскому удалось избежать, только благодаря октябрьской амнистии⁶⁵³.

Одновременно с обвинениями в контрреволюционной деятельности в Донской области начались процессы против духовенства, обвиняемого в антисоветской агитации. Так, в январе 1921 г. Донской областной революционный трибунал рассматривал дело священника Митрофана Гудкова, обвинявшегося в контрреволюционной агитации, распространении

---

⁶⁴⁷ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-9455. Л. 23 об.

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Там же. Д. П-9456.

⁶⁵⁰ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11752. Т. II. Л. 213 об.–214.

⁶⁵¹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-9456. Л. 5.

⁶⁵² Там же. Л. 7.

⁶⁵³ Там же. Л. 28.

ложных слухов о советской власти, призыве к восстанию и в бегстве с белыми⁶⁵⁴. Суд, опираясь на показания свидетелей и имеющиеся в деле частичные признания обвиняемого, признал предъявленные обвинения вполне доказанными⁶⁵⁵. Как после суда сообщалось в газете «Советский юг», «Пользуясь своим священническим саном, он [священник М. Гудков] клеветал на советскую власть и рассказывал прихожанам с амвона о том, что якобы красные войска насилуют женщин, разрушают храмы, убивают священников и т.д. Ввиду того, что Гудков является участником крестьянских восстаний в 1905 году и будучи вполне интеллигентным человеком, вел агитацию против советской власти сознательно, что усугубляет его вину»⁶⁵⁶. Трибунал постановил выслать священника М. Гудкова из Донской области на Соловецкие острова на 3 года⁶⁵⁷.

Как показывает анализ уголовно-следственных дел донского духовенства раннего советского периода, священнослужители привлекались к уголовной ответственности по двум причинам: в первую очередь по доносам местных жителей, которые по неизвестным причинам хотели, чтобы советская власть расправилась со священником, хотя прихожане не только с уважением относились к своим пастырям, но и нередко писали обращения в следственные органы с просьбой отпустить священника на поруки. Второй причиной был произвол либо случайно оказавшихся в той или иной местности представителей военных органов, либо местных исполкомов, которые в духовенстве неизменно видели представителей контрреволюции. В отношении репрессий очевидно, что в 1920–1921 гг. советская власть не имела ни четко сформулированных законов, которые позволили бы репрессировать духовенство, ни выраженной религиозной политики, направленной на уничтожение представителей Православной Российской Церкви.

---

⁶⁵⁴ Революционный суд. Священник-контрреволюционер // Советский юг. 1921. 25 января. С. 3.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Там же.

Как показывает проведенное исследование, в отличие от центральных губерний формирующегося советского государства, процессы, проходившие в Донской области и касавшиеся реализации здесь новых законодательных актов относительно религиозных организаций, значительно отличались от других регионов РСФСР. Прежде всего, советская власть на территории Области Всевеликого Войска Донского была установлена в январе 1920 г. До весны 1920 г. здесь проходило формирование советских органов власти и административно-территориальные реформы, в результате которых была образована Донская область. Только в конце апреля был поставлен вопрос о необходимости проведения в жизнь основного законодательного акта советского государства, определяющего отношение к религиозным организациям и место Православной Российской Церкви в РСФСР – декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Для организации процесса национализации имущества религиозных организаций в Донисполкоме при Отделе юстиции была учреждена «Комиссия по отделению церкви от государства». Ее деятельность была ограничена центральными районами – г. Ростовом-на-Дону и Ростовским округом, поскольку политическая обстановка в области оставалась сложной. В сферу деятельности председателя и членов «Комиссии по отделению церкви от государства» входили различные направления, но основной установкой, продиктованной указаниями VIII отдела НКЮ, было уважительное отношение к религиозным организациям, в первую очередь к самой крупнейшей – Православной Российской Церкви, что безукоризненно было выполнено председателем «Комиссии» А.В. Карагичевым. Работа «Комиссии» отличалась от других регионов тем, что в ее работе участвовал представитель Ростовского епархиального управления юрист-правовед, настоятель ростовского кафедрального собора протоиерей П.В. Верховский. Несмотря на успешную деятельность, не оцененную представителем Отдела Юстиции, «Комиссия» была упразднена после четырех месяцев своего существования. Отсутствие работы по реализации декрета «Об отделении

церкви от государства» заставило в сентябре 1921 г. возобновить деятельность «Комиссии» в новом составе, но она оказалась безуспешной. В результате, по причине нестабильной политической обстановки в удаленных от центра округах рецепция декрета за пределами Ростовского округа не состоялась.

Несмотря на настойчивые призывы центральных органов власти к вежливому отношению к религиозным организациям и обеспечению бесконфликтного существования церквей, в 1920–1921 гг. в Донской области по инициативе различных советских учреждений началось преследование православного духовенства. Репрессии не носили централизованный характер и не отличались массовостью. Приговоры духовенству нередко выносились необоснованно и базировались исключительно на единоличном решении следователей.

3. ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1921–1922 ГГ.

3.1. Антицерковные кампании 1921–1922 г

На протяжении 1920 – начала 1921 гг. на территории Донской области и других губерний РСФСР, с 1917 г. оказавшихся во власти Советов, проводилась противоречивая политика в отношении Православной Российской Церкви. Со стороны советского руководства, начиная со времени издания декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в ее основу была положена идея, озвученная вождем революции в статье «Социализм и религия»: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии»⁶⁵⁸. Советское государство поставило задачу «нанести сокрушительный удар одной из реакционнейших основ эксплуататорского строя»⁶⁵⁹ в лице Российской Православной Церкви. Так, декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласил Церковь частной организацией без прав юридического лица, а все ее имущество объявил народным достоянием⁶⁶⁰. На основании этого декрета были отменены все религиозные церемонии в государственных учреждениях, запись актов гражданского благосостояния перешла к государственным органам⁶⁶¹, Церковь была лишена права преподавания основ вероучения во всех учебных заведениях. Иными словами, Российская Православная Церковь как «пособник эксплуататорского строя» была

⁶⁵⁸ Олещук Ф. К 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви // XX ление отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 25.

⁶⁵⁹ Ярославский Е. Пролетарская революция и церковь // XX ление отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 3.

⁶⁶⁰ Путинцев Ф. Церковь и государство // XX ление отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 22.

⁶⁶¹ Ярославский Е. Пролетарская революция и церковь // XX ление отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 5.

выведена за пределы государственной жизни и лишена имущественной базы, собиравшейся веками, главным образом, благодаря пожертвованиям.

Реализация антицерковной политики со стороны советского правительства сопровождалась настоятельными пожеланиями «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»⁶⁶², несмотря на тезис о том, что «партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды»⁶⁶³. Более того, комментируя советское законодательство 1918 г. относительно религиозных организаций, советский идеолог Л.П. Дьяконов писал: «Всякая активная борьба против церкви со стороны советской власти не имела места. В противном случае это было бы сопряжено с насилием над совестью и свободой человека. На этот путь советская власть не встала. В данном вопросе советская власть поставила себе лишь задачу отделить церковь от государства, сделать из церкви свободную организацию, да изъять из рук церкви все то, что затемняло массы, как то: дело народного образования. Но свобода совести, свобода личности человека должны остаться неприкосновенными»⁶⁶⁴.

Несмотря на приведенные утверждения, свидетельствующие о позиции советского правительства в отношении религиозных организаций в 1917–1921 гг., оно не смогло до конца 1921 г. сформулировать вероисповедную политику. По всем вопросам, возникающим в большом числе, как у местных органов советской власти, так и у представителей религиозных организаций, руководство РСФСР предлагало обращаться к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁶⁶⁵ и инструкции «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"»

⁶⁶² Ярославский Е. Пролетарская революция и церковь // XX летие отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 5–6.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Дьяконов Л.П. Советские законы о церкви. Л.: Ленгиз, 1926. С. 11.

⁶⁶⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286–287.

(Инструкция)»⁶⁶⁶. При этом, если центральная власть руководствовалась сформулированными ею установками, то местная власть, учитывая сложную политическую обстановку в отдаленных регионах, не могла и нередко не хотела повлиять на произвол, совершавшийся как в отношении храмов и монастырей, так и в отношении приходского духовенства со стороны, например, красногвардейцев или сторонников революции, движимых лишь желанием грабить и убивать.

Противоречивое отношение к религиозным организациям, сложившееся в стране к концу 1920 – началу 1921 гг. и не прекращающиеся конфликтные ситуации с ними стали причиной осознания властью необходимости достижения определенного компромисса в вопросе церковной политики⁶⁶⁷. Как отмечал ряд современных исследователей, бессистемные преследования и убийства лиц духовного звания, попытки уничтожить Церковь одним ударом, лишив ее экономического фундамента, показали их малую эффективность⁶⁶⁸. Кроме того, к урегулированию отношений с религиозными организациями побуждала и необходимость установления дипломатических отношений РСФСР со странами Запада⁶⁶⁹, которые однозначно выступали за смягчение политики по отношению к религиозным организациям⁶⁷⁰. Как результат, с весны 1921 г. началась корректировка курса, форм и методов осуществления государственной вероисповедной политики⁶⁷¹.

---

⁶⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 849–858.

⁶⁶⁷ Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 92.

⁶⁶⁸ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. С. 27. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 92. Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 92.

⁶⁶⁹ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919 – 1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 31.

⁶⁷⁰ Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 92.

⁶⁷¹ Там же.

Новая экономическая политика была принята 14 марта 1921 г. X съездом РКП (б), сменив политику военного коммунизма. Для реализации нэпа стали характерными попытки советского руководства подчинить Православную Российскую Церковь государству и сделать ее в конечном итоге «придатком государственного аппарата»⁶⁷². При этом на майском Пленуме ЦК РКП (б) 1921 г. и на предварявшем его проведение заседании Политбюро ЦК от 7 мая 1921 г. обсуждался вопрос о создании «новой советской Православной Церкви». Причиной этого обсуждения были попытки отдельных представителей духовенства пойти на соглашение с советской властью и «создать советскую церковь и вообще использовать аппарат советской власти для укрепления церкви»⁶⁷³.

Размышления партийных деятелей о выстраивании отношений с религиозными организациями в целом и Православной Российской Церковью в частности, а также о необходимости этих отношений, были скорректированы таким обстоятельством как голод. Его причиной стали послевоенная разруха, засуха, а также политика «военного коммунизма», уничтожившая товарный рынок и приведшая страну к краху экономики⁶⁷⁴. К началу зимы 1921 г. голодало 23 млн. человек⁶⁷⁵. В 1921 г. голод охватил территорию 23 губерний с населением до 32 млн. и унес жизни 5 млн. человек⁶⁷⁶.

Советское руководство уже в начале неуклонного наступления голода поняло, что будет не в состоянии самостоятельно справиться с проблемой. В распоряжении руководства страны не было ресурсов – валюты или ее золотого эквивалента, которые позволили бы приобрести продовольствие на

⁶⁷² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 95.

⁶⁷³ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919 – 1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 30.

⁶⁷⁴ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. С. 33. Никитин Д.Н. Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 661.

⁶⁷⁵ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. С. 32.

⁶⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 381. Л. 104–105.

Западе⁶⁷⁷. Решению проблемы мешала также несогласованность действий органов власти всех уровней⁶⁷⁸. Именно голод и отсутствие средств на закупку продовольствия стимулировали советское правительство поставить вопрос о необходимости создания государственного золотого фонда. Уже в 1921 г. было отдано распоряжение сосредоточить в Москве все изделия из драгоценных металлов, валюту, художественные и другие ценности. 11 ноября 1921 г. Политбюро ЦК и 12 ноября 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР поручили Л.Д. Троцкому⁶⁷⁹ руководство в статусе «особоуполномоченного Совнаркома» специальной Комиссией по учету и сосредоточению ценностей⁶⁸⁰. Контроль работы этой комиссии стал первой ступенью на пути к формированию Троцким мысли о необходимости изъятия церковных ценностей.

К июлю 1921 г. стало очевидным, что голод не только не прекращается, но продолжает стремительно распространяться и требует немедленного подключения всех возможных ресурсов. 18 июля 1921 г. ВЦИК создал Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина⁶⁸¹. С августа по декабрь 1921 г. почти все конфессии, существовавшие в 1921 г. на территории РСФСР, создали комитеты помощи голодающим, которые напрямую оказывали помощь жителям голодающих губерний, не связывая свою деятельность с государственным Помголом⁶⁸².

⁶⁷⁷ Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М.: Соратник, 1994. С. 141–142.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 97. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 85.

⁶⁸⁰ Одинцов М. Золото Льва Троцкого / Религия, церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень. РАГС. № 6. М., 1995. С. 53–65. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 87. Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 97–98.

⁶⁸¹ Шадрин А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 3.

⁶⁸² Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 99.

В июле 1921 г. св. патриарх Тихон (Беллавин) начал обращаться к иерархам Поместных Церквей с просьбой о помощи. На протяжении июля – августа 1921 г. он послал ряд обращений: «К епископу Нью-Йоркскому и народу США», «К примасу Англиканской церкви архиепископу Кентерберийскому и народу Англии», «К православным патриархам, Папе Римскому», «К народам мира и к православному человеку» с просьбами организовать сбор продовольствия, денег и медикаментов⁶⁸³. В августе 1921 г. по инициативе св. патриарха Тихона был образован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим» (Помгол) под его председательством⁶⁸⁴. 9 (22) августа 1921 г. патриарх обратился с воззванием о помощи голодающим и воззванием «К народам мира и православному человеку» по поводу голода в России⁶⁸⁵, в котором он писал: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим!»⁶⁸⁶. В ответ на призывы патриарха в РСФСР из-за рубежа начала поступать помощь, которую Помгол под его председательством начал передавать голодающим⁶⁸⁷.

17 и 31 августа 1921 г., соблюдая законы советской власти, Православная Российская Церковь передала Президиуму ВЦИК положение о созданном в начале августа 1921 г. всероссийском и епархиальных церковных комитетах помощи голодающим⁶⁸⁸. В документе патриарх

---

⁶⁸³ Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 43–45. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 83. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 380.

⁶⁸⁴ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 380.

⁶⁸⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 176–177.

⁶⁸⁶ Там же. С. 177.

⁶⁸⁷ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 380.

⁶⁸⁸ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: [Взаимоотношения Сов. государства и религии]. М.: Политиздат, 1991. С. 194. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. В 2-х чч. / Сост. М.Е. Губонин. М.:

уведомил о готовности Церкви оказывать помощь и организовать сбор денежных, вещественных и продуктовых пожертвований⁶⁸⁹. Однако начинание св. патриарха Тихона вызвало у советского руководства негативную реакцию. Попытки Церкви были расценены партийными деятелями как вторжение в жизнь государства и намерение добиться некоего компромисса с советской властью⁶⁹⁰. 27 августа 1921 г. ВЦИК упразднил Помгол, которым руководил св. патриарх Тихон⁶⁹¹. Как писал патриарх в своем послании «О помощи голодающим и изъятии церковных ценностей» от 15 (28) февраля 1922 г., «Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии, Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим... [основали – Т.Ч.] Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету»⁶⁹².

Однако политические амбиции лидеров советского государства не помогли решить проблему голода – к началу 1922 г. число голодающих превысило 15 млн. человек⁶⁹³. Вероятно это заставило постановлениями Политбюро ЦК от 5 и 8 декабря 1921 г., Президиума ВЦИК от 8 декабря

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. С. 178.

⁶⁸⁹ Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 146 – 147. Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. С. 31.

⁶⁹⁰ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. С. 34.

⁶⁹¹ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. С. 380.

⁶⁹² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 188–190.

⁶⁹³ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 88.

1921 г. и ЦК Помгола от 31 декабря 1921 г. разрешить религиозным организациям самостоятельно осуществлять денежные и продовольственные сборы в пользу голодающих⁶⁹⁴.

К концу 1921 г. в среде партийно-советской номенклатуры все чаще начали высказываться предложения о решении проблемы обеспечения голодающих продовольствием наиболее простым способом – изъятием церковных ценностей и их обменом на хлеб за границей⁶⁹⁵. При этом в руководящих кругах даже был осуществлен предварительный подсчет, согласно которому стоимости церковных ценностей должно было хватить на закупку не менее 525 тыс. пудов хлеба⁶⁹⁶.

Работе над вопросом изъятия церковных ценностей сопутствовала и разработка других направлений. Помимо оказания помощи голодающим, ценности должны были стать составной частью кампании по учету, сосредоточению и распродаже за границей национализированных богатств. За счет их продажи советское правительство планировало оплату контрибуций по мирным договорам, финансирование создания обороноспособности страны, финансирование зарубежного коммунистического движения и мировой революции, а также обеспечение функционирования советского режима в РСФСР. Как замечал Ю.Н. Макаров, учитывая глобальные замыслы советского руководства, помощь голодающим была только «прикрытием реальных целей властей»⁶⁹⁷. Помимо решения финансовых проблем, советское правительство закладывало в кампанию по изъятию церковных ценностей идеологические задачи, направленные на уничтожение Православной Российской Церкви. 12 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий, определяя стратегию кампании, говорил: «Вся стратегия наша

---

⁶⁹⁴ ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 38. Д. 92. Л. 332, 339. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 49–57.

⁶⁹⁵ Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 100.

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ Там же. С. 98.

в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятии ценностей из церквей»⁶⁹⁸.

Идея изъятия церковных ценностей для спасения голодающих еще до издания соответствующего декрета была озвучена в центральных периодических изданиях. Так, в «Правде» 11 февраля 1922 г. было опубликовано сообщение о том, что в Президиуме ВЦИК уже заканчивается работа над соответствующим постановлением⁶⁹⁹. Несмотря на то, что это сообщение почти сразу было опровергнуто в газете «Известия», оно вызвало тревогу в церковных кругах. В качестве реакции на эти публикации, особым воззванием от 6 (19) февраля 1922 г. св. патриарх Тихон благословил сдачу в фонд помощи голодающим не только личных, но и церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления⁷⁰⁰. В послании от 15 (28) февраля 1922 г. он писал: «Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 (19) февраля с[его] г[ода] особым воззванием, которое было разрешено правительством к напечатанию и распространению среди населения»⁷⁰¹.

Православное население с готовностью отозвалось на призыв патриарха. В начале зимы 1922 г. в ряде районов страны верующие передавали на нужды голодающих отдельные предметы из церковного имущества⁷⁰². К концу февраля 1922 г. Православная Российская Церковь

⁶⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 16–17.

⁶⁹⁹ Макаров Ю.Н. Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 102.

⁷⁰⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 190.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 90.

собрала около 9 млн. руб. ассигнациями в пользу голодающих⁷⁰³. Это позволило руководству Церкви быть уверенным в том, что между Российской Православной Церковью и советским государством достигнут определенный компромисс в вопросе об изъятии ценностей⁷⁰⁴. Однако 23 февраля 1922 г. в «Известиях ВЦИК» был опубликован декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»⁷⁰⁵ и Постановление ЦК Помгол и НКЮ «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»⁷⁰⁶.

В декрете «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» оговаривалось, что данный законодательный акт является дополнением к декрету об изъятии музейного имущества⁷⁰⁷. Вероятно, перед его авторами стояла задача подчеркнуть, что декрет об изъятии церковных ценностей не направлен против религиозных организаций. Далее декрет от 13 (26) февраля 1922 г. оговаривал, что местные Советы в месячный срок со дня его опубликования должны «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней»⁷⁰⁸. Важным было уточнение, что изъятию подлежали предметы, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого

⁷⁰³ Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники истории мысли, 2000. С. 340. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 94.

⁷⁰⁴ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 92.

⁷⁰⁵ Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381–382.

⁷⁰⁶ Постановление ЦК Помгол и НКЮ «Инструкция о порядке изъятия церковных уенностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 218. С. 382–384.

⁷⁰⁷ Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381.

⁷⁰⁸ Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381.

культы»⁷⁰⁹. Однако, в чем заключались «интересы культа» с точки зрения авторов декрета, в документе не пояснялось. Далее в законодательном акте оговаривалось, что изъятые ценности подлежат передаче в органы Народного Комиссариата Финансов, при этом передаче должно было сопутствовать пояснение о специальном назначении ценностей для фонда Центральной Комиссии помощи голодающим. Для организации изъятия декрет предполагал создание в каждой губернии комиссий, в состав которых должны были войти ответственные представители губернского исполнительного комитета, губернской комиссии помощи голодающим и губернского финансового отдела под председательством одного из членов Всероссийского Центрального исполнительного комитета⁷¹⁰.

Важным с точки зрения законности был 3-й пункт декрета, которым оговаривалось обязательное присутствие при изъятии представителей групп верующих, в пользование которых было передано изымаемое имущество. А также публикация в местных периодических изданиях подробного перечня изъятых ценностей с обязательным указанием названий храмов, из которых они были изъяты⁷¹¹.

Традиционным документом, сопровождающим законодательные акты советского периода, была инструкция, в данном случае регламентирующая работу комиссий по изъятию церковных ценностей⁷¹². Примечательным пунктом «Инструкции» было оговоренное в п. 6 право представителей групп верующих вносить в протокол изъятия «все свои замечания и возражения по поводу передачи в пользу голодающих предметов, без коих отправление

---

⁷⁰⁹ Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381.

⁷¹⁰ Там же. С. 382.

⁷¹¹ Там же.

⁷¹² Постановление ЦК Помгол и НКЮ «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 218. С. 382–384.

богослужений является невозможным, и замены их другими менее ценными»⁷¹³.

Как видно, несмотря на антицерковный характер законодательных актов, посвященных изъятию церковных ценностей, они давали некоторую свободу верующим. Например, право заявить о невозможности совершать богослужение без определенного драгоценного сосуда и даже заменить его. Несмотря на это, принятые советским правительством декрет и «Инструкция» были крайне негативно оценены высшей церковной властью. 25 февраля 1922 г. св. патриарх Тихон в письме М.И. Калинину призывал отказаться от принятого решения, чреватого, по его мнению, непредсказуемыми последствиями, но ответа патриарху не последовало⁷¹⁴. 28 февраля 1922 г. патриарх обнародовал свое послание к верующим, в котором назвал «актом святотатства» изъятие из храмов в числе «драгоценных церковных вещей» священных сосудов и богослужебных церковных предметов⁷¹⁵. В послании патриарх писал: «Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство – миряне отлучением от Нее, священнослужители – извержением из сана»⁷¹⁶.

Отношение св. патриарха Тихона к изъятию церковных ценностей поддержало большинство священнослужителей Православной Российской Церкви и мирян. Из иерархов с протестами против изъятия выступили

⁷¹³ Постановление ЦК Помгол и НКЮ «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 218. С. 383.

⁷¹⁴ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 92.

⁷¹⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 188–190. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 92.

⁷¹⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 188–190.

сщмч. Вениамин (Казанский), митрополит Крутицкий Никандр (Феноменов), митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) и епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец), который «публично предал анафеме всех посягающих на достоинство Церкви и обратился к пастве с призывом воспрепятствовать действиям властей»⁷¹⁷.

Кампания по изъятию церковных ценностей началась в первой трети марта 1922 г.⁷¹⁸

Итак, к 1921 г. перед советским руководством был поставлен вопрос о необходимости корректировки политики в отношении религиозных организаций. Однако решению этого вопроса помешал голод, борьба с которым диктовала необходимость изыскания средств на закупку продовольствия за границей. В качестве источника, который мог обеспечить не только помощь голодающим, но и реализацию многочисленных замыслов советского правительства, с точки зрения партийных деятелей были церковные ценности. Несмотря на негативное отношение к запланированной кампании по изъятию церковных ценностей иерархов Православной Российской Церкви и верующего населения, начало ее проведения было запланировано на март 1922 г. Неотъемлемой частью кампании было формирование церковного раскола, который должен был уничтожить Церковь изнутри.

3.2. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 г.

К началу 1922 г. обстановка в Донской области оставалась сложной и неоднозначной. Она характеризовалась тем, что в состав области входили два разнородных региона, значительно отличающихся друг от друга. Ростов-

⁷¹⁷ Никитин Д.Н. Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 663.

⁷¹⁸ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 96.

на-Дону и Ростовский округ были населены преимущественно малороссийским крестьянским населением, не протестовавшим против мероприятий советского правительства. Значительные по территории округа, населенные казаками, несмотря на внешнее проявление ими лояльности советской власти, оставались беспокойными. Казачье население предпочитало сохранять традиционную автономию, дистанцируясь от населения Ростовского округа. Эта ситуация косвенно стимулировалась и тем, что в результате политических трансформаций 1917–1922 гг. изменения в отношении церковно-административного устройства Донской области не произошли. Ростов-на-Дону и Ростовский округ входили в состав учрежденной в 1919 г. Ростовской и Таганрогской епархии, а казачьи округа относились к Донской и Новочеркасской епархии. Дополнительные сложности как в проведении в 1922 г. в Донской области антицерковных акций, так и в их последующем изучении были созданы изменением в 1920 г. административно-территориального деления. Постановлением Совета народных комиссаров от 23 марта 1920 г. Таганрогский округ, в который входила значительная часть церквей Ростовской и Таганрогской епархии, был отнесен к Донецкой губернии (УССР)⁷¹⁹, в составе которой находился до ноября 1924 г.⁷²⁰

Характерной чертой проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Донской области было наличие здесь немалого числа голодающих. Так, по сообщению представителя Областной комиссии помощи голодающим Сергиевского, на 21 сентября 1921 г. на Дону было зафиксировано более 137 000 голодающих⁷²¹. В январе 1922 г. окружной комитет РКП (б) 1-го Донского округа сообщал, что в округе голодает вся

---

⁷¹⁹ Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. С. 586. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. 2014. № 34(4). С. 640–641

⁷²⁰ Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. 2014. № 34(4). С. 641.

⁷²¹ ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 84. Л. 12.

левобережная часть населения, зафиксированы смертные случаи на почве голода как среди взрослых, так и среди детей⁷²². В марте окружной комитет РКП (б) того же округа информировал, что по левому берегу Дона голод достиг масштабов Поволжья⁷²³. В апреле Верхне-Донской окружной комитет РКП (б) докладывал, что в станицах Вешенской и Мигулинской были зафиксированы случаи людоедства, а «кошки, собаки и падаль считаются лучшим лакомством»⁷²⁴. Не лучше ситуация была в Донецком округе Донской области, где отмечались случаи людоедства и трупоедства, питания падалью⁷²⁵. В мае 1922 г. Донецкий окружной комитет РКП (б) сообщал, что в некоторых населенных пунктах округа «голод достиг наивысшего напряжения, съедено все исключительно, до крыс, раковин, черепах, лягушек. Смертность увеличивается, смертность новорожденных детей достигла 100 %»⁷²⁶. В Ростовском округе к марту 1922 г. голодало около 1500 человек «взрослого сельского населения» и 10 913 детей⁷²⁷.

На фоне голода, который для Донской области был очевиден на примере ряда донских округов, идеологическая подготовка населения к изъятию церковных ценностей для спасения голодающих Поволжья началась еще до издания 23 февраля 1922 г. соответствующего декрета. Ее проводниками стали донские периодические издания «Советский юг» и «Трудовой Дон». В «Советском юге» на протяжении января – февраля 1922 г. было опубликовано 14 статей, посвященных вопросам голода, богатств Церкви и недостаточного отклика на трагедию духовенства⁷²⁸.

⁷²² ЦДНИРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

⁷²³ Там же. Л. 20.

⁷²⁴ Там же. Ф. Р-2783. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–7.

⁷²⁵ Там же. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.

⁷²⁶ Там же. Л. 21.

⁷²⁷ Там же. Ф. Р-2784. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–7 об.

⁷²⁸ На борьбу с голодом // Советский юг. 1922. 4 января. С. 2. На фронте борьбы с голодом // Советский юг. 1922. 21 января. С. 3. Духовенство, православные и помощь голодным // Советский юг. 1922. 26 января. С. 2. Открытое письмо Трифильеву // Советский юг. 1922. 26 января. С. 1. Голодающие православные, духовенство и священник Трифильев // Советский юг. 1922. 28 января. С. 1. Еще о духовенстве и голодающих // Советский юг. 1922. 1 февраля. С. 1. Церковные богатства – голодающим // Советский юг. 1922. 17 февраля. С. 1. Церковь откликнулась // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1. Церковные богатства – голодающим // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1. Церковь и умирающие // Советский юг. 1922. 22 февраля. С. 1. 24 февраля. С. 1.

Первыми публикациями, освещающими участие священнослужителей Ростова-на-Дону в оказании помощи голодающим, стала серия статей, посвященных полемике с ростовским священником А. Трифилевым. Вероятно по собственной инициативе, несомненно, одобренной партийными органами Ростова-на-Дону, 26 января 1922 г. на страницах газеты «Советский юг» он выступил со статьей, в которой описывал попытки ростовского духовенства и верующих собрать средства для голодающих. При этом священник выражал сожаление, что священнослужители и прихожане не могут помочь голодающим, находящимся на ростовском железнодорожном вокзале и передать собранные деньги в фонд голодающих. Причиной невозможности он называл отсутствие, по его мнению, легитимного с точки зрения советской власти механизма оказания помощи умирающим и боязнь ЧК⁷²⁹. Показательное с первого взгляда выступление священника А. Трифилева, свидетельствующее о попытках ростовского духовенства оказать посильную помощь голодающим, в последующих статьях, продолжающих эту тему, было идеологически трансформировано. Истолковывая ситуацию в нужном советской власти ключе, автор статьи «Еще о духовенстве и голодающих» сообщал, что ростовское духовенство вовсе не «выявляло» инициативу в оказании помощи голодным. Чтобы оправдать себя в глазах прихожан, оно «сочиняло всякие небылицы о препятствиях, чинимых якобы ему со стороны ЧК»⁷³⁰. 26 января 1922 г. была опубликована статья, в которой корреспондент той же газеты обличал духовенство в том, что оно, имея «в данное время капиталы и, кажется... очень приличные», не стимулирует православных обывателей к обильным пожертвованиям⁷³¹. Более того, на страницах «Советского юга» уже в конце января 1922 г. прозвучала идеологическая установка, касающаяся церковных

Сытым // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1. Борьба с голодом // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1. Церковь и голод // Советский юг. 1922. 26 февраля. С. 1.

⁷²⁹ Духовенство, православные и помощь голодным. Статья свящ. А. Трифилева // Советский юг. 1922. 26 января. С. 2.

⁷³⁰ Еще о духовенстве и голодающих // Советский юг. 1922. 1 февраля. С. 1.

⁷³¹ Егоров И., Митрохин С. Голодающие, православные, духовенство и свящ. Трифилев // Советский юг. 1922. 28 января. С. 1.

ценностей: «Кто же жертвователи? ...жертвователями были те же трудящиеся (верующие), в большинстве жены и матери рабочих... Духовенство, представителем которого является свящ[енник] Трифильев, просто-напросто обмануло жертвователей. Собрали деньги для передачи в Поволжье, а держат их у себя»⁷³².

18 февраля 1922 г. на страницах «Советского юга» корреспондент газеты Лебедев Д. открыто обвинил православное духовенство в том, что оно последним пришло на помощь голодающим⁷³³. 22 февраля в статье «Церковь и умирающие» было патетически заявлено: «Церковь – обладательница колоссальных богатств... Лозунг момента для верующих должен быть один: все лишнее из ценных вещей, предметов религиозного культа – все отдать на святое дело помощи голодающим»⁷³⁴. А далее корреспондент атеистической газеты пафосно заявлял: «Докажите, что хоть раз вы умеете следовать заветам евангелия... Момент настал: церковное золото и серебро должно пойти на хлеб для голодающих»⁷³⁵.

После публикации 23 февраля 1922 г. декрета ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», начиная с 24 февраля 1922 г. на страницах «Советского юга» начала открыто обсуждаться позиция в отношении изъятия церковных ценностей епископа Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца). Не имея почвы для обвинения епископа, газета констатировала, что «Епископ Арсений отказался отвечать на вопросы сотрудника газеты, аргументируя свой отказ тем, что он не получал воззвания Московского патриарха. Также он отказался излагать свое мнение по поводу возможности изъятия из церквей части ценного имущества»⁷³⁶.

⁷³² Духовенство, православные и помощь голодным. Статья свящ. А. Трифильева // Советский юг. 1922. 26 января. С. 2.

⁷³³ Лебедев Д. Церковь откликнулась // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1.

⁷³⁴ Н.А.Н. Церковь и умирающие // Советский юг. 1922. 22 февраля. С. 1.

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ Церковь и умирающие от голода. Из беседы с Арсением, епископом Ростовским и Таганрогским // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1.

Обзор публикаций в газете «Советский юг» свидетельствует о том, что выступления корреспондентов были заранее спланированы и, более того, очевидна их идеологическая динамика: в конце января 1922 г. авторы публикаций показывали, что Церковь владеет большими богатствами, но не спешит прийти на помощь голодающим, далее корреспонденты призывали Церковь «следовать заветам Евангелия». Своего рода финишем стала демонстрация отказа епископа Арсения пояснить свою позицию в отношении необходимости изъятия церковных ценностей для спасения голодающих, которая по замыслу руководства газеты наглядно свидетельствовала о нежелании Церкви прийти на помощь умирающим от голода. Заслуживает внимания факт отсутствия на страницах донских газет публикаций, посвященных как мнению митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича), так и позиции духовенства Донской и Новочеркасской епархии. Этот факт подтверждает, что округа с казачьим населением по-прежнему оставались не под полным контролем советских органов власти, локализующихся в Ростове-на-Дону. Об этом свидетельствует и протокол заседания Бюро Донского областного комитета РКП (б) от 21 сентября 1921 г., в котором говорилось, что комиссии помощи голодающим в Донской области были организованы в округах к 1 августа 1921 г., но «связь с ними до сих пор слаба»⁷³⁷.

Непосредственная подготовка к изъятию церковных ценностей в Донской области началась в первых числах марта 1922 г. Руководствуясь постановлением ВЦИК от 23 февраля 1922 г.⁷³⁸, т.е. декретом «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 4 марта 1922 г. на заседании Президиума Донского областного комитета была создана Комиссия по изъятию церковных ценностей⁷³⁹. В должности ее председателя был утвержден секретарь Донпомгола, член

⁷³⁷ ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 84. Л. 12.

⁷³⁸ Шадрин А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 60.

⁷³⁹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 23.

ВЦИК А.И. Муралов⁷⁴⁰, брат командующего Московским военным округом Н.И. Муралова, известного в связи с печальными событиями, произошедшими при изъятии церковных ценностей в Воскресенском соборе г. Шуя Иваново-Вознесенской губернии⁷⁴¹. 6 марта 1922 г. А.И. Муралов на Пленуме Донисполкома сообщил о том, что к этому времени в Ростове-на-Дону уже были созданы комиссии «из Губисполкома, Финотдела, Помгола»⁷⁴².

Если на страницах «Советского юга» тема изъятия церковных ценностей активно обсуждалась, то пропагандистская работа среди населения Донской области, которой должно было предвшаться изъятие, не проводилась. Только 5 марта 1922 г. на заседании Бюро Донского комитета РКП (б) было принято постановление «предложить Агитпропу устроить работу по этому вопросу»⁷⁴³. Игнорирование Агитпропом работы с населением стало причиной возникновения открытого конфликта при изъятии церковных ценностей во второй день работы Комиссии.

Перед обращением к анализу хода изъятия церковных ценностей необходимо остановиться на позиции, которую занимали иерархи двух епархий, вошедших в состав Донской области – епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец) и митрополит Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич).

Епископ Арсений в период подготовки к изданию декрета «О порядке изъятия церковных ценностей...» и после его принятия избегал публичных оценок этого законодательного акта⁷⁴⁴. При этом он полностью разделял позицию св. патриарха Тихона⁷⁴⁵. Свой взгляд на посягательство государства

⁷⁴⁰ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 23–23 об.

⁷⁴¹ Шадрина А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 15–16.

⁷⁴² ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

⁷⁴³ Шадрина А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 60.

⁷⁴⁴ Церковь и умирающие от голода. Из беседы с Арсением, епископом Ростовским и Таганрогским // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1.

⁷⁴⁵ Никитин Д.Н. Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 663.

на церковные ценности епископ сформулировал в ходе двух судов, проводившихся в Ростове-на-Дону: суда над клириками Покровской церкви, где он выступал в качестве свидетеля, и суда над ним самим и еще 36 клириками и прихожанами ростовского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы.

Выступая в качестве свидетеля по делу клириков Покровской церкви, епископ Арсений так обозначил свою позицию: «государственные органы не должны производить изъятия. По канонам церковное имущество – имущество Божье. Значит, оно принадлежит Церкви. Сама Церковь и должна производить изъятие»⁷⁴⁶. На том же процессе епископ определил необходимый с его точки зрения образ действий приходских священников во время изъятия. По его мнению, священнослужители должны стоять в стороне, «боясь неприятностей со стороны прихода»⁷⁴⁷. Максимум, что им позволял епископ – зачитать декрет об изъятии. При этом священники не должны были разъяснять этот законодательный акт советского государства и не участвовать в передаче ценностей⁷⁴⁸. В ответ на вопрос «члена суда», умышленно ли он запрещал духовенству участвовать в изъятии, епископ ответил, что умышленно. Аргументируя свой ответ, он сказал: «государство не говорило нам, чтобы мы помогли изъятию»⁷⁴⁹.

На процессе клириков Покровской церкви епископ Арсений впервые открыто обосновал свою позицию в отношении изъятия церковных ценностей как гражданина и как епископа. Как гражданин он подтвердил необходимость проведения этой акции для спасения жизни голодающего населения. Как епископ он засвидетельствовал, что государство без Церкви не может производить изъятие⁷⁵⁰. Эта позиция была развита епископом Арсением на суде, к которому он был привлечен в качестве обвиняемого. Так, иерарх усомнился в законности его обвинения в противодействии

⁷⁴⁶ Погодин Н. Суд над причтом Покровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 1 июня. С. 2.

⁷⁴⁷ Там же.

⁷⁴⁸ Там же.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Там же.

изъятию: «привлекать меня по делу противодействия изъятию церковных ценностей как епископа незаконно. Иначе говоря, все мои контрреволюционные творения и деяния, совершаемые как епископом, не наказуемы Советской властью»⁷⁵¹.

Четко выраженная позиция епископа Арсения не помешала ему быть осторожным. После получения послания св. патриарха Тихона, в котором участники изъятия церковных ценностей объявлялись святотатцами⁷⁵², он не дал благословение на его обнародование. Объясняя это, епископ говорил, что причиной такого решения было то, что верующие были «сильно настроены против изъятия»⁷⁵³. Более того, протоиерей К. Молчанов, представлявший епископа Арсения на собрании представителей религиозных организаций Ростова-на-Дону, проводившемся перед началом проведения кампании по изъятию, заявил, что передача церковных ценностей в пользу голодающих не противоречит религиозным воззрениям и обрядам. Он также заверил, вопреки мнению епископа Арсения, что духовенство возьмет обязательство разъяснить прихожанам значение декрета⁷⁵⁴.

Как видно, разделяя позицию св. патриарха Тихона в вопросе изъятия церковных ценностей, епископ Арсений не принимал участия в организации протестных акций, но демонстрировал негативное отношение к изъятию.

В Донской и Новочеркасской епархии организация помощи голодающим по благословию митрополита Митрофана была начата в августе 1921 г., когда св. патриарх Тихон объявил об образовании Церковного комитета помощи голодающим Поволжья. Однако, как и Центральный комитет, комитеты в Новочеркаске вынуждены были прекратить свою деятельность после 27 августа 1921 г.

⁷⁵¹ Пресвященнейшая контр-революция перед судом // Трудовой Дон. 1922. 22 августа. С. 1.

⁷⁵² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 188–190. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 92.

⁷⁵³ Погодин Н. Суд над причтом Покровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 1 июня. С. 2.

⁷⁵⁴ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303.

В конце февраля или в начале марта 1922 г. митрополит Митрофан получил послание св. патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г.⁷⁵⁵. Характерной особенностью, во многом оправдавшей отношение архиерея к патриаршему посланию, было получение последнего из рук частного лица («какой-то женщины» по выражению митрополита)⁷⁵⁶.

Стремясь избежать столкновений на почве неисполнения декрета об изъятии церковных ценностей и уберечь паству, митрополит Митрофан принял решение не обнародовать патриаршее послание⁷⁵⁷. 20 и 21 мая 1922 г. на допросах в Донском ГПУ он озвучил причины, которые побудили его не оглашать документ. Первой причиной была названа недостаточная уверенность в подлинности документа (воззвание было получено не по официальным церковным каналам)⁷⁵⁸. Второй – отсутствие разрешения на распространение послания со стороны представителей советской власти⁷⁵⁹.

Противостояние сторонников и противников изъятия церковных ценностей, в том числе среди прихожан Донской области, сделало необходимой формулировку отношения к этой кампании митрополита Митрофана. Как свидетельствовал сам архипастырь, он не только «не имел ничего против», но и одобрял изъятие церковных ценностей для спасения голодающих⁷⁶⁰. При этом он вносил существенное уточнение: церковные ценности могли быть изъяты, во-первых, не для домашнего употребления⁷⁶¹, во-вторых, только в виде слитков⁷⁶². Митрополит Митрофан, пытаясь аргументировать свою позицию, выдвигал предположение, что «патриарх

---

⁷⁵⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 188–190. Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 92.

⁷⁵⁶ Архив УФСБ РФ по РО. П-53110. Л. 349.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 347.

⁷⁵⁸ Там же. Л. 348.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 348–349.

⁷⁶⁰ Там же. Л. 350.

⁷⁶¹ Там же. Л. 349.

⁷⁶² Там же. Л. 351.

Тихон, свои послания не досказал»⁷⁶³. С точки зрения митрополита, передача обращенных в слиток церковных ценностей, как священником, так и верующим мирянином, не может быть предосудительной, в том числе с точки зрения канонического права⁷⁶⁴.

Формулируя свое отношение к изъятию церковных ценностей, митрополит был вынужден ответить на вопрос, является ли изъятие святотатством. Принципиально отвергая оценку изъятия церковных ценностей как святотатство, он настаивал на том, что святотатством будет лишь передача из храма не превращенного в слиток священного предмета. Если же священный предмет передается в виде слитка или лома, то это не является актом святотатства⁷⁶⁵.

Не акцентируя внимание на послании патриарха, митрополит Митрофан, скорее всего, в марте 1922 г. выпустил собственное послание к духовенству и верующим, призвав их к пожертвованию церковных ценностей⁷⁶⁶. Позиция митрополита и его послание к клиру и прихожанам Донской и Новочеркасской епархии обеспечили отсутствие столкновений при проведении изъятия церковных ценностей в Новочеркасске⁷⁶⁷.

Особенности политической обстановки в Донской области обусловили тот факт, что проведение изъятия церковных ценностей началось с Ростова-на-Дону и до второго этапа кампании не вышло за его пределы. Непосредственно перед началом изъятия члены Комиссии провели встречу с представителями конфессий, чьи храмы и молитвенные помещения (православные церкви, армянские храмы, костел, кирха, синагоги, мечеть) находились на территории города⁷⁶⁸. Во время встречи все представители общин согласились с необходимостью изъятия ценностей и обещали оказать содействие членам Комиссии.

---

⁷⁶³ Архив УФСБ РФ по РО. П-53110. Л. 351 об.

⁷⁶⁴ Там же.

⁷⁶⁵ Там же.

⁷⁶⁶ Там же. Л. 349.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 348.

⁷⁶⁸ Шадрин А.В. Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 16.

Изъятие церковных ценностей началось 10 марта 1922 г. Как было решено членами Комиссии по изъятию еще 7 марта 1922 г. «из тактических соображений» первыми прошли процедуру изъятия ростовские еврейские синагоги⁷⁶⁹, давшие очень незначительное количество ценностей⁷⁷⁰.

11 марта 1922 г. в 13-00 ч. по предварительному договору члены Комиссии прибыли в главный православный храм города – кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы. Их ожидали члены церковного совета, ревизионной комиссии, представители от духовенства ключарь собора протоиерей Иоанн Цариненко и протодиакон Димитрий Новочадов, а также пять представителей от прихожан. После прибытия Комиссии молящихся попросили покинуть храм на время проведения работ. Не успев прочесть текст декрета, Комиссия была вынуждена прекратить любые действия, так как в собор «стали врывать отдельные группы с плачем и криком»⁷⁷¹. Во избежание конфликта члены Комиссии направились к выходу, но были окружены многолюдной толпой, хлынувшей с примыкающего к собору базара⁷⁷². Как показало проведенное позднее расследование, молящиеся, которых попросили выйти из храма, поспешили на рынок и сообщили торговцам и покупателям, что «грабят церковь»⁷⁷³. Началась драка. Как сообщалось в газете «Трудовой Дон», Комиссия, «щадя религиозное чувство верующих и значение помощи голодающим»⁷⁷⁴, не приняла вооруженных мер для собственной охраны. Избежать расправы помог протодиакон Д. Новочадов, отведший членов Комиссии⁷⁷⁵ и ее председателя А.И. Муралова в алтарь⁷⁷⁶. Протоиерей Иоанн Цариненко вышел на амвон с крестом и призывал толпу прекратить драку⁷⁷⁷. Помимо

⁷⁶⁹ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303.

⁷⁷⁰ Шадрина А.В., Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 350.

⁷⁷¹ Подготовительная работа (беседа с тов. Мураловым) // Трудовой Дон. 1922. 14 марта. С. 1.

⁷⁷² Там же.

⁷⁷³ Там же.

⁷⁷⁴ Там же.

⁷⁷⁵ Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 24 августа. С. 2.

⁷⁷⁶ Архив УФСБ РФ по РО. П-53110. Л. 163–165 об.

⁷⁷⁷ Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 30 августа. С. 3.

действий клириков, к собору вскоре прибыли наряды милиции⁷⁷⁸. Только после этого драка была прекращена. Учитывая обстоятельства, изъятие церковных ценностей в соборе было приостановлено.

На следующий день, 12 марта 1922 г. в газете «Трудовой Дон» был опубликован приказ Донисполкома № 102, с запозданием объясняющий смысл изъятия церковных ценностей⁷⁷⁹. В обращении, опубликованном 14 марта 1922 г., А.И. Муралов пояснял, что изъятие производится специальной Комиссией при участии представителей духовенства, групп верующих граждан, церковных советов, представителей прихода, в пользовании которых находилось имущество. Более того, изъятие ценностей получило одобрение со стороны представителей всех конфессий⁷⁸⁰.

После инцидента в соборе, который, впрочем, по масштабам не шел ни в какое сравнение с событиями в Шуе⁷⁸¹, 11 марта 1922 г. А.И. Муралов в докладе на заседании Бюро Донского комитета РКП (б) констатировал, что меры, принятые по охране Комиссии, неудовлетворительны; не разработана техника изъятия церковного имущества⁷⁸². Особо отмечалась неудовлетворительная работа Агитпропа⁷⁸³. Также А.И. Муралов настоятельно предлагал обратить внимание на тщательную подготовку изъятия церковного имущества в округах⁷⁸⁴.

Несмотря на то, что 19 марта 1922 г. всем губернским и областным комитетам и бюро РКП (б) было приказано приостановить изъятие церковных ценностей «ввиду имевших место осложнений на почве изъятия

⁷⁷⁸ Подготовительная работа (беседа с тов. Мураловым) // Трудовой Дон. 1922. 14 марта. С. 1.

⁷⁷⁹ Приказ Донисполкома № 102 // Трудовой Дон. 1922. 14 марта. С. 1.

⁷⁸⁰ Шадрин А.В., Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 18.

⁷⁸¹ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. С. 53–62.

⁷⁸² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 1996. С. 77.

⁷⁸³ Там же. С. 78.

⁷⁸⁴ Там же. С. 77–78.

церковных ценностей»⁷⁸⁵ (в Шуе), в Ростове-на-Дону оно было продолжено. Изъятие во втором по значимости храме Ростова-на-Дону – соборе св. блгв. князя Александра Невского – было проведено 16 марта 1922 г. В старообрядческой церкви – 23 марта 1922 г. До 21 марта было проведено перенесенное с 11 марта изъятие в ростовском кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы⁷⁸⁶.

21 марта 1922 г. постановлением Бюро Донского комитета РКП (б), основываясь на шифротелеграмме ЦК о прекращении действий Комиссий по изъятию церковного имущества⁷⁸⁷, работа была прекращена, а перед Агитпропом поставлена задача «развить агитационную работу»⁷⁸⁸.

Открытый конфликт при изъятии церковных ценностей в ростовском соборе и конфликты, происходившие в других регионах, заставили Агитпроп Донской области начать активное проведение пропагандистских мероприятий, которые должны были обеспечить успешную реализацию второго этапа изъятия. Перед масштабной пропагандистской кампанией, затронувшей как Ростов-на-Дону и Ростовский округ, так и казачьи округа, один из ростовских комитетов РКП (б) констатировал, что агиткампания по вопросам изъятия церковных ценностей была проведена среди рабочих и широких беспартийных масс недостаточно внимательно⁷⁸⁹. Кроме недостатков работы с населением было отмечено его «не всегда положительное отношение»⁷⁹⁰ к изъятию.

На собраниях членов и кандидатов РКП (б) в конце марта 1922 г. обсуждался вопрос методов проведения агиткампаний. Так, один из докладчиков Вирганский настаивал на том, что изъятие церковных ценностей нельзя переводить в плоскость политической борьбы «против попов

⁷⁸⁵ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.–Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997. С. 139.

⁷⁸⁶ Шадрин А.В., Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 350–351.

⁷⁸⁷ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.–Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997. С. 139.

⁷⁸⁸ ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 134. Л. 61.

⁷⁸⁹ Там же. Д. 8. Л. 6–6 об.

⁷⁹⁰ Там же. Д. 3а. Л. 7–7об., 13.

и религии вообще»⁷⁹¹. Главная задача коммунистов, по его мнению, должна состоять «в обработке мнения широких пролетарских масс в пользу изъятия»⁷⁹², причем для достижения нужных результатов необходимо использовать каждый удобный случай. При агитации, как говорил докладчик, вопрос следовало поставить ребром: «Золото или жизнь многомиллионного крестьянства»⁷⁹³.

Начиная с 1 апреля 1922 г. в Донской области началась масштабная агиткампания, целью которой было объяснить населению, для чего из церкви изымаются ценности и заручиться поддержкой общих собраний рабочих, которые должны были проводиться на всех городских предприятиях и на станичных и хуторских сходах. Одним из первых 23 марта 1922 г. в Ростове-на-Дону был проведен расширенный пленум Донрайкомвода совместно с представителями коммунальных служащих, заведующими коммунальных отделов, культурно-просветительных комиссий, сельскохозяйственных объединений, а также представителем от рабочих Ростова-на-Дону. Представляет интерес его постановление: «всецело присоединяемся к постановлению ВЦИК... и просим провести [изъятие церковных ценностей – Т.Ч.] в самом срочном порядке, принимая во внимание, что голод не ждет, а также всем тем, кто будет мешать проведению вышеуказанного, говорим: "руки прочь"»⁷⁹⁴.

В протоколе общего собрания комячейки с сотрудниками УПРОДСКВО, Окружной продовольственной базы и красноармейцами от 29 апреля 1922 г. была очевидна идеологическая пропаганда, направленная против Церкви и духовенства, на отсутствии которой настаивал член РКП (б) Вирганский. Так, в протоколе звучало, что собрание требует «немедленной и безоговорочной сдачи всех ценностей»⁷⁹⁵, а в отношении «противящихся и расхищающих ценности патриархов,

⁷⁹¹ ЦДНИРО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. За. Л. 7.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ Там же. Л. 7об.

⁷⁹⁴ Там же. Д. 8. Л. 87–87 об.

⁷⁹⁵ Там же. Д. 6. Л. 20 об.

епископов, попов и прочего духовенства принять самые решительные меры в виде суровой кары через наши революционные судебные органы»⁷⁹⁶.

Постановления некоторых собраний носили формальный характер. Так, в результате проведения общего собрания сотрудников Донского отдела Коммунального хозяйства Ростова-на-Дону 21 марта 1922 г., было принято постановление принять резолюцию, предложенную докладчиком, причем в протоколе собрания резолюция приведена не была⁷⁹⁷.

Поскольку партийному руководству Донской области наиболее сложными для проведения предстоящей кампании по изъятию церковных ценностей представлялись округа с казачьим населением, масштабы проведения там агитации были более широкими, чем в Ростове-на-Дону и Ростовском округе. Еще в начале марта 1922 г. Агитпропотделу было предложено 5 марта созвать общегородское беспартийное собрание частей Красной армии Новочеркасского гарнизона и рабочих профорганизаций, а на собрании поставить вопрос о борьбе с голодом и изъятии «церковных драгоценностей»⁷⁹⁸.

Учитывая изначально недружелюбное настроение казачьего населения по отношению к советской власти, членами РКП (б) и руководителями Агитпропа было определено использовать «чрезвычайно аккуратные и тщательно взвешенные» методы агитации⁷⁹⁹.

Обширная работа членов Агитпропа, проводивших собрания в Новочеркасске и отдельных станицах, была зафиксирована в значительном количестве протоколов, сохранившихся главным образом в фондах окружных комитетов РКП (б). Среди этих документов особый интерес представляют постановления собраний, проводившихся членом Агитпропа Афанасьевой, которая, как показывает анализ документов, была весьма настойчивым оратором, инициировавшим принятие чрезвычайно

---

⁷⁹⁶ ЦДНИРО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

⁷⁹⁷ Там же. Д. 8. Л. 20.

⁷⁹⁸ Там же. Д. 17. Л. 14 об.

⁷⁹⁹ Там же. Д. 21. Л. 17.

эмоциональных постановлений. Так, протокол собрания женщин 9-го квартала Новочеркаска о необходимости изъятия церковных ценностей гласил: «мы... видим из доклада тов. Афанасьевой, что самая дорогая чаша – это жизнь человека, если мы ее во время не поддержим, то все драгоценности не будут никому нужны... мы... примкнули целиком к предложению тов. Афанасьевой, немедленно изъять все драгоценности для борьбы с голодом»⁸⁰⁰.

Также чрезвычайно эмоциональная резолюция общего собрания делегатов, работниц и гражданок Новочеркаска от 26 марта 1922 г. напоминала, скорее, торжественную клятву, чем резолюцию протокола собрания. После призыва Афанасьевой принять активное участие в агитации изъятия церковных ценностей для приобретения хлеба для голодающих, гражданки Новочеркаска приняли такую резолюцию: «Мы все... обещаем принять самое активное участие в агитации изъятия церковных драгоценностей и ни в коем случае не допустим сорвать дело комиссии... обещаем... приложить максимум энергии по вовлечению за собой отсталую массу пролетариата»⁸⁰¹. Пафос Афанасьевой не позволил задать вопрос, о каком пролетариате идет речь в столице донского казачества, где если таковой и был, то в очень незначительном количестве.

Кроме эмоциональных постановлений, сформулированных Афанасьевой, были и формальные: 25 марта 1922 г. собрание женщин работниц артельных мастерских приняли постановление с вполне стандартной формулировкой: «просить Рабоче-крестьянскую власть, чтобы изъять все ценности из церквей»⁸⁰².

Массированная работа Агитпропа в первых числах марта несколько ослабила эффект, который ожидался от намеченного на 5–20 апреля 1922 г. Двухнедельника помощи голодающим. Вместо агитационных мероприятий, заранее проведенных в городах, руководство Донской области

---

⁸⁰⁰ ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.

⁸⁰¹ Там же. Д. 21. Л. 29.

⁸⁰² Там же. Л. 28.

переключилось на контроль результатов оказания помощи голодающим и организацию столовых для этой категории граждан. Контроль результатов оказался достаточно плачевным. К примеру, Морозовский окружной комитет РКП (б) после ревизии Окркомпомгола обнаружил, что средства, выделявшиеся на голодающих, в большей степени расходовались на содержание «аппарата», т.е. руководства Окрпомгола. Проверкой было установлено, что получения продуктов голодающими «нет и следа»⁸⁰³. Важным мероприятием Двухнедельника было учреждение окружных Комиссий по изъятию церковных ценностей⁸⁰⁴, которые занимались организацией предстоящего второго этапа изъятия и привлечения для этих целей рабочих и всех желающих.

Вынужденный перерыв на время подготовки ко второму этапу проведения кампании стал поводом для возвращения партийного руководства к мысли о необходимости поддержания развития обновленческого раскола и его использования в целях уничтожения Православной Российской Церкви. Во второй половине марта – начале апреля 1922 г. в партийном руководстве эта идея вызывала противоречивые мнения. Если Ф.Э. Дзержинский еще в декабре 1921 г. считал, что разваливающуюся, по его мнению, Церковь не стоит возрождать в обновленной форме⁸⁰⁵, то Л.Д. Троцкий в обновленцах видел «антитихоновскую оппозицию»⁸⁰⁶ и планировал использовать в своих интересах жаждущих обновления священнослужителей, подавляющее большинство из которых отличалось сомнительными морально-нравственными качествами. По согласованию с ВЧК партийными лидерами было принято решение «на первых порах» использовать в интересах

⁸⁰³ ЦДНИРО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 5. Л. 58–58 об.

⁸⁰⁴ ЦДНИРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 17. Л. 66. Д. 15. Л. 29 об. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 8. Л. 10. ЦДНИРО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 26. Л. 26. ЦДНИРО. Ф. Р-2783. Оп. 1. Д. 48. Л. 21–22.

⁸⁰⁵ Покровский Н.Н. Предисловие // Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.–Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997. С. 9.

⁸⁰⁶ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 35.

советской власти православных иерархов и духовенство, «заставляя их под страхом суровой ответственности издавать... те или иные распоряжения, могущие быть нам полезными»⁸⁰⁷.

Как следствие принятого решения, с 23 марта 1922 г. на страницах центральной советской прессы были опубликованы интервью с епископом Антонином (Грановским), открытое письмо к верующим священника Калиновского и другие. Не осталась в стороне от этого процесса и Донская область. В газете «Советский юг» 1 апреля 1922 г. была напечатана ранее опубликованная в центральных изданиях беседа М.И. Калинина с епископом Антонином (Грановским), состоявшаяся 28 марта⁸⁰⁸. В ходе беседы М.И. Калинин разъяснял епископу Антонину, что советская власть и вся страна заинтересованы в том, чтобы изъятие было проведено без конфликтов. Именно для этого, как сообщал М.И. Калинин, «к участию в сосредоточении и расходовании ценностей на нужды голодающих и на восстановление их хозяйств»⁸⁰⁹ привлекались лояльные священники. Примечательной особенностью статьи было неоднократное употребление выражений «раскол духовенства», «борьба идей», «научная пропаганда» и др.⁸¹⁰ Таким образом, оформление обновленческого раскола было непосредственно связано с проведением кампании по изъятию церковных ценностей, и его скрытая пропаганда началась в период усиленной агитации за продолжение изъятия.

Второй этап кампании по изъятию церковных ценностей начался на Дону 1 мая 1922 г.⁸¹¹ В отличие от начального периода, его проведение было подготовлено: среди населения проведена агитация; советская власть заручилась терпимым отношением к изъятию епископа Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца) и митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича); была проведена

⁸⁰⁷ Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век: учеб. Пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 136.

⁸⁰⁸ На борьбу с голодом. Беседа т. Калинина с еп. Антонином // Советский юг. 1922. 1 апреля. С. 1.

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ Там же.

⁸¹¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48–49 об.

персональная работа с духовенством. Во избежание столкновений с населением области Донской комитет РКП (б) приурочил проведение изъятия к периоду активной фазы посевных работ. Как и в начале марта, в Ростове-на-Дону изъятие было начато с инославных храмов – лютеранской кирхи и римско-католического костела⁸¹². До 3 июня в Ростове-на-Дону и Нахичевани были изъяты все ценности⁸¹³. Параллельно проводились изъятия и в других населенных пунктах Донской области, где заблаговременно были созданы Комиссии.

В процесс изъятия было вовлечено значительное количество людей. Как сообщалось в протоколе заседания Донского окружного исполнительного комитета, к усиленным работам по изъятию были привлечены грузовые автомобили, которые под управлением рабочих с раннего утра и до вечера возили, грузили и разгружали ценности, а ночью, до 2-х часов укладывали их в ящики, чтобы отправить их в Москву. Работали по 18 часов⁸¹⁴.

Изъятие сопровождали публикации в донской периодике, которые имели выраженную направленность на «расслоение» высшего церковного управления («князей церкви» по выражению, наиболее часто употребляемому корреспондентами «Трудового Дона») и приходского («низшего» по их же определению) духовенства и верующих. Газета «Трудовой Дон», не отличавшаяся корректностью, постоянно внедряла в сознание своих читателей, что высшее духовенство противится изъятию; «князья церкви» поклоняются богу золота – «золотому тельцу»⁸¹⁵; некая группа духовенства ведет борьбу против изъятия, организует кражи,

---

⁸¹² Шадрин А.В., Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 351.

⁸¹³ Там же. С. 362.

⁸¹⁴ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304.

⁸¹⁵ На борьбу с голодом. Среди духовенства произошел раскол // Трудовой Дон. 1922. 5 мая. С. 1.

скрывает описи имущества⁸¹⁶. При этом изъятие церковных ценностей продолжается при полном сочувствии большинства верующих⁸¹⁷.

Несмотря на предпринятые советским руководством Донской области меры, не удалось избежать скрытых протестных акций со стороны православных общин в виде хищения и сокрытия от изъятия церковных ценностей. При этом в некоторых округах местные органы власти позаботились взять у церковных советов подписки о сохранности имущества⁸¹⁸.

Хищения церковного имущества были не редкостью для храмов Донской области на протяжении всего времени существования Донской и Новочеркасской епархии. Вероятно, именно поэтому, пытаясь спасти святыни, прихожане и духовенство сообщали советским органам власти об ограблениях церквей, предварительно сокрыв от осквернения то, что было дорого их сердцу. В этом отношении особенно отличились приходы Новочеркаска и Старочеркаска, которые были средоточием богатых пожертвований выдающихся атаманов Войска Донского, именитых донских казачьих родов и казаков. Как сообщалось в «Советском юге» после изъятия в станице Старочеркасской, «во всех церквах изъято громадное количество серебряных предметов, бриллиантов, драгоценных камней, жемчуга, а также золота»⁸¹⁹. По приблизительному подсчету вес изъятого серебра составил до 120 пудов.

О хищениях в храмах Донской области региональные газеты начали сообщать еще в конце апреля⁸²⁰. Так, «Трудовой Дон» 23 апреля информировал своих читателей, что в Новочеркасске участились случаи ограбления церквей, хотя хищение церковных ценностей имело место и в Ростове-на-Дону⁸²¹. В середине мая в ростовской церкви при Доме

⁸¹⁶ На борьбу с голодом // Трудовой Дон. 1922. 9 мая. С. 1.

⁸¹⁷ Там же.

⁸¹⁸ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304.

⁸¹⁹ В станице Старочеркасской // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.

⁸²⁰ Сильвин Н. Как изымаются ценности на Ю.-В. // Советский юг. 1922. 29 апреля. С. 2.

⁸²¹ Расхищение церковных ценностей и духовенство // Трудовой Дон. 1922. 23 апреля. С. 1.

трудолюбия после изъятия в одном из помещений была обнаружена часть скрытых ценных вещей, в том числе серебряная позолоченная дарохранильница, серебряное кадило, чаша, диск и большой крест с подставкой⁸²². В Крестовоздвиженской церкви в церковной канцелярии была обнаружена скрытая икона в серебряной ризе с жемчужной короной⁸²³. В Вознесенской церкви в кладовой церковного старосты Тарасова были обнаружены 3 серебряные ризы и 1 икона в ризе, шитой жемчугом⁸²⁴.

Церкви Новочеркасска, за исключением Михаило-Архангельской, подверглись ограблению по нескольку раз⁸²⁵. Во время хищений исчезали серебряные вещи и облачения. По делу об ограблении новочеркасского Вознесенского собора был арестован псаломщик, который сознался в своем участии в краже ценностей⁸²⁶.

В станице Старочеркасской, в знаковом для Дона Воскресенском соборе Комиссией и агентами ГПУ при изъятии ценностей было обнаружено, что почти на всех иконах имелись пустые гнезда от вынутых драгоценных камней. Как сообщили местные жители, часть из них брали командиры воинских казачьих частей, отступающих последними. В целях сокрытия следов, иконы переставлялись с места на место и менялись ризы. Часть исчезнувших из Воскресенского собора драгоценностей, которые представляли историческую ценность, была найдена членами Комиссии в яме под собором⁸²⁷. Среди них находился крупный изумруд, пожертвованный в собор после Отечественной войны 1812 г. войсковым атаманом графом М.И. Платовым⁸²⁸. В станице Морозовской 2 мая 1922 г. было обнаружено, что священник и церковный староста (ктитор) сознательно спрятали от Комиссии часть ценностей⁸²⁹.

⁸²² Изъятие церковных ценностей в Ростове // Трудовой Дон. 1922. 14 мая. С. 1.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Там же.

⁸²⁵ ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 304.

⁸²⁶ Там же.

⁸²⁷ Там же. Л. 305.

⁸²⁸ Там же. Л. 305 об.

⁸²⁹ ЦДНИРО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10.

В мае 1922 г. митрополита Митрофана (Симашкевича) на допросе в ГПУ, куда Высокопреосвященнейший вызывался по делу новочеркасского духовенства, оказывавшего активное сопротивление обновленчеству, попросили прокомментировать хищения и сокрытия церковных ценностей в период работы Комиссии по изъятию. В ответ митрополит сообщил, что ему неизвестно кто из духовенства скрывал ценности. Пытаясь смягчить свою позицию, он сказал: «моя мысль такая, что может быть ценности не сокрывались от изъятия, а от разграбления, ввиду участвовавших случаев краж, как, например, [на] епархиальном складе»⁸³⁰.

До завершения кампании по изъятию советская власть не пресекала хищения и сокрытия церковных ценностей. Партийным деятелям были важны факты выявления таких случаев для использования их в пропагандистских целях. Любой прецедент, даже малоинтересный, часто без указания фамилий тех, кто обвинялся в совершении «хищений» в обязательном порядке освещался в периодике с целью демонстрации тезиса о священниках-ворах (в действительности, и священнослужители, и церковные старосты укрывали ценности от осквернения, но не совершали краж). Как 18 мая 1922 г. свидетельствовал на совещании секретарей ячеек Черкасского округа тов. Фролов, суды над священниками являются антирелигиозной пропагандой, и наиболее продуктивной, где являются все худшие стороны «попов»⁸³¹.

В Донской области по обвинению в хищениях и сокрытии церковных ценностей в мае 1922 г. были арестованы и привлечены к ответственности: один епископ, 15 священников (10 служивших в Ростове-на-Дону и Ростовском округе и 5 – в храмах казачьих округов); 2 диакона; 1 псаломщик и 43 мирянина (40 в Ростове-на-Дону и 3 в Новочеркасске). Среди мирян к суду главным образом привлекались церковные старосты и сторожи.

⁸³⁰ Архив УФСБ РФ по РО. П-53110. Л. 348.

⁸³¹ ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

Из священнослужителей были подвергнуты аресту и суду протоиереи К. Молчанов, И. Цариненко, А. Гурич, А. Мануйлов, священники М. Орлов, М. Кравцов, Е. Фирсов, Успенский (здесь и далее имена священников не указаны в источниках), Зданевич, Сапега, Бесклубов, Долгополов, а также священник церкви станицы Морозовской⁸³² и священник Одигитриевской церкви Ростова-на-Дону⁸³³. Дьяконы С. Капустянский и В. Иванов.

Привлечение духовенства к суду началось в Ростове-на-Дону и Ростовском округе с 9 мая, в казачьих округах – со 2 мая 1922 г.

В Ростове-на-Дону первым к ответственности был привлечен епископ Арсений (Смоленец)⁸³⁴. 11 июня в Азове начался процесс против священника и причта церкви с. Круглое Ростовского округа, где в подвале в самоварном угле были найдены скрытые старостой этой церкви драгоценные предметы⁸³⁵,

13 июля 1922 г. рассматривалось дело по обвинению священников церкви с. Александровка Ростовского округа М. Орлова и П. Ащеулова. Оба клирика были обвинены в халатном отношении к служебным обязанностям, выразившемся в хранении в собственных квартирах крестов, подлежащих изъятию. В результате слушания священник М. Орлов был приговорен к принудительным работам сроком на один год, а священник П. Ащеулов к 6 месяцам принудительных работ⁸³⁶.

В казачьих округах 2 мая 1922 г. были преданы суду Ревтрибунала священник и церковный староста церкви станицы Морозовской (в документах советские делопроизводители не сочли нужным указать их имена и фамилии). Они обвинялись в сознательном сокрытии церковных ценностей⁸³⁷.

⁸³² ЦДНИРО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10.

⁸³³ Изъятие церковных ценностей в Ростове // Трудовой Дон. 1922. 21 мая. С. 1.

⁸³⁴ Изъятие церковных ценностей в Ростове. Арест епископа Арсения // 1922. 9 мая. С. 1.

⁸³⁵ Погодин Н. На скамье подсудимых. (По телефону из Азова от нашего спецкорреспондента) // Трудовой Дон. 1922. 13 июня. С. 1.

⁸³⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 6. Л. 107–107 об.

⁸³⁷ ЦДНИРО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–10.

Громкое дело священника Архиерейской церкви Новочеркаска М. Кравцова началось 7 мая 1922 г.⁸³⁸ Он обвинялся Областным революционным трибуналом в даче взятки члену Комиссии по изъятию церковных ценностей; сокрытии 11 подризников в Архиерейской церкви; в перевозке церковных ценностей из Архиерейской церкви в епархиальный склад; в раздаче ценных предметов по приходам с целью сокрытия от Комиссии⁸³⁹. В качестве свидетелей к суду были привлечены 12 человек. Священник М. Кравцов был приговорен Ревтрибуналом к расстрелу⁸⁴⁰. Был ли приведен приговор в исполнение, сегодня остается неизвестным.

После проведения изъятия церковных ценностей в станице Старочеркасской 14–16 мая по обвинению в сокрытии церковных ценностей были арестованы игуменья и ризничья Старочеркасского монастыря⁸⁴¹. Также аресту подверглись клирики Преображенской церкви станицы Старочеркасской. При обыске у псаломщика этого храма были найдены ценности. При допросе он заявил, что совершил кражу совместно со священником той же церкви Симеоном Сомкиным. Вслед за признанием последовал арест священника и псаломщика⁸⁴².

Выявление сокрытия церковных ценностей позволило представителям советской власти провести в Донской области три показательных процесса: два в Ростове-на-Дону и один в Новочеркаске.

9 мая 1922 г. был арестован епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец)⁸⁴³, 4 священника ростовского кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы и 32 мирянина. Они обвинялись в контрреволюции, сопротивлении исполнению декрета ВЦИК об изъятии

⁸³⁸ Дело священника Кравцова (от собственного корреспондента) // Советский юг. 1922. 10 мая. С. 1.

⁸³⁹ Там же.

⁸⁴⁰ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 228. Л. 15.

⁸⁴¹ Изъятие церковных ценностей в Старочеркаске // Трудовой Дон. 1922. 13 мая. С. 1. В станице Старочеркасской // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.

⁸⁴² В станице Старочеркасской // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.

⁸⁴³ Изъятие церковных ценностей в Ростове. Арест епископа Арсения // Советский юг. 1922. 9 мая. С. 1.

церковных ценностей и контрреволюционной пропаганде и агитации»⁸⁴⁴. Открытый суд, подробно освещавшийся в газете «Трудовой Дон», проводился в театре им. К. Маркса (бывший театр ростовского купца Машонкина). В процессе слушания епископу были предъявлены обвинения в том, что он давал указания духовенству «декрет прочесть без облачения и слова не говорить»⁸⁴⁵ и в участии в Юго-Восточном русском церковном соборе в Ставрополе⁸⁴⁶. Протоиерей К. Молчанов обвинялся в поднесении генералу А.И. Деникину иконы св. вмч. Георгия Победоносца в знак победы над большевиками»⁸⁴⁷. Протоиерей И. Цариненко, священники Успенский и Зданевич обвинялись в открытом конфликте, произошедшем в соборе 11 марта 1922 г. при попытке провести изъятие церковных ценностей⁸⁴⁸. Кроме этого, протоиереям К. Молчанову и И. Цариненко припомнили сотрудничество с журналом «Церковь и Жизнь»⁸⁴⁹.

В результате девятидневного процесса епископ Арсений был приговорен к высшей мере наказания (расстрелу). Учитывая амнистию ВЦИК в ознаменование 3–4 годовщины Октябрьской революции, Ревтрибунал заменил высшую меру наказания 10 годами тюремного заключения со строгой изоляцией⁸⁵⁰, которые преосвященный провел в Соловецком лагере особого назначения. Протоиерей Молчанов был приговорен к 5 годам тюремного заключения со строгой изоляцией, протоиерей И. Цариненко – к 3 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. Учтя его возраст (более 70 лет⁸⁵¹), трибунал заменил наказание двумя годами заключения без строгой изоляции. Остальные подсудимые получили разные сроки тюремного заключения, в том числе условно⁸⁵².

⁸⁴⁴ Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 22 августа. С. 2.

⁸⁴⁵ Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 24 августа. С. 2.

⁸⁴⁶ Там же.

⁸⁴⁷ Там же.

⁸⁴⁸ Там же.

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ Суд над еп. Арсением. Приговор // Трудовой Дон. 1922. 1 сентября. С. 2.

⁸⁵¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Л. 515. Л. 130 об.

⁸⁵² Суд над еп. Арсением. Приговор // Трудовой Дон. 1922. 1 сентября. С. 2.

Показательный процесс, проводившийся открыто, выполнил много задач, ставившихся советской властью. Во-первых, он продемонстрировал, что церковные иерархи и их приближенные оказывали сопротивление «гуманнейшей» из акций, проводимых советской властью для спасения голодающих Поволжья, т.е. изъятию церковных ценностей. Во-вторых, процесс продемонстрировал не только справедливость советской власти, которая наказывала за сопротивление проводимым ею мероприятиям, но и ее «милосердие». Приговоренному к расстрелу епископу была дарована жизнь. В-третьих, арест и ссылка епископа Арсения открыла путь к внедрению в Ростове-на-Дону и, как считали советские партийные деятели, не считавшиеся с особенностями церковно-административного устройства, в Донской области, обновленческого раскола, в полной мере реализованного после уезда епископа Арсения.

Вторым открытым процессом, на который возлагались большие надежды как на агиткампанию, был суд над причтом Покровской церкви Ростова-на-Дону⁸⁵³. В агитации против изъятия церковных ценностей обвинялись священник А. Гурич, диакон С. Капустянский и 36 мирян, среди которых были староста Покровской церкви Шариков, делопроизводитель Доно-Кубанского управления водного транспорта Пасынков, бухгалтер ГЭС Зубко, кассир Всеобуча Бреева, владелец похоронного бюро Костырев и др.⁸⁵⁴. Всего по делу в качестве обвиняемых было привлечено 36 человек. В ходе активного многодневного обвинительного процесса, освещавшегося на страницах «Советского юга», среди подсудимых остались только священник А. Гурич, диакон С. Капустянский и Пасынков. В последнем обвинении, зачитанном на суде представителем общественного обвинения Поповым, свидетельствовало, что «при самодержавии и Керенском» духовенство готово было отдать ценности на «алтарь служения

⁸⁵³ Революционный суд // Советский юг. 1922. 13 мая. Суд над церковной контрреволюцией // Советский юг. 28 мая. Экстренный выпуск. С. 1–2. Процесс причта и церковного совета Покровской церкви // Советский юг. 30 мая. С. 2. 31 мая. С. 2. 31 мая. С. 2. 1 июня. С. 2. 2 июня. С. 3.

⁸⁵⁴ Суд над церковной контрреволюцией // Советский юг. 28 мая. Экстренный выпуск. С. 1–2.

монархическим и буржуазным целям», а в момент призыва советской власти духовенство оказало сопротивление изъятию⁸⁵⁵. Несмотря на требование сурового наказания общественным обвинителем, последнее было вполне приемлемым. Вероятно, наказание было смягчено, поскольку протоиерей А. Гурич вскоре присоединился к обновленцам и активно сотрудничал с советской властью⁸⁵⁶.

Последним показательным процессом в Донской области был суд над клириками Александро-Невской церкви Новочеркасска, начавшийся 13 мая 1922 г.⁸⁵⁷ На скамье подсудимых оказались четыре священнослужителя – протоиерей А. Мануйлов, иереи Е. Фирсов, Долгополов и диакон В. Иванов. Кроме них к суду были привлечены псаломщик Грошенко и два церковных старосты – Головков и Копытин⁸⁵⁸. Подсудимые обвинялись в расхищении церковных ценностей, в сокрытии их от Комиссии по изъятию ценностей, в симуляции краж этих ценностей и в срыве кампании в пользу голодающих. Им инкриминировалось похищение золотого креста весом 3 ½ фунта, 3-х жемчужных риз, броши с крупным аметистом и 36 бриллиантами, 3-х дарохранильниц, дискаса, ковчега и др.⁸⁵⁹ После слушания, длившегося 2 дня, Трибунал приговорил протоиерея А. Мануйлова, иерея Е. Фирсова, диакона В. Иванова и церковных старост Копытина и Головкова к высшей мере наказания – расстрелу. Псаломщик Грошенко был приговорен к заключению в «исправдом» на 5 лет без строгой изоляции, Долгополов к заключению в «исправдом» на 3 года без строгой изоляции⁸⁶⁰.

Как видно, суды над донским духовенством и прихожанами, проходившие в 1922 г., носили агитационно-пропагандистский характер.

⁸⁵⁵ Процесс причта и церковного совета Покровской церкви // Советский юг. 1922. 2 июня. С. 3.

⁸⁵⁶ Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 25

⁸⁵⁷ Дело «князей церкви». Дело причта Александро-Невской церкви // Советский юг. 1922. 17 мая. С. 1.

⁸⁵⁸ Там же.

⁸⁵⁹ Там же.

⁸⁶⁰ Дело «князей церкви». Дело причта Александро-Невской церкви // Советский юг. 1922. 17 мая. С. 1. Погодин Н. Новочеркасский процесс Александровской церкви // Трудовой Дон // 1922. 16 мая. С. 1. Процесс причта новочеркасской Александровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 18 мая. С. 2. 19 мая. С. 1. 21 мая. С. 2.

Перед партийным руководством Донской области стояла задача не наказать священнослужителей и их помощников за преступление, которое при желании могло быть оправдано, как, например, это было в случае с причтом церкви с. Александровка, а показать, что Православной Российской Церкви не по пути с советским народом, который «заботится», в отличие от духовенства, об оказании помощи умирающему от голода населению Поволжья.

В отношении кампании по изъятию церковных ценностей одной из актуальных проблем, не получивших до сегодняшних дней исчерпывающего освещения, является вопрос результатов изъятия. В Донской области при обилии отчетов, сохранившихся в виде публикаций в донских периодических изданиях, протоколов различных собраний и в гораздо меньшем объеме в виде сведений, поданных в Настасьинский Гохран (Москва) о сданном количестве ценностей, становится очевидным отсутствие единообразия и критериев в их подсчете на всех уровнях. Это особенно становится очевидным при анализе итогов завершающего этапа изъятия. Так, 4 июня 1922 г. Ростовский округ отчитался, что на его территории было изъято 99 пудов, 63 золотника (далее – зол.) серебра, 10 зол. 77 долей золота, 24 зол. 36 долей бриллиантов и 1 пуд 15 фунтов 35 зол. медных монет⁸⁶¹. Приведенный список наглядно демонстрирует, что сотрудники Комиссии по изъятию, работавшие в Ростовском округе, не различали алмазы и бриллианты. В отличие от других Комиссий, они приводили сведения о драгоценных камнях не в количественном, а в весовом эквиваленте. На 3 июня 1922 г. в Черкасском округе было изъято 212 пудов 20 фунтов 18 зол. серебра и 19 фунтов 2 зол. 68 долей золота⁸⁶². Сведения о драгоценных камнях, о наличии которых неоднократно говорилось в том числе в публикациях на страницах региональных советских газет⁸⁶³, в отчете не приведены. В Донецком округе на 3 июня 1922 г. числилось изъятых

⁸⁶¹ ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 804. Л. 93–94 об.

⁸⁶² Изъятие церковных ценностей на Дону // Советский юг. 1922. 3 июня. С. 2.

⁸⁶³ В станице Старочеркасской // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.

ценностей 58 пудов 23 фунта 88 зол. серебра, 1 фунт 72 зол. 28 долей золота, 6 ¹⁵/₁₆ карата бриллиантов, 4 ³/₄ карата алмазов, 85 зол. 85 долей жемчуга и 23 зол. 36 долей других драгоценных камней⁸⁶⁴. По сообщению окружного комитета РКП (б) от 22 июня 1922 г. в Верхне-Донском округе было изъято всего 52 пуда 8 фунтов 73 золотника серебра⁸⁶⁵. В Морозовском округе 17 июня 1922 г. сообщалось, что здесь было изъято всего 3 пуда 134 фунта 68 зол. серебра⁸⁶⁶. В Сальском округе на конец мая 1922 г. было изъято 32 пуда серебра, 2 жемчужные ризы, 20 рубинов, «несколько» изумрудов и серебряных монет на сумму 51 руб.⁸⁶⁷

Результат, указанный в перечисленных источниках, не совпадает с результатами, о которых сообщал телеграммой 15 июня 1922 г. Донской исполнительный комитет в Настасьинский Гохран. Согласно тексту телеграммы, к середине июня по Донской области было собрано 502 пуда 8 фунтов 26 зол. 41 доля серебра; 13 фунтов 10 зол. 8 долей золота; в изделиях, включающих драгоценные камни, золота 15 фунтов 17 зол. 32 доли. Драгоценных камней: алмазов 5990 шт.; бриллиантов 1957 шт.; рубинов 4338 шт.; сапфиров 631 шт.; изумрудов 2545 шт.; аметистов 112 шт.; жемчуга 1121 шт.; бирюзы 1253 шт.; сердоликов 14 шт.; альмантинов 4 шт.; топазов 42 шт.; «розочек» 233 шт.; кораллов 99 шт.; гранатов 10 шт.; опалов 10 шт.; «собрание любви» 1 шт.; хризолитов 56 шт.; золотых топазов 11 шт.⁸⁶⁸

Значительное уточнение результатов изъятия церковных ценностей в Донской области вносит сообщение Донской комиссии по изъятию церковных ценностей от 10 июля 1922 г. Согласно документу, поданному в Москву, к этой дате в Донской области было собрано 799 пудов серебра: в Ростовском округе 275 пудов 55 фунтов, в Старочеркасской станице –

⁸⁶⁴ Изъятие церковных ценностей на Дону // Советский юг. 1922. 3 июня. С. 2.

⁸⁶⁵ ЦДНИРО. Ф. Р-2783. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–6.

⁸⁶⁶ К изъятию церковных ценностей // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1. Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. 27 мая. С. 1.

⁸⁶⁷ Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. 2 июня. С. 1.

⁸⁶⁸ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 3. Д. 32. Л. 12.

120 пудов серебра, в Аксайской станице – 31 пуд 30 фунтов, в Черкасском округе – 277 пудов 22 фунта, в Морозовском округе – 10 пудов 31 фунт, в 1-м Донском – 14 пудов 35 фунтов, в Донецком – 47 пудов 3 фунтов, в Сальском округе – 13 пудов 33 фунта, в Верхне-Донском округе – 6 пудов 34 фунта⁸⁶⁹.

После завершения подсчетов, к 22 июля 1922 г. показатели вновь были изменены в сторону увеличения. Как указывалось в сводке от 22 июля, в Донской области было изъято 1090 пудов серебра. Сведения об остальных ценностях в документе не приводились⁸⁷⁰.

Как видно, отсутствие единой системы подсчета ценностей и возможности адекватной оценки веса и стоимости драгоценных и полудрагоценных камней обусловили длительный процесс подведения итогов и отсутствие точных данных, которые позволили бы сформулировать окончательные цифры. Однако приведенные результаты позволяют сделать вывод о том, что по сравнению с соседними регионами, в Донской области было изъято значительное количество ценностей. По сравнению с Донской областью, где было изъято 1090 пудов серебра (не считая других ценностей), на Ставрополье было изъято 82 пуда 93 зол. 48 долей серебра, в Краснодаре – 65 пудов 6 фунтов 65 зол. серебра, в Пятигорске – 15 пудов 26 фунтов 73 зол. 10 долей серебра⁸⁷¹. Как видно, по объему изъятых ценностей Донская область, безусловно, лидировала.

Несмотря на большие объемы изъятых серебра, золота и драгоценных камней, результаты завершенной кампании не оправдали надежд В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого⁸⁷². По мере проведения учета ценностей становилось ясным, что предположения об их количестве были чрезвычайно

---

⁸⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 59. Л. 1–1 об.

⁸⁷⁰ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 382. Л. 12.

⁸⁷¹ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 3. Д. 32. Л. 12.

⁸⁷² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 95.

завышены⁸⁷³. Более того, из полученных ценностей на нужды голодающих пошла их меньшая часть»⁸⁷⁴.

Несмотря на небольшие по сравнению с ожидаемыми результаты, кампания по изъятию церковных ценностей принесла значительные идеологические плоды. Как сообщалось в протоколе заседания Черкасского окружного комитета РКП (б), кампания оказала «громадное политическое и антирелигиозное влияние на верующие беспартийные массы»⁸⁷⁵. Эта же мысль была озвучена корреспондентом газеты «Советский юг»: «кампания по изъятию ценностей... имела, и будет иметь большое значение для рабочих и красноармейских масс. Раскрытые хищения, сопротивление изъятию духовенства и их прислужников и т.п., все это заставило многих трудящихся крепко призадуматься над «своей верой», а иных – навсегда покончить с церковью»⁸⁷⁶. Иными словами, советскому руководству удалось внушить гражданам Донской области, что Православная Российская Церковь не сторонник, а противник власти рабочих и крестьян, которая «озабочена благом трудящихся». Продолжением этой идеологической установки стало внедрение уже исподволь подготовленного обновленческого раскола.

Итак, учитывая установление в Донской области советской власти только в 1920 г. и продолжавшую оставаться непростой политическую обстановку, первая антицерковная акция была проведена на Дону только в 1922 г. Ею стало изъятие церковных ценностей, затронувшее все регионы РСФСР. Подготовка населения к проведению кампании началась в конце января 1922 г. Она представляла собой серию публикаций на страницах донских периодических советских газет «Советский юг» и «Трудовой Дон». После публикации декрета об изъятии церковных ценностей и выхода послания св. патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г. свое отношение к изъятию сформулировали архиереи епархий, находившихся на территории

⁸⁷³ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 94.

⁸⁷⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 95.

⁸⁷⁵ ЦДНИРО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 20. Л. 12–12 а.

⁸⁷⁶ С.К. Изъятие ценностей и рабочие // Советский юг. 1922. 25 мая. С. 2.

Донской области – епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец) и митрополит Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич). Епископ Арсений, разделяя позицию св. патриарха Тихона, считал изъятие недопустимым и запрещал приходскому духовенству участвовать в этом процессе, оставаясь при изъятии только в качестве наблюдателей. Митрополит Митрофан, во избежание конфликтных ситуаций, оправдал и поддержал изъятие, рекомендуя сдавать государству ценности в виде лома.

Кампания по изъятию церковных ценностей началась в Донской области 10 марта 1922 г. и проводилась в 2 этапа. Первый этап, характеризовавшийся тем, что изъятие проводилось исключительно в Ростове-на-Дону, закончился 21 марта после открытого столкновения при изъятии ценностей в кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы и получения шифротелеграммы, предписывавшей прекратить проведение кампании из-за фактов сопротивления изъятию. На протяжении апреля на Дону не только проводилась усиленная агитация, но и были образованы Комиссии по изъятию церковных ценностей во всех округах Донской области. С 1 мая 1922 г. кампания была продолжена уже во всех округах. Ее начало намеренно было приурочено к проведению посевных и сельскохозяйственных работ. К началу июня изъятие было завершено. Его особенностью было отсутствие протестных акций. Кампания завершилась показательными судами над духовенством, обвиненным в хищении и сокрытии ценностей. Суды носили агитационно-пропагандистский характер. В отличие от соседних регионов, в Донской области было изъято значительное число ценностей, которые неравномерно были распределены по храмам области.

3.3. Возникновение обновленческого раскола в Донской области в 1922 г

Антицерковная кампания по изъятию церковных ценностей, преследующая прагматические интересы государства, прикрытые оказанием помощи вымирающему от голода населению Поволжья, дала мощный импульс к проведению следующей антицерковной акции – обновленческого раскола. Первым шагом на пути к его продвижению стал арест св. патриарха Тихона, вопрос о котором впервые был поставлен 22 марта 1922 г. при обсуждении Политбюро записки «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей»⁸⁷⁷. К 30 марта 1922 г. главным идеологом антицерковных акций Л.Д. Троцким была сформулирована дальнейшая политика в отношении Православной Российской Церкви⁸⁷⁸, делавшая ставки на развитие обновленческого раскола⁸⁷⁹.

Последующие за решением Политбюро события развивались стремительно: в конце апреля в Москве начался процесс над духовенством и церковными активистами, обвиненными в противодействии изъятию церковных ценностей⁸⁸⁰. 5 мая 1922 г. св. патриарх Тихон предстал перед Трибуналом в качестве свидетеля по этому делу, а 9 мая он был арестован⁸⁸¹. Арест патриарха стал знаковым событием, по мысли советского руководства, убравшим главное препятствие, мешавшее внедрению раскола.

Этапами процесса активного продвижения раскола были: учреждение 10 апреля 1922 г. при губкомах должности руководителя церковной политикой⁸⁸², в задачи которых входила поддержка обновленцев на местах; встреча 29 апреля 1922 г. оппозиционеров во главе со священником А. Введенским с патриархом Тихоном, организованная ГПУ, и увенчавшаяся

⁸⁷⁷ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 99.

⁸⁷⁸ Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век: учеб. Пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 281–284.

⁸⁷⁹ Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 96.

⁸⁸⁰ Там же. С. 106.

⁸⁸¹ Там же. С. 107.

⁸⁸² Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919 – 1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 37.

согласием патриарха на передачу управления Церковью митрополиту Агафангелу (Преображенскому). 10 мая 1922 г. состоялось совещание духовенства, лояльного советской власти, которое выступало за обновление и отстранение патриарха от руководства Православной Российской Церковью⁸⁸³. Пытаясь стимулировать процесс, Л.Д. Троцкий 14 мая 1922 г. направил в Политбюро шифротелеграмму, в которой настаивал на необходимости самым активнейшим образом поддержать «церковную смуту»⁸⁸⁴. В тот же день раскол приобрел формы публичности – на страницах газеты «Известия ВЦИК» за подписями епископа Антонина (Грановского) и 8 священников был опубликован текст обращения «прогрессивного духовенства» к членам Православной Российской Церкви⁸⁸⁵. Заручившись поддержкой партийных лидеров, 16 мая 1922 г. инициативная группа объявила о формировании ВЦУ. Тогда же ГПУ официально оформило, то есть дало право на легитимное существование в РСФСР, «Живую Церковь» во главе с протоиереем В. Красницким⁸⁸⁶, некоторое время претендовавшую на главенство среди обновленческого движения.

18 мая 1922 г. лидеры обновленческого ВЦУ с помощью обмана получили у св. патриарха Тихона ключи от патриаршей канцелярии, что позволило им заявить о фактическом отречении патриарха от высшей церковной власти и симулировать сосредоточение синодальной и патриаршей власти в собственных руках⁸⁸⁷. В целях поддержки обновленцев 19 мая 1922 г. св. патриарх Тихон был заключен под домашний арест, а его покои на Троицком подворье заняло обновленческое ВЦУ, что

⁸⁸³ Политбюро и Церковь. Т. 1. С. 220. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 65–67, 80.

⁸⁸⁴ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 40.

⁸⁸⁵ Там же. С. 39.

⁸⁸⁶ Там же. С. 41.

⁸⁸⁷ Там же. С. 39–40.

в еще большей степени создало впечатление совершившегося церковного переворота⁸⁸⁸.

Донская область не осталась в стороне от событий, происходивших в Москве. Успешное внедрение раскола в Ростове-на-Дону и Ростовской и Таганрогской епархии началось еще до завершения кампании по изъятию церковных ценностей. Поводом к нему стало протестное движение ростовского приходского духовенства против епископа Арсения (Смоленца) и его позиции относительно изъятия. Факт раскола, состоявшегося среди ростовских священнослужителей, констатировал 20 апреля 1922 г. на общем собрании членов и кандидатов городского районного комитета партии г. Ростова-на-Дону Зорин, который довел до сведения собравшихся, что «духовенство сейчас расколосось на 2 лагеря»⁸⁸⁹. При этом первый лагерь он охарактеризовал как священников, желающих «приспособиться к новому положению», т.е. быть лояльными советской власти, а второй – как диаметрально противоположный первому лагерю, который желает «организоваться и дать бой Соввласти»⁸⁹⁰. Вероятно, к 24 апреля 1922 г. группа духовенства, желавшая сотрудничать с советской властью, уже приобрела выраженные формы. Свидетельством этого является телеграмма, посланная из Ростова-на-Дону в Москву в ГПУ⁸⁹¹. В телеграмме сообщалось, что к 24 апреля в Ростове-на-Дону «лояльное духовенство» организовало бюро. Священнослужители, вошедшие в его состав, ставили целью оказание противодействия епископской власти, которое заключалось в «разоблачении епископа Арсения... и епископской власти вообще». Взамен власти епископа ростовские священники предлагали «организовать комитет»⁸⁹².

Активная поддержка со стороны местной власти позволила 26 апреля 1922 г. ростовским оппозиционным священникам провести собрание

⁸⁸⁸ Макаров Ю.Н. Органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 40.

⁸⁸⁹ ЦДНИРО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁸⁹⁰ Там же.

⁸⁹¹ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М.–Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997. С. 23.

⁸⁹² Там же.

духовенства и мирян Ростова-на-Дону и Нахичевани, на котором был учрежден исполнительный комитет по делам Православной Церкви⁸⁹³. Этот комитет еще не был обновленческим. Его целью была борьба с властью епископа. Так, во время собрания прозвучали характерные утверждения: с начала государственного переворота 1917 г. ростовская епархиальная власть (т.е. епископ Арсений) «вступила на незаконный путь пререканий, преследований, притеснений... на путь корысти и политиканства, на путь достижения личных целей»⁸⁹⁴; епархиальная власть не осознала и не поняла той свободы, которая предоставлялась Церкви государственным переворотом, старалась отдать Церковь «снова в рабство»⁸⁹⁵; занятая своими личными интересами «и потребностями часто животного свойства», она не желала считаться с приходскими советами и собраниями прихожан⁸⁹⁶. Резюмируя свои претензии, собрание приняло постановление: «епархиальной власти, подчиненному духовенству и мирянам нужно сойти с незаконного пути»⁸⁹⁷. Признаком отказа от «порочного» пути подчинения епархиальному епископу было учреждение исполнительного комитета с передачей ему полномочий церковной власти⁸⁹⁸. На том же собрании были избраны члены исполнительного бюро, которые впоследствии сыграли значительную роль в продвижении обновленческого раскола в Ростовской и Таганрогской епархии.

После учреждения бюро его члены ожидали суда над епископом Арсением. По завершении процесса 17 мая 1922 г. и вынесении приговора, в соответствии с которым епископ был приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, они развили активную деятельность. В тот же день по инициативе членов бюро клирики всех церквей Ростова-на-Дону, Нахичевани и Ростовского округа, за исключением незначительного числа

---

⁸⁹³ Воззвание против «князей церкви» ростовского духовенства // Трудовой Дон. 1922. 17 мая. С. 1.

⁸⁹⁴ Там же.

⁸⁹⁵ Там же.

⁸⁹⁶ Там же.

⁸⁹⁷ Там же.

⁸⁹⁸ Там же.

священнослужителей, проигнорировавших собрание, на котором было избрано бюро, дали подписку о признании исполнительного комитета как органа, руководящего всеми делами епархии⁸⁹⁹. Деятельность ростовского исполнительного бюро была оценена и его членами, и сторонниками епископа Арсения, и представителями советской власти Донской области как раскол. Факт совершившегося раскола 23 мая был отражен в газете «Трудовой Дон». После обширных обвинений духовенства в участии в событиях Гражданской войны, корреспондент газеты М. Викторов, выражая поддержку обновленческому духовенству, сообщал, что происшедший церковный раскол «есть в конечном счете ни что иное, как попытка более чуткой части духовенства спасти положение, удержать» под влиянием церкви прозревающую и отрезвляющуюся от религиозного дурмана "паству"»⁹⁰⁰.

Отсутствие законно поставленного епархиального архиерея, который к этому времени был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения для отбывания наказания и молчание духовенства, поддерживавшего законный церковный строй, позволили активным «протестующим» временно утвердиться в качестве руководящего органа. На этом настаивали и донские периодические издания, которые сообщали, что образованный в Ростове-на-Дону временный исполнительный комитет по делам Ростовской епархии взял на себя все функции «бывшей епархиальной власти» и является сейчас единственным распорядительным органом, ведающим всеми делами духовенства Донской области⁹⁰¹. В конце мая, уже не ожидая угроз от епископа Арсения, исполнительный комитет готовился к созыву епархиальной конференции. На этой конференции планировалось избрать постоянный Комитет по делам епархии⁹⁰².

⁸⁹⁹ Поход ростовского духовенства против князей церкви // Трудовой Дон. 1922. 20 мая. С. 2.

⁹⁰⁰ Викторов М. Раскол церкви и трудящиеся // Трудовой Дон. 1922. 23 мая. С. 1.

⁹⁰¹ Л.-Р. Поход ростовского духовенства против «князей церкви». (Из беседы Временного Исполбюро по делам Ростовской епархии) // Трудовой Дон. 1922. 30 мая. С. 1.

⁹⁰² Там же.

Позиционирование членами временного исполнительного комитета по делам Ростовской епархии себя как противников власти епископа неизбежно привело к интересу к ним обновленцев. Не без содействия заинтересованных органов власти перед временным комитетом по делам епархии был поставлен вопрос о необходимости участия в готовящемся обновленцами Поместном соборе. Кроме этого, ростовский комитет обязывался подготовить созыв собора духовенства и мирян Ростовской епархии. Перед членами будущего собора ставилась задача заняться «самым широким обновлением церковной жизни»: пересмотреть все церковные законы, особенно те из них, которые с точки зрения советской власти и поддерживаемых ею обновленцев устарели. Ростовское духовенство обязывалось устранить монашествующее духовенство от управления церковными делами и отдать право управления епархиальной жизнью белому духовенству в союзе с мирянами⁹⁰³. Кроме того, на ростовском соборе должны были быть решены вопросы отмены церковнославянского языка, пересмотрено учение о браке, решен вопрос об обязательности выборности духовенства и архиерея⁹⁰⁴. Иными словами, предстоящий собор должен был принять программу, продиктованную обновленческими лидерами.

Исполнительному комитету по делам Ростовской епархии, в конце мая 1922 г. еще открыто не признававшему себя обновленческим, поставленные задачи, скорее всего, не были чужды, и к 30 мая его программа уже носила выраженный обновленческий характер⁹⁰⁵. Так, председатель исполнительного комитета священник Казанской церкви Ростова-на-Дону Михаил Попов 30 мая 1922 г. выступил перед собранием церковно-приходских советов церквей Ростова-на-Дону. В своем слове он не только призвал к подготовке к проведению Всероссийского церковного собора, впоследствии получившего имя Первого обновленческого Поместного

⁹⁰³ Л.-Р. Поход ростовского духовенства против «князей церкви». (Из беседы Временного Исполбюро по делам Ростовской епархии) // Трудовой Дон. 1922. 30 мая. С. 1.

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов- н/Д: Антей, 2015. С. 19.

собора, но и сообщил, что будущему собору придется в первую очередь заняться вопросом о пересмотре канонов Православной Церкви. Аргументируя это утверждение, он сообщил, что пересмотр диктуется двумя «необходимостями»: во-первых, древние каноны дополнены не только рядом соборов, но и «лицами из высшей церковной иерархии», что в устах священника несло явно негативную оценку⁹⁰⁶. Во-вторых, каноны не соответствуют «не только современной жизни, но и реальной жизни вообще»⁹⁰⁷. Коснувшись вопроса о монашестве, священник М. Попов отметил, что вопрос пересмотра монастырских уставов и внутреннего распорядка монастырской жизни является также вопросом первостепенной важности, поскольку монашество в последнее время сильно «обмирщилось». Также докладчик коснулся вопроса о назначении епископов. Он настаивал на том, чтобы иерархи не назначались высшей церковной властью, а избирались церковно-приходским советом совместно с верующими⁹⁰⁸.

На протяжении июня 1922 г. деятельность исполнительного комитета по делам Ростовской епархии носила ярко выраженный обновленческий характер, причем проходивший под эгидой Живой Церкви⁹⁰⁹. Об этом свидетельствовала газета «Трудовой Дон», в которой сообщалось, что комитет Ростовской епархии, избранный инициативной группой духовенства и мирян, является одним из первых комитетов, положившим начало обновленческого движения на Юго-Востоке России⁹¹⁰. Основной задачей своей деятельности ростовский комитет считает признание высшего церковного управления (обновленческого ВЦУ) и оказание ему всемерного содействия в проведении в жизнь всех его начинаний и мероприятий по обновлению и созданию новой Живой Церкви и созыву всероссийского поместного церковного собора. Также в обязанности исполнительного

---

⁹⁰⁶ Поход ростовского духовенства против «князей церкви» // Трудовой Дон. 1922. 2 июня. С. 1.

⁹⁰⁷ Там же.

⁹⁰⁸ Там же.

⁹⁰⁹ Поход духовенства Донской области против «князей церкви». Обращение исполнительного комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня. С. 2.

⁹¹⁰ Там же.

комитета входила организация и подготовка созыва епархиальной конференции в Ростове-на-Дону, которая должна рассмотреть и наметить пути практического осуществления задач, положенных в основу обновленческого движения, выбрать постоянный комитет по управлению епархией, избрать делегатов на всероссийский поместный собор, составив им «наказ» в духе церковных реформ, которые будут намечены епархиальной конференцией⁹¹¹. Перед епархиальной конференцией стояли следующие задачи: выработать и изложить основы отношения к советской власти и к той части духовенства, которая стремится использовать Церковь для борьбы с советской властью, противодействует обновленческому движению; выработать принципы коллегиальности управления Православной Церковью; утвердить выборное начало на все иерархические должности; утвердить упразднение института благочинных «как лишнего и вредного в церковном строе», насажденного бюрократизмом «князей церкви»; пересмотреть все законы, «отставшие от условий жизни и затемняющих разум и совесть верующих»⁹¹²; освободить духовенства «от их кастовой обособленности»; утвердить равноправие и активное участие женщин в деле нового строительства церковной жизни; аннулировать все консисторские, синодские, «победоносцевские и соборные указы», как мешающие строительству новой живой церкви; реорганизовать приходы и приходские советы⁹¹³. Приведенная программа, провозглашенная ростовским исполнительным комитетом, была далека от основ церковной жизни, которой жила Русская Церковь на протяжении веков, но полностью соответствовала идеям обновленчества и в немалой степени отражала идеологию советской власти.

Утверждение обновленческой программы исполнительным комитетом по делам Ростовской епархии совпало с двумя важнейшими событиями.

---

⁹¹¹ Поход духовенства Донской области против «князей церкви». Обращение исполнительного комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня. С. 2.

⁹¹² Там же.

⁹¹³ Там же.

Первым из них была попытка «найти» для Ростовской и Таганрогской епархии епархиального архиерея. Епископ Арсений (Смоленец), оставшийся формально в должности правящего архиерея, находился в лагере, св. патриарх Тихон содержался в заключении, поэтому получить законно поставленного епископа, несмотря на провозглашение обновленческих идей, возможности не было. Чтобы не оставаться без архиерея и архиерейского богослужения, ростовский комитет обратился к епископу Аксайскому Митрофану (Гриневу), викарию Донской и Новочеркасской епархии с предложением временно возглавить Ростовскую и Таганрогскую епархию. Епископ Митрофан, по всей видимости, хорошо знакомый с происходившими в Ростовской епархии событиями, отказал комитету, аргументируя свою позицию тем, что он не разделяет обновленческих идей, провозглашенных временным исполнительным комитетом по делам Ростовской епархии, и не согласен с обновленческой программой комитета⁹¹⁴.

Конец июня 1922 г. был отмечен формированием протестного движения в среде ростовского духовенства, отказывающегося принимать обновленческую программу. Первыми священнослужителями, открыто высказавшими негативное отношение к обновленчеству, были протоиерей Иоанн Жежеленко, священник Алексей Трифильев и протодиакон Димитрий Новочадов. В конце июня 1922 г. им было предложено ростовским исполнительным комитетом в качестве делегатов посетить Москву и ознакомиться с деятельностью обновленческого ВЦУ. Однако все упомянутые священнослужители отказались от поездки, в письменном виде выразив неприемлемость признания ВЦУ «по долгу христианской совести»⁹¹⁵.

⁹¹⁴ Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов- н/Д: Антей, 2015. С. 20.

⁹¹⁵ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 185–185 об.

После приезда в Ростов-на-Дону в августе 1922 г. первого обновленческого епископа Модеста (Никитина)⁹¹⁶ к протестному движению примкнул ряд городских приходов. Характерной особенностью этого движения было отсутствие попытки установить связь с верными св. патриарху Тихону иерархами. Вместо этого приходы объявляли себя принадлежащими к юрисдикции Вселенского патриарха, при этом поминая на богослужениях, помимо Константинопольского патриарха, патриарха Тихона и епископа Арсения (Смоленца)⁹¹⁷. К октябрю 1922 г. церквие-участницы протестного движения, объединились в организацию, которую пытались зарегистрировать в государственных органах под именем «Единая Святая Соборная Апостольская Церковь» (ЕССАЦ)⁹¹⁸. В конце 1922 – начале 1923 гг. все священнослужители, принимавшие участие в протестных акциях, были арестованы. После этого начался активный процесс насаждения обновленчества, закончившийся тем, что к 1923 г. в Ростове-на-Дону оставалась не обновленческой только одна греческая Благовещенская церковь, в которой богослужения совершались греческими священнослужителями на греческом языке⁹¹⁹.

Как видно, благодаря активному содействию советских органов власти, вторая антицерковная акция – обновленческий раскол – была успешно проведена в жизнь в Ростовской и Таганрогской епархии на протяжении апреля–июля 1922 г. Начиная с утверждения в качестве протеста против позиции епархиального архиерея епископа Арсения (Смоленца) временного исполнительного комитета по делам Ростовской епархии, подчинение которому в письменном виде признали почти все храмы Ростова-на-Дону и Ростовского округа, в июле 1922 г. Ростовская и Таганрогская епархия получила от Живой Церкви правящего архиерея в лице «архиепископа» Модеста (Никитина).

⁹¹⁶ Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов- н/Д: Антей, 2015. С. 21.

⁹¹⁷ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 191–191 об.

⁹¹⁸ Там же. Л. 192–195.

⁹¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–1 об.

Несмотря на то, что территориально Донская и Новочеркасская епархия, как и Ростовская и Таганрогская, относилась к Донской области РСФСР и ее коснулись все процессы, связанные с реализацией антицерковных акций 1922 г., события, проходившие здесь, значительно отличались от событий, характерных для Ростовской и Таганрогской епархии. Прежде всего, поддержав проведение кампании по изъятию церковных ценностей, правящий архиерей Донской и Новочеркасской епархии митрополит Митрофан (Симашкевич) не был арестован и имел возможность беспрепятственно управлять епархией в переломный момент распространения обновленчества.

Важным отличием, относящимся к моменту зарождения обновленчества, было отсутствие в Донской епархии духовенства, открыто разделявшего радикальные идеи обновленцев. Донское духовенство с уважением относилось к своему архипастырю и в подавляющем большинстве не поддерживало идеи обновления церковной жизни, которые, несомненно, были ему известны, учитывая события, происходившие в находящемся на незначительном расстоянии Ростове-на-Дону.

Внешне благополучная обстановка в Донской и Новочеркасской епархии была нарушена не изнутри, как в Ростове-на-Дону, а извне. В июне 1922 г. в Новочеркасск прибыл назначенный в качестве епархиального архиерея обновленческим ВЦУ «архиепископ» Мелхиседек (Николаев). Его путь в Православной Российской Церкви начался вполне канонично. Он принял монашество и 26 сентября 1920 г. был хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. Хиротонию совершал св. патриарх Тихон⁹²⁰. Через полтора года служения в сане епископа, в мае 1922 г. он уклонился в обновленчество, был возведен в сан «архиепископа» и получил

---

⁹²⁰ Шадрин А.В. Обновленческий раскол на Дону и деятельность «архиепископа» Мелхиседека (Николаева) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 45.

от обновленческого ВЦУ назначение на должность правящего архиерея Донской и Новочеркасской епархии⁹²¹.

Находясь под контролем и защитой Донского отделения ГПУ, «архиепископ» Мелхиседек, не афишируя свою принадлежность к обновленчеству, начал вести работу с духовенством. Скорее всего, именно по его инициативе 18 июня 1922 г. в Новочеркасске без согласования с митрополитом Митрофаном (Симашкевичем) и викарным епископом Митрофаном (Гриневым) состоялось собрание духовенства и мирян⁹²², на котором откровенно пропагандировались идеи необходимости обновления Церкви. Озвученные на собрании идеи не вызвали противодействия в среде новочеркасских священнослужителей, поскольку в их памяти еще были живы не воплощенные в жизнь постановления Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян, проходившего на протяжении 1918 г., и на первых порах вызывавшие в среде духовенства надежды на кардинальные изменения, которым не суждено было сбыться. На собрании 18 июня 1922 г., по утверждению корреспондента газеты «Трудовой Дон», присутствовало большое число людей и в том числе духовенство Новочеркасска в полном составе⁹²³. Скорее всего, не без давления ДО ГПУ на собрании был избран комитет, аналогичный временному исполнительному комитету по делам Ростовской епархии⁹²⁴. В состав этого органа вошли протоиереи Дмитриев, Фомин и священник Шапошников⁹²⁵, которые, впрочем, не играли заметной роли в жизни Донской и Новочеркасской епархии в 1918–1920-х гг. От мирян в состав комитета были избраны сыгравший значительную роль в работе Донского чрезвычайного епархиального съезда духовенства и мирян

⁹²¹ Под флагом «живой церкви» // Трудовой Дон. 1923. 4 февраля. С. 5. Донской епархиальный съезд // Трудовой Дон. 1923. 7 февраля. С. 2.

⁹²² Н. Поход против «князей церкви». (По телефону из Новочеркасска) // Трудовой Дон. 1922. 23 июня. С. 1.

⁹²³ Там же.

⁹²⁴ Поход духовенства Донской области против «князей церкви». Обращение исполнительного комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня. С. 2.

⁹²⁵ Н. Поход против «князей церкви». (По телефону из Новочеркасска) // Трудовой Дон. 1922. 23 июня. С. 1.

Донской епархии 1918 г. бывший преподаватель закрытой в 1920 г. Донской духовной семинарии Свидерский и Фирсов⁹²⁶.

Событием, определившим развитие обновленческого раскола в Донской и Новочеркасской епархии до 1924 г., стала передача митрополитом Митрофаном (Симашкевичем) «всей полноты епархиальной власти вновь образованному комитету»⁹²⁷. Этот факт сегодня вызывает большие сомнения, поскольку до сегодняшних дней не известен указ о передаче власти, о котором свидетельствуется в статье «Поход против «князей церкви». (По телефону из Новочеркасска)», опубликованной 23 июня 1922 г. в газете «Трудовой Дон». Учитывая идеологический характер всех публикаций этой газеты, контролируемых ДО ГПУ, можно предположить, что такой указ вряд ли имел место. Однако учитывая сложную обстановку, митрополит Митрофан, уже к тому времени по возрасту бывший почтенным старцем, предпочел не вести открытую войну и удалился в Старочеркасский Ефремовский женский монастырь⁹²⁸. Права управления епархией он передал викарию – епископу Аксайскому Митрофану (Гриневу)⁹²⁹.

По инициативе ДО ГПУ истинное положение дел в отношении правящего архиерея Донской епархии, которое было известно только узкому кругу священнослужителей, окружавших митрополита, скрывалось от православного населения и широкой общественности. По распространявшимся по всей Донской области сведениям, и в особенности в округах, входивших в состав Донской и Новочеркасской епархии, митрополит Митрофан ушел на покой, а вместо него епархию возглавил «архиепископ» Мелхиседек⁹³⁰.

⁹²⁶ Н. Поход против «князей церкви». (По телефону из Новочеркасска) // Трудовой Дон. 1922. 23 июня. С. 1.

⁹²⁷ Там же.

⁹²⁸ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 373.

⁹²⁹ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 290.

⁹³⁰ Табунщикова Л.В., Шадрин А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов- н/Д: Антей, 2015. С. 31.

Избрание комитета, который, подчиняясь власти «архиепископа» Мелхиседека, автоматически признавал обновленческое ВЦУ, а также прекращение исполнения обязанностей правящего архиерея митрополитом Митрофаном вызвало протестное движение в среде новочеркасского духовенства. Целью этого движения была дискредитация «архиепископа» Мелхиседека и в его лице обновленческого раскола, который он пытался пропагандировать. Протестное движение, кроме епископа Митрофана (Гринева), возглавляли и организовывали его работу выдающиеся священнослужители Новочеркасска. Одним из них был протоиерей Иоанн Яковлевич Артемьев. Он родился в 1873 г. в Саратовской губернии. После окончания в 1893 г. Саратовской миссионерской школы он в 1895 г. был принят в Донскую и Новочеркасскую епархию, где нес служение миссионера: с 1895 г. по Богоявленскому округу, с 1897 г. по Каменскому округу. В 1899 г. он был рукоположен в сан священника и помимо священнослужительских обязанностей продолжал нести миссионерское служение, главным образом среди старообрядческого населения Области войска Донского. Ко времени установления советской власти протоиерей Иоанн Артемьев был уже известным священником и миссионером, автором многочисленных статей, опубликованных в журнале «Донские епархиальные ведомости». Его мнение играло большую роль, особенно в противостоянии обновленчеству, поэтому он, начиная с 1921 г., неоднократно арестовывался⁹³¹.

Не менее уважаемым и известным в Новочеркасске и в пределах Донской и Новочеркасской епархии был протоиерей Владимир Иванович Волагурин. Он родился в 1877 г. в Воронежской губернии, в 1901 г. окончил Донскую духовную семинарию. В 1904 г. он был рукоположен в сан священника и нес служение в храмах г. Новочеркасска. После установления в 1920 г. на Дону советской власти он четырежды арестовывался и закончил

---

⁹³¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11732. Л. 68 об.–69 об. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 101, 103, 111, 120, 277, 279, 286 об., 421.

свою жизнь в исправительно-трудовом лагере⁹³². На протяжении 1920–1930-х гг. он был известен как выдающийся борец с обновленческим расколом.

Протоиереи И. Артемьев и В. Волагуриин в 1922 г. активно проповедовали против любых церковных реформ и принятия Живой Церкви. Особенно жесткой критике в их проповедях подвергался «архиепископ» Мелхиседек, который обвинялся протоиереями И. Артемьевым и В. Волагуриным в незаконном присваивании себе власти правящего архиерея Донской и Новочеркасской епархии. Яркие проповеди, поддерживаемые значительным числом сторонников священников, вынудили «архиепископа» Мелхиседека прекратить совершать богослужения в новочеркасских храмах. Помимо проповедей, скорее всего, с ведома протоиереев И. Артемьева и В. Волагурина, «архиепископу» Мелхиседеку постоянно подбрасывались листовки с оскорблениями и угрозами⁹³³.

Отнюдь не доброжелательный прием духовенства Новочеркаска, на который, вероятно, рассчитывал после «устранения» митрополита Митрофана и избрания обновленческого исполнительного комитета «архиепископ», тесно сотрудничавший с ДО ГПУ и представителями советской власти Донской области, заставил его 26 декабря 1922 г. обратиться с заявлением в ДО ГПУ. В заявлении «архиепископ» Мелхиседек дал с современной точки зрения высочайшую оценку деятельности лидеров протестного движения. Как он сообщал в заявлении, новочеркасские протоиереи называют с церковных кафедр «ВЦУ еретическим, сатаническим и незаконно захватившим церковную власть... возбуждают... верующую толпу и враждебно настраивают ее против всякого обновленческого движения»⁹³⁴. 22 января 1923 г. епископ Митрофан Гринев), протоиереи В.И. Волагуриин и И.Я. Артемьев были арестованы. Уголовно-следственное дело, возбужденное против них, было объединено с делом ростовских

⁹³² ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11971. Л. 93 об.–94 об. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 84, 92, 98–99, 294, 421.

⁹³³ Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53110. Л. 222.

⁹³⁴ Там же. Л. 218.

священнослужителей священника Алексея Трифильева и протодиакона Димитрия Новочадова.

После завершения следствия и вынесения ростовскому и новочеркасскому духовенству приговора, любые протестные акции в Донской области, направленные против обновленчества, были прекращены. При молчании духовенства «архиепископ» Мелхиседек начал активную деятельность по насаждению обновленчества как в Донской и Новочеркасской, так и в Ростовской и Таганрогской епархиях.

Итак, второй антицерковной акцией, которая проводилась на территории РСФСР в 1922 г., был обновленческий раскол. Советское руководство рассматривало духовенство, заявлявшее о лояльности советскому государству и провозглашавшее необходимость обновления Церкви как «антитихоновскую оппозицию», что обусловило заинтересованность советских партийных деятелей в продвижении раскола и поддержке его лидеров. Донская область была одним из первых регионов, где обновленческий раскол начал внедряться с помощью ГПУ еще до завершения кампании по изъятию церковных ценностей. Поскольку на территории Донской области находилось две епархии – Ростовская и Таганрогская, и Донская и Новочеркасская, руководство области при непосредственном участии Донского отделения ГПУ использовало разные методы продвижения обновленчества. В Ростове-на-Дону в качестве инициаторов учреждения исполнительного комитета по делам Ростовской епархии было привлечено духовенство, протестующее епископа Арсения (Смоленца) и его позиции в отношении изъятия церковных ценностей. Арест епископа позволил ростовскому исполнительному комитету в течение 1,5 месяцев из протестного движения стать обновленческим и присоединиться к Живой Церкви. В Донской и Новочеркасской епархии обновленчество внедрялось при помощи ДО ГПУ и назначенного Живой Церковью «архиепископа» Мелхиседека (Николаева). После провозглашения исполнительными комитетами Ростова-на-Дону и Новочеркаска

обновленческой программы в обеих епархиях возникло протестное движение. Если в Ростове-на-Дону оно характеризовалось попытками объединиться в антиканонические сообщества под юрисдикцией Вселенского патриарха, то в Новочеркасске протестующее духовенство вело открытую войну с обновленчеством. После ареста лидеров протестного движения попытки борьбы с обновленчеством были прекращены до конца 1923 г.

В 1922 г. произошло изменение политики советского государства относительно религиозных организаций. По инициативе идеолога антицерковного курса Л.Д. Троцкого попытки мирного сосуществования с Православной Российской Церковью сменились проведением общероссийских антицерковных акций. Если первая кампания, направленная на изъятие церковных ценностей, за счет которых планировалось решить финансовые проблемы государства, в том числе пополнить золотой фонд, предполагала уничтожение материального благосостояния Церкви, то вторая акция – внедрение обновленческого раскола, была направлена на уничтожение Православной Российской Церкви как института.

Подготовка к проведению кампании по изъятию церковных ценностей в Донской области началась на страницах местных периодических изданий с конца января 1922 г. Понимая неизбежность проведения изъятия, отношение к этой кампании высказали иерархи двух епархий, территориально относящихся к Донской области. Епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец) не только выступил против изъятия, но и запретил духовенству участвовать в этом процессе. Митрополит Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич) поддержал изъятие, но предложил сдавать священные сосуды в виде лома.

Изъятие церковных ценностей началось в Донской области 10 марта 1922 г. с еврейских синагог Ростова-на-Дону. Кроме учреждения Комиссии по изъятию церковных ценностей и встречи с представителями различных конфессий города, никакой подготовительной работы проведено не было. Как результат, на второй день изъятия произошел открытый конфликт

членов Комиссии с представителями рынка, примыкающего к ростовскому собору. После прекращения по распоряжению ВЦИК изъятия, началась активная агитационно-пропагандистская кампания и процесс создания Комиссий по изъятию ценностей в округах Донской области. Второй этап кампании начался с первых чисел мая. Он широко освещался в газетах и сопровождался фактами хищений и сокрытия церковных ценностей, которые послужили для создания идеологической базы для проведения следующей антицерковной акции – внедрения обновленческого раскола. Завершение проведения кампании в Донской области увенчалось показательными открытыми судами над духовенством, обвиненным в хищении и сокрытии ценностей. Несмотря на значительные в сравнении с соседними областями Юга России результаты изъятия, церковных ценностей оказалось меньше, чем рассчитывали В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий.

Второй антицерковной акцией, проводившейся в 1922 г. на территории РСФСР, было искусственное внедрение обновленческого раскола. Донская область стала одним из первых регионов, где была проведена смена церковной власти – вместо законно поставленных иерархов руководство епархии было передано искусственно созданным исполнительным комитетам. Учитывая наличие в Ростове-на-Дону священников, которые не поддерживали епархиального архиерея Арсения (Смоленца), комитет был создан из протестующих, которые впоследствии приняли обновленческую программу и присоединились к Живой Церкви. При поддержке ДО ГПУ они распространили свое влияние на духовенство Ростовского округа, и к 1923 г. в Ростове-на-Дону не оставалось ни одного «тихоновского» храма, за исключением греческой церкви. В Новочеркасске ситуация складывалась иначе. Избрание исполнительного комитета было инициировано назначенным обновленческим ВЦУ в качестве епархиального архиерея «архиепископом» Мелхиседеком (Николаевым), приступившим к исполнению своей «должности» при поддержке ДО ГПУ. Невозможность оказывать сопротивление заставила митрополита Митрофана (Симашкевича)

передать свои полномочия викарному епископу и удалиться от дел. Как в Ростове-на-Дону, так и в Новочеркасске в 1922 г. в среде приходского духовенства возникло протестное движение. В конце 1922 г. все лидеры этого движения были арестованы и приговорены к отбыванию срока наказания в Соловецком лагере особого назначения. После этого протестные акции прекратились, и обновленчество было беспрепятственно распространено на всей территории Донской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Область Войска Донского (с 1918 по 1920 гг. Область Всевеликого Войска Донского) занимала особое место в истории России, учитывая, что донское казачество формировалось на окраине Российского государства и со времени основания Войска выполняло функции защиты рубежей государства. Претерпев ряд преобразований на протяжении XIX в., оно продолжало выполнять функции иррегулярного войска, участвуя во всех военных действиях, которые вела Российская империя. В годы революционных потрясений Войско Донское выступило как гарант поддержки имперской власти и Православной Российской Церкви, которая занимала важное место в жизни донского казачества и первенствующее место после учреждения Донской республики Всевеликого Войска Донского.

Поскольку церковная жизнь донского казачества в годы Гражданской войны и первые годы после установления в донском регионе советской власти не изучалась, многие ее аспекты до сегодняшних дней оставались за пределами, как исторического знания, так и осмысления с точки зрения теологии.

В результате проведенного исследования было установлено, что первой попыткой демократизации казачьего сообщества на территории Области войска Донского в период пребывания у власти Временного правительства была попытка создания во всех населенных пунктах исполнительных комитетов, деятельность которых отмечалась вмешательством во внутреннюю жизнь приходских церквей Донской и Новочеркасской епархии. Это вмешательство характеризовалось попытками контролировать финансовую жизнь приходов, в частности, игнорировать епархиальные взносы, и самостоятельно избирать духовенство помимо назначений, полученных от епархиального архиерея. Попытки исполнительных комитетов были пресечены, благодаря архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану (Симашкевичу), неоднократно

призывавшему Донской областной исполнительный комитет контролировать деятельность местных комитетов.

Испытанием для Донской и Новочеркасской епархии и ее иерархов стало проведение в июле 1918 г. Донского чрезвычайного епархиального съезда представителей духовенства и мирян. Изучение протоколов съезда позволило установить, что он был созван по инициативе градского духовенства Новочеркасска и преподавателей Донской духовной семинарии, сыгравших ведущую роль в принятии всех решений съезда. В первый месяц работы съезда приходское духовенство с воодушевлением восприняло идеи преобразования, но ко времени его завершения интерес был полностью утрачен. В систему управления Донской и Новочеркасской епархией было введено только два изменения – учрежден Епископский совет и заменен состав членов Донской духовной консистории. В отличие от других епархий Православной Российской Церкви, съезд не вынес вотум недоверия епархиальному и викарному архиереям. Однако, согласившись с проведением съезда, ни архиепископ Митрофан (Симашкевич), ни епископ Гермоген (Максимов) не приняли участие ни в одном заседании съезда, и архиепископ Митрофан не утвердил ни одного его постановления, ограничившись по ознакомлении с протоколами словом «Читал». Отсутствие акта утверждения решений съезда сделало все его постановления нелегитимными и необязательными для исполнения на территории Донской и Новочеркасской епархии.

В отличие от других российских губерний, Область войска Донского впервые столкнулась с властью большевиков только в феврале 1918 г. Временное установление в Новочеркасске власти Советов было отмечено арестом донских иерархов и осквернением храмов, имевших особое значение для донского казачества. При этом преследования носили не целенаправленный характер, обусловленный указаниями центральной власти, а зависели от произвола групп красногвардейцев, совершавших грабежи и кощунства по собственной инициативе. Также убийства

священнослужителей, совершавшиеся в Области войска Донского, не были обоснованы ни приказами советского руководства, ни постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». В 1918–1919 гг. в регионе было убито 17 священно- и церковнослужителей, в 1919 г. – 9 человек.

После возвращения на Дон казаков и учреждения донской республики Всевеликого Войска Донского для Православной Российской Церкви были созданы исключительные условия. Согласно новому войсковому законодательству, Православная Российская Церковь на территории Области Всевеликого Войска Донского была признана первенствующей, войсковое правительство участвовало во всех церковных торжествах, поддержало проведение Юго-восточного русского церковного собора в Ставрополе, который решил ряд актуальных для того времени проблем, в частности, учреждения самостоятельной Ростовской и Таганрогской епархии. Правительство Всевеликого Войска Донского оказывало финансовую поддержку донским духовным учебным заведениям, благодаря чему они существовали до 1920 г. Благодаря поддержке войскового правительства, в Области Всевеликого Войска Донского была решена проблема материального обеспечения приходского духовенства. Впервые в истории Православной Российской Церкви гражданская власть, в данном случае, Всевеликое Войско Донское, взяло на себя обеспечение всего духовенства за счет выплаты жалованья из средств Войска.

Проанализированные воззрения архиепископа Мирофана и епископа Гермогена позволили сделать вывод о том, что в воззрениях донских иерархов Всевеликое Войско Донское мыслилось не только как часть Церкви, но и как ее защитник. В отношениях донских иерархов и войскового правительства было реализовано тесное сотрудничество, направленное на благо Церкви.

Окончательное установление советской власти на Дону в январе 1920 г., формирование советских органов власти, проходившее до весны и проведение административно-территориальных реформ обусловило, что

вопрос о необходимости проведения в жизнь основного законодательного акта советского государства, определяющего отношение к религиозным организациям и место Православной Российской Церкви в РСФСР – декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» – был поставлен только в апреле 1920 г. Для организации процесса национализации имущества религиозных организаций в Донисполкоме была учреждена «Комиссия по отделению церкви от государства». Учитывая особенности административно-территориального устройства Донской области и отсутствие системы советских органов власти, которые позволили бы контролировать происходившие процессы в отдаленных населенных пунктах, а также сложную политическую обстановку, ее деятельность была ограничена центральными районами – г. Ростовом-на-Дону и Ростовским округом. Особенности работы «Комиссии по отделению церкви от государства» было корректное отношение к религиозным организациям различных конфессий, продиктованное указаниями VIII отдела НКЮ, а также привлечение к участию в ее деятельности представителя Ростовского епархиального управления юриста-правоведа, настоятеля ростовского кафедрального собора протоиерея П.В. Верховского. Работа Комиссии не получила положительной оценки со стороны отдела юстиции Донисполкома и была упразднена. Несмотря на безуспешную попытку в сентябре 1921 г. возобновить деятельность Комиссии, в удаленных от центра округах рецепция декрета за пределами Ростовского округа не состоялась.

Противоречивость проводимой советской властью политики в отношении Православной Российской Церкви и отсутствие контроля этого вопроса со стороны центральных органов власти очевидны из преследования приходского духовенства в Донской области. В 1920–1921 гг. по инициативе различных советских учреждений, в том числе военных, в Донской области был осужден и в незначительном числе приговорен к расстрелу ряд священнослужителей. Характерной чертой преследований была необоснованность приговоров, выносившихся исключительно на основании

единоличного решения следователей. Репрессии донского духовенства 1920–1921 гг. не носили централизованный характер и не отличались массовостью.

Первой антицерковной акцией для Донской области – публичным политическим действием, проводимым государством в отношении религиозных организаций в целом и Православной Российской церкви в частности – стало изъятие церковных ценностей (1922 г.). Его проведение было аргументировано советским государством необходимостью оказания помощи голодающему населению Поволжья, хотя в действительности за счет реализации ценностей советское правительство предполагало решить ряд политических проблем, требующих значительного финансирования. Изъятие церковных ценностей проводилось в Донской области в рамках общероссийской кампании и отличалось лишь особенностями, продиктованными особенностями региона.

Подготовка к проведению антицерковной кампании в Донской области началась на страницах местных периодических изданий с конца января 1922 г. На протяжении февраля в ответ на публикации в прессе было сформулировано мнение о грядущей кампании по изъятию церковных ценностей архиереев двух епархий, входивших в границы Донской области – Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца) и митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича). Епископ Арсений, полностью поддерживая позицию св. патриарха Тихона, не только выступил против изъятия, но и запретил духовенству участвовать в этом процессе. Митрополит Митрофан поддержал изъятие, но предложил сдавать священные сосуды в виде лома.

Кампания по изъятию церковных ценностей проходила в Донской области в два этапа. Первый этап, начавшийся в первых числах марта 1922 г., отличался отсутствием должной подготовки населения к проведению кампании. Он закончился после распоряжения ВЦИК о прекращении изъятия и характеризовался тем, что изъятие ограничилось только православными храмами и молитвенными домами других конфессий Ростова-на-Дону.

Проведение кампании в православных храмах в первый же день увенчалось протестной акцией, отличавшейся инициативой ростовчан, находившихся в тот момент вокруг кафедрального собора, где комиссия пыталась провести изъятие. Клирики собора предприняли попытку остановить начавшуюся драку и спасли членов комиссии от расправы, таким образом продемонстрировав непричастность к протестной акции, отличавшейся спонтанностью. На протяжении апреля на территории Донской области проходила подготовка ко второму этапу проведения кампании, в том числе именно в этот период были организованы комиссии по изъятию церковных ценностей во всех окружных станицах и крупных населенных пунктах области. Второй этап проходил на протяжении мая – июня и отличался отсутствием протестных акций. Для того чтобы спасти ценности от осквернения, во многих православных храмах были предприняты попытки спрятать их от изъятия. Зафиксированные членами комиссий по изъятию факты сокрытий были использованы для дискредитации духовенства. Второй этап кампании по изъятию церковных ценностей в Донской области был завершён проведением показательных открытых судов над духовенством, обвинённом в хищении и сокрытии ценностей и арестом епископа Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца). Всего мае 1922 г. были арестованы и привлечены к ответственности: один епископ, 15 священников (10 служивших в Ростове-на-Дону и Ростовском округе и 5 – в храмах казачьих округов); 2 диакона; 1 псаломщик и 43 мирянина (40 в Ростове-на-Дону и 3 в Новочеркасске).

Подсчёт результатов изъятия церковных ценностей в Донской области, проходивший на протяжении длительного времени, показал, что из донских церквей было изъято 1090 пудов серебра. Результаты изъятия других ценностей по завершении кампании обнародованы не были.

Второй антицерковной акцией, проводившейся в 1922 г. на территории РСФСР и Донской области, было внедрение по инициативе советского правительства обновленческого раскола. Учитывая, что на территории

Донской области было две епархии, методы насаждения в них обновленчества различались. В Ростове-на-Дону было использовано недовольство ростовского духовенства епархиальным архиереем епископом Арсением и его позицией относительно изъятия церковных ценностей. Для введения обновленчества Донским отделением ГПУ было использовано создание по инициативе ростовских священников исполнительного комитета, самочинно объявившего о переходе к нему функций управления епархией. Учитывая, что епископ Арсений был осужден на 10 лет и направлен для отбывания наказания в Соловецкий лагерь особого назначения, сопротивление этому комитету оказано не было. Только после провозглашения комитетом обновленческой программы о своем несогласии с ним и автономии объявила часть ростовских храмов. Отличительной особенностью этого протестного движения стал выход протестующих против обновленчества за пределы канонического подчинения св. патриарху Тихону. Протесты ростовского духовенства были прекращены после привлечения инициаторов отказа от обновленчества к уголовной ответственности.

В отличие от Ростова-на-Дону, в Новочеркаске создание обновленческого исполнительного комитета было инициировано назначенным обновленческим ВЦУ в качестве епархиального архиерея «архиепископом» Мелхиседеком (Николаевым), приступившим к исполнению своей «должности» при поддержке ДО ГПУ. Для создания видимости легитимности власти нового «архиерея», с помощью ГПУ была симулирована передача власти митрополитом Митрофаном (Симашкевием) «архиепископу» Мелхиседеку в обход викарного епископа Митрофана (Гринева). Удаление митрополита Митрофана в Старочеркасский Ефремовский женский монастырь и попытки «архиепископа» Мелхиседека занять место митрополита, вызвали активное протестное движение в среде новочеркасского градского духовенства. В конце 1922 г. по доносу «архиепископа» Мелхиседека все лидеры протестного движения были арестованы и приговорены к отбыванию наказания в Соловецком лагере

особого назначения. После этого обновленчество беспрепятственно было распространено по всей территории Донской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные акты

1. Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. № 19. Ст. 217. С. 381–382.

2. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1975. Т. VII. 10 декабря 1919 – 31 марта 1920 г. 676 с.

3. Постановление ЦК Помгол и НКЮ «Инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. М., 1950. С. 382–384.

4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Оп. 38. Д. 92. Протоколы заседаний Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета VIII созыва за 4 июля – 18 декабря 1921 г. Ч. II.

Ф. А-353 – Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР).

Оп. 4. Д. 382. Переписка с ВЦИК и губернскими судами по делам служителей культа и отдельных лиц, привлекаемых к ответственности за антисоветскую деятельность, об уклонении от военной службы по религиозным убеждениям и по другим вопросам.

Оп. 5. Д. 228. Протоколы заседаний Комиссии по изъятию церковных ценностей и следственная переписка с Ревтрибуналом по делам лиц, скрывающих от изъятия церковные ценности.

Оп. 6. Д. 6. Постановление ВЦИК, инструкции и переписка с ГПУ, губисполкомами и другими учреждениями о порядке изъятия церковного имущества и ценностей, находящихся в пользовании групп верующих.

Ф. Р-1065. – Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

Оп. 4. Д. 59. Телеграммы председателя Донского облисполкома о результатах изъятия церковных ценностей и сведения о количестве ценностей, изъятых из церквей Донской области.

Ф. Р-470 – Особая Комиссия при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России по расследованию действий большевиков. Кисловодск

Оп. 2. Д. 2. Сводки Особой комиссии о ходе расследования действий большевиков в южных губерниях России в 1918–1919 гг.

Оп. 2. Д. 6. Материалы (акты расследований, отношения) о борьбе Советской власти с церковью в Донской области.

Оп. 2. Д. 6а. Материалы (акты расследований, отношения) о борьбе Советской власти с церковью в Донской области.

Оп. 2. Д. 47. Материалы (протокол осмотра, акт расследования) о карательных мерах Советской власти по отношению к белогвардейцам в Новочеркасске и Донской области.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 5 – Секретариат В.И. Ленина (1917–1924).

Оп. 2. Д. 48. Документальные материалы комиссии Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу об изъятии ценностей у церквей.

Ф. 17 – Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991).

Оп. 84. Д. 381. Переписка с Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК, полномочным представителем РСФСР при заграничных организациях помощи голодающим, центральными учреждениями и местными партийными организациями, проект циркуляра ЦК РКП (б) губкомам, выписки из информационных сводок ГПУ и документы о голоде в России, об организации помощи голодающим, об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих и др. Январь – декабрь 1922 г.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 796 – Канцелярия Синода.

Оп. 439. Д. 601. Митрофан (Симашкевич Митрофан), донской архиепископ.

Ф. 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода.

Оп. 86, отд. 1, ст. 1. Д. 48. С бумагами, принятыми и введенными к руководству. 1916 г.

Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Оп. 133. Д. 1. Сборник циркуляров ДОД и ДДД о старообрядцах и сектантах.

Оп. 133. Д. 155. Положение об управлении делами сектантов.

Ф. 831 – Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода.

Оп. 1. Д. 210. О церковной жизни в Ростове-на-Дону.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

Ф. 226 – Донская духовная консистория.

Оп. 3. Д. 11676. Клировые ведомости Александровск-Грушевского благочиния за 1907 г.

Оп. 3. Д. 11732. Клировые ведомости Новочеркасского благочиния за 1910 г.

Оп. 3. Д. 11744. Клировые ведомости Зотовского благочиния за 1910 г.

Оп. 3. Д. 11747. Клировые ведомости Цымлянского благочиния за 1910 г.

Оп. 3. Д. 11752. Т. II. Клировые ведомости Аксайского благочиния за 1910 г.

Оп. 3. Д. 11828. Клировые ведомости Кирсановского благочиния за 1911 г.

Оп. 3. Д. 11891. Клировые ведомости Сальского благочиния за 1912 г.

Оп. 3. Д. 11970. Клировые ведомости Филоновского благочиния за 1913 г.

Оп. 3. Д. 11971. Клировые ведомости Тарасовского благочиния за 1913 г.

Оп. 3. Д. 12080. Клировые ведомости Качалинского благочиния за 1914 г.

Оп. 5. Д. 2. О поступлении денег в 1917 г. на построение церкви и школ для переселенцев

Оп. 5. Д. 101. О вмешательстве приходского совета слободы Малой Кирсановки в церковные дела

Оп. 5. Д. 113. О вмешательстве прихожан церковей ст. Кочетовской и хутора Каныгина от представления установленных с церковей взносов

Оп. 5. Д. 115. Об уклонении прихожан слоб. Лысогорки, Большой Кирсановки, Матвеева Кургана и поселка Кульбаковского от представления взносов на общепархиальные нужды.

Оп. 5. Д. 122. Об уклонении прихожан Рождество-Богородицкой церкви хутора Трифонова от представления взносов на общепархиальные нужды.

Оп. 5. Д. 123. Об уклонении прихожан церковей слободы Бобриково-Петровской, Исаево-Дьяковой и Малокрепинской и поселков Большого Лога и Леоновского от представления общепархиальных взносов.

Оп. 5. Д. 124. Об уклонении прихожан церковью Живоносной Бабинского Источника и Покровской слободы Астаховой от представления общепархиальных взносов.

Оп. 5. Д. 126. Об уклонении прихожан церкви хутора Кривокоцкого от представления общепархиальных взносов и кружечных сборов.

Оп. 5. Д. 305. О постройке храма в хут. Кондакове.

Оп. 5. Д. 309. О построении храма-памятника в хут. Фролове.

Оп. 5. Д. 661. О хищениях в Архиерейском доме и в церкви.

Оп. 5. Д. 662. О захвате революционными организациями имущества духовных учреждений.

Оп. 5. Д. 663. О захвате советскими властями из кладовой казначейства денежного сундука консистории.

Оп. 5. Д. 674. О похищении красногвардейцами из церкви Кололовско-Пристенского денег и вещей.

Оп. 5. Д. 854. Список священнослужителей Александровск-Грушевского, Больше-Крепинского, Березовского и др. благочиний. Переписка с финансовым отделом Войска Донского о содержании церковнослужителей.

Оп. 19. Д. 444. Ведомость церкви Покрова Пресвятой Богородицы станицы Кривянской Багаевского благочиния за 1910 г.

Оп. 19. Л. 515. Ведомость церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы г. Ростова-на-Дону за 1913 г.

Оп. 22. Д. 42. Дело об отобрании у священника станицы Краснокутской Алексея Зимовнова местным исполнительным комитетом церковного имущества.

Оп. 22. Д. 50. О перемещении из слободы Амвросиевки священника Григория Китайского и Симеона Аристова за непризнание нового правительства.

Ф. 352 – Донская духовная семинария.

Оп. 3. Д. 44. Прошение Донской семинарии.

Оп. 3. Д. 75. Сношение с казенными правительственными учреждениями.

Ф. 46 – Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана).

Оп. 1. Д. 4175. Прошения о выдаче пособий лицам, пострадавшим в борьбе с красногвардейцами.

Оп. 1. Д. 4216. Прошения о выдаче пособий и пенсий по ранению и за убитых в боях с красногвардейцами.

Оп. 1. Д. 4217. Прошения о выдаче пособий и пенсий по ранению и за убитых в боях с красногвардейцами.

Ф. Р-1220 – Отдел юстиции Дноблисполкома.

Оп. 1. Д. 6. Протоколы №№ 10–105 заседаний коллегии Отдела юстиции. Протоколы №№ 1–9 заседаний коллегии Юридического отдела Ростово-Нахичеванского н/Д революционного комитета. Материалы по личному составу.

Оп. 1. Д. 36. Протоколы заседаний коллегии Отдела юстиции, его подотделов, месячные отчеты и докладные записки о работе судебных учреждений области. Материалы по личному составу.

Ф. Р-1798 – Донской окружной исполнительный комитет.

Оп. 3. Д. 42. Переписка с военными учреждениями по административным вопросам.

Ф. Р-3758 – Совет Кавказской армии труда. Революционный Совет армии труда Юго-Востока России. Краевой экономический совет Юго-Востока России.

Оп. 1. Д. 109. Протоколы заседания революционного Совета Армии труда Юго-Востока России за январь 1921 г.

Оп. 1. Д. 157. Протокол заседаний краевого совещания отдела юстиции на Юго-Востоке России 26–28. II. 1921 г. об отделении церкви от государства. Доклад юрисконсульта инструктора при управлении уполнаркомюста

на Юго-Востоке России о работе комиссии по воспитанию несовершеннолетних подростков.

Оп. 3. Д. 32. Сведения, телеграммы об изъятии церковных ценностей по Донской области и Юго-Востоку России.

Ф. Р-97 – Временный Донской областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Временный Донисполком, ДИК). Донской областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (Донисполком, ДИК).

Оп. 1. Д. 27. Стенограммы пленумов Донисполкома IV созыва

Оп. 1. Д. 43. Протоколы №№ 127–135 заседаний президиума Донисполкома II созыва.

Оп. 1. Д. 51. Стенограммы пленумов Донисполкома и съезда окрисполкомов от 6 февраля 1922 г.

Оп. 1. Д. 52. Протоколы №№ 1–90 заседаний президиума Донисполкома IV–V созывов.

Оп. 1. Д. 70. Протоколы заседаний Временного Донского исполнительного комитета, Коллегии, отделов управления и заведующих отделами Донисполкома в первые дни установления Советской власти в области.

Оп. 1. Д. 77. Протоколы заседаний коллегии отдела юстиции при Донисполкоме.

Оп. 1. Д. 229. Переписка с Донским епархиальным советом о порядке регистрации актов гражданского состояния и о деятельности церкви в первый период советской власти на Дону.

Оп. 1. Д. 487. Постановления, распоряжения, приказы отдела юстиции и другие документы о его деятельности.

Оп. 1. Д. 512. Документы Донской областной административной комиссии о территориальном делении Сальского округа, о присоединении к Донецкой области станиц Ставропольской губернии.

Оп. 4. Д. 49. Циркуляры комиссии по отделению церкви от государства при отделе юстиции Дноблисполкома окружным бюро юстиции, план работ комиссии по отделению церкви от государства на 1921 г.

Оп. 4. Д. 50. Протоколы заседаний Донской областной комиссии по отделению церкви от государства.

Оп. 4. Д. 51. Список армянских церквей Донской области, препроводительные письма Управляющего Нахичеванско-Бессарабской епархии к документам об отделении армянских церквей от государства.

Оп. 4. Д. 52. Документы о ходе работ в Донской области по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, о нарушении Декрета органами Советской власти.

Оп. 4. Д. 53. Циркуляры, предписания, отношения Наркомюста РСФСР, Комиссии по отделению церкви от государства при отделе юстиции Дноблисполкома, список церквей гг. Ростова и Нахичевани-на-Дону, выписка из акта ревизии Областной комиссии по отделению церкви от государства, докладные записки и переписка с окружными бюро юстиции, с религиозными общинами по вопросу выполнения Декрета от 31 декабря 1918 г. об отделении церкви от государства.

Оп. 4. Д. 55. Докладные записки окрбюро юстиции Донской области о работе комиссий по отделению церкви от государства.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)

Ф. Р-15 – Андреевский райком ВКП(б), гор. Ростов-на-Дону

Оп. 1. Д. 5. Протоколы общих городских собраний членов РКП (б).

Оп. 1. Д. 6. Протоколы общих партийных собраний комячейки Управления продовольствия СКВО.

Оп. 1. Д. 8. Протоколы заседаний бюро фракций РКП (б), правления дорожного отдела профсоюза «Всемирдикосантруд», Донотдела Всероссийского Союза рабочих швейной промышленности, правления Союза строительных рабочих; рабочих водного транспорта и другие документы.

Ф. Р-209 – Черкасский окружной комитет РКП (б)

Оп. 1. Д. 17. Протоколы заседаний бюро .

Оп. 1. Д. 20. Протоколы собраний ответственных работников совещаний секретарей комячеек общегородских партсобраний, совета ЧОН, заседаний партинспекции, программа ежемесячных сведений о партийной организации и др.

Оп. 1. Д. 21. Протоколы общих делегатских собраний женотдела.

Ф. Р-21 – Пролетарский райком КПСС гор. Ростова-на-Дону.

Оп. 1. Д. 3а. Протоколы №№ 16–33 общих районных собраний членов и кандидатов РКП (б).

Ф. Р-2783 – Верхне-Донской окружной комитет РКП (б), Донская область.

Оп. 1. Д. 48. Протоколы №№ 1–14, 1–16, 19–29, 31–38, 1–11, б/н (21 апреля) заседаний бюро окружкома и объединенного заседания бюро и президиума окрисполкома.

Оп. 1. Д. 57. Информационная отчетность о деятельности окружкома РКП (б).

Ф. Р-2784 – Ростовский н/Д окружной комитет РКП (б), Донская область. Общее делопроизводство.

Оп. 1. Д. 23. И нформационная отчетность секретаря окружкома РКП (б) о деятельности окружкома РКП (б). Письма секретаря окружкома РКП (б) Донскому РКП (б) о положении в партийной организации в связи с голодом, о создании хлебного партфонда.

Ф. Р-4 – Донской областной комитет РКП (б)

Оп. 1. Д. 84. Протоколы заседаний бюро Донского областного комитета РКП(б) №№ 1, 2, 4–22.

Оп. 1. Д. 134. Протоколы №№ 3–24 заседаний бюро Донского областного комитета РКП (б).

Ф. Р-6 – I Донской окружной комитет РКП (б).

Оп. 1. Д. 15. Протоколы заседаний Пленумов и окружного комитета РКП (б).

Оп. 1. Д. 17. Протоколы № 1–31 исполнительного бюро.

Оп. 1. Д. 23. План работ организационно-инструкторской и агитационно-пропагандистской работы за февраль, май, июнь, июль месяцы; информационные доклады, отчеты о работе комитета РКП (б) I Донского округа за январь – декабрь месяцы.

Ф. Р-71 – Морозовский окружной комитет РКП (б).

Оп. 1. Д. 5. Протоколы №№ 11–17, 22–34, 1–29 заседаний бюро окружкома.

Оп. 1. Д. 7. Отчеты о работе окружного комитета РКП (б) за март – декабрь месяцы.

Ф. Р-75 – Донецкий окружной комитет РКП (б).

Оп. 1. Д. 26. Протоколы заседаний бюро окружного комитета РКП (б)

Оп. 1. Д. 29. Отчеты о работе окружного комитета РКП (б)

Ф. Р-79 – Каменский райком ВКП (б)

Оп. 1. Д. 8. Протоколы заседаний бюро Волпарткома КП(б)У №№ 1–6, 2–24 и протокол общего партсобрания.

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области) (Архив УФСБ РФ по РО)

Д. П-13511. Дело по обвинению Григорьева Андрея Александровича. 1920 г.

Д. П-52135. Дело по обвинению Корытченкова Михаила Николаевича и других. 1920 г.

Д. П-53110. Дело по обвинению А.К. Трифильева и других. 1923 г.

Д. П-53478. Дело по обвинению Королева Ильи Ильича. 1921 г.

Д. П-53623. Дело по обвинению Боровкова Ивана Андреевича и других. 1921 г.

Д. П-53837. Дело по обвинению Алексекева Алексея Антоновича. 1920 г.

Д. П-59205. Т. 8. «Армия спасения России». Контрреволюционная организация князя Ухтомского. 1920 г

Д. П-60461. Дело по обвинению Багалдина П. и других. 1920 г.

Д. П-6158. Дело по обвинению Долговского Митрофана Михайловича. 1921 г.

Д. П-9455. Дело по обвинению Попова Александра Харитоновича. 1920 г.

Д. П-9456. Дело по обвинению Сальского Павла. 1920 г.

Опубликованные источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТГУ, 1994. – 1063 с.

2. *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 408 с.

3. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. В 2-х кн. / Изд. подготовили Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. (Серия «Архивы Кремля»). Кн. 1. – 600 с.

4. Два месяца работы. Отчет о деятельности Донского областного Исполнительного Комитета. 2 марта – 2 мая 1917 года / Сост. А. Петровский. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. – 16 с.

5. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. В 2-х кн. М.: «ПРОПИЛЕИ», 1995. Кн. 1. 400 с.

6. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1016 с.

7. Табуницикова Л.В., Шадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сб. документов. Ростов н/Д, 2013. – 504 с.

8. Табуницикова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сб. документов и материалов. Ростов н/Д: Антей, 2015. – 640 с.

9. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во ББИ им. ап. Андрея, 1996. – 352 с.

10. Шадрина А.В. Табуницикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год. Сб. документов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 417 с.

11. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / Сб. документов под ред. Ю.А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. – 372 с.

Публикации в периодических изданиях

Донские епархиальные ведомости

1. Криничка // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 11–12. С. 459–466.

Донской православный вестник

2. Прибытие в г. Новочеркасск Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского // Донской православный вестник. 1915. № 3. С. 129.

3. Сорокалетие священнослужения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Митрофана, Архиепископа Донского и Новочеркасского // Донской православный вестник. 1917. № 4. С. 104

Донская христианская мысль (ДХМ)

4. Воззвание Преосвященного Гермогена, епископа Аксайского о построении храма «Нерушимая стена» // ДХМ. 1919. № 36–37. С. 389.

5. Выборы и чествование первого выборного войскового атамана // ДХМ. 1917. № 2. С. 26.

6. Депутаты от Донской епархии на Поместный собор // ДХМ. 1917. № 8. С. 124.

7. *Донецкий Т., прот.* Донской церковно-епархиальный совет и его деятельность в первые два месяца // ДХМ. 1917. № 5. С. 72.

8. Донское епархиальное собрание // ДХМ. 1917. № 40–41. С. 420–421.

9. Епархиальное выборное собрание // ДХМ. 1919. № 10. С. 154.

10. Закон об установлении окладов содержания православному духовенству Донской епархии // ДХМ. 1919. № 36–37. С. 390–391.

11. К читателям // ДХМ. 1917. № 1. С. 1.

12. *Кожин А.* Жатвы много, делателей мало. (Письмо из деревни) // ДХМ. 1917. № 10. С. 147.

13. *Кожин В.* Южно-русский церковный собор // ДХМ. 1919. № 25–26 (23–30 июня). С. 283–285.

14. *Кожин В., свящ.* К открытию высшего церковного управления на Юге России // ДХМ. 1919. № 25–26. С. 273.

15. [*Лобов Захария, прот.*]. Светлый и радостный день на Дону // ДХМ. 1919. № 27. С. 295–287.

16. *Лобов З., прот.* Пятидневный крестный ход в г. Новочеркасске // ДХМ. 1917. № 25. С. 392.

17. *Михин В., свящ.* Дневник священника. Разговоры о жалованье // ДХМ. 1919. № 42–43. С. 432–434.

18. Надгробное рыдание // ДХМ. 1917. № 24. С. 374.
19. О назначении новых членов консистории // ДХМ. 1917. № 4. С. 60.
20. Об удалении епископов // ДХМ. 1917. № 7. С. 105.
21. Освящение места под храм Спасения Дона // ДХМ. 1919. № 38–39. С. 407.
22. От Донского Епархиального совета // ДХМ. 1919. № 34–35. С. 355.
23. Отношение канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Высокопреосвященнейшему Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому // ДХМ. 1917. № 5. С. 76.
24. Панихида // ДХМ. 1917. № 5. С. 72.
25. Порядок церковного служения во дни народного покаяния 2–4 августа 1918 г. // ДХМ. 1919. № 36–37. С. 380.
26. Приветственное слово председателя градского пастырского собрания протоиерея Тихона Донецкого Чрезвычайному донскому епархиальному съезду представителей духовенства и мирян в день его открытия 25 апреля 1917 года // Донская христианская мысль. 1917. № 1. С. 14.
27. Протокол № 1 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 25 апреля 1917 г. // ДХМ. 1917. № 1. С. 15.
28. Протокол № 2 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян, бывшего 26 апреля 1917 г. // ДХМ. 1917. № 1. С. 29–30.
29. Протокол № 3 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 27 апреля 1917 г. // ДХМ. 1917. № 2. С. 31.
30. Протокол № 4 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 28 апреля 1917 года // ДХМ. 1917. № 5. С. 76.

31. Протокол № 5 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 29 апреля 1917 года // ДХМ. 1917. № 5. С. 77.

32. Протокол № 6 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 1 мая 1917 г. // ДХМ. 1917. № 5. С. 79.

33. Протокол № 7 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 3 мая 1917 г. // ДХМ. 1917. № 7. С. 111.

34. Протокол № 9 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 3 мая 1917 г. // ДХМ. 1917. № 10. С. 156.

35. Протокол № 10 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // ДХМ. 1917. № 10. С. 157.

36. Протокол № 11 заседания Чрезвычайного донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 4 мая 1917 г. // ДХМ. 1917. № 1. С. 158.

37. Протокол № 13 заседания Епархиального съезда представителей духовенства и мирян Донской епархии 6 ноября 1917 г. // ДХМ. 1917. № 24. С. 381.

38. Резолюции // ДХМ. 1917. № 25. С. 400.

39. Решимость казаков // ДХМ. 1917. № 23. С. 358.

40. Светлый и радостный день на Дону // ДХМ. 1919. № 27. С. 295.

41. Свобода совести у большевиков // ДХМ. 1919. № 36–37. С. 388.

42. Сообщение о гонениях большевиков (коммунистов) на церковь в Донской области // ДХМ. 1919. № 30–31. С. 324.

43. Указ из Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России № 1 // ДХМ. 1919. № 27. С. 298.

44. Указ из Донского епархиального совета // ДХМ. 1919. № 25–26. С. 286–287.

45. Указ из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому // ДХМ. 1917. № 19. С. 301.

46. Церковь и Россия. Речь кн. Евг. Н. Трубецкого на съезде клира и мирян // ДХМ. 1917. № 1. С. 3.

47. Чрезвычайный епархиальный съезд // ДХМ. 1917. № 1. С. 9.

48. Южно-русский церковный собор. (Исторический материал) // ДХМ. 1919. № 25–26. С. 279.

Советский юг

49. «Суд над Иудой» // Советский Дон. 1920. № 131. С. 4.

50. Борьба с голодом // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1.

51. В станице Старочеркасской // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.

52. Дело «князей церкви». Дело причта Александро-Невской церкви // Советский юг. 1922. 17 мая. С. 1.

53. Дело священника Кравцова (от собственного корреспондента) // Советский юг. 1922. 10 мая. С. 1.

54. Диспут // Советский Дон. 1920. № 131. С. 4.

55. Духовенство, православные и помощь голодным // Советский юг. 1922. 26 января. С. 2.

56. Духовенство, православные и помощь голодным. Статья свящ. А. Трифильева // Советский юг. 1922. 26 января. С. 2.

57. *Егоров И., Митрохин С.* Голодающие, православные, духовенство и свящ. Трифильев // Советский юг. 1922. 28 января. С. 1.

58. Еще о духовенстве и голодающих // Советский юг. 1922. 1 февраля. С. 1.

59. Изъятие церковных ценностей на Дону // Советский юг. 1922. 3 июня. С. 2.

60. К изъятию церковных ценностей // Советский юг. 1922. 14 мая. С. 1.
61. *Крамольников А.* Иже херувимы... // Советский юг. 1920. № 66. С. 1.
62. *Лебедев Д.* Церковь откликнулась // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1.
63. *Н.А.Н.* Церковь и умирающие // Советский юг. 1922. 22 февраля. С. 1.
64. На борьбу с голодом // Советский юг. 1922. 4 января. С. 2.
65. На борьбу с голодом. Беседа т. Калинина с еп. Антонином // Советский юг. 1922. 1 апреля. С. 1.
66. На фронте борьбы с голодом // Советский юг. 1922. 21 января. С. 3.
67. Открытое письмо Трифильеву // Советский юг. 1922. 26 января. С. 1.
68. Голодающие православные, духовенство и священник Трифильев // Советский юг. 1922. 28 января. С. 1.
69. Процесс причта и церковного совета Покровской церкви // Советский юг. 1922. 30 мая. С. 2. 31 мая. С. 2. 31 мая. С. 2. 1 июня. С. 2. 2 июня. С. 3.
70. Процесс причта и церковного совета Покровской церкви // Советский юг. 1922. 2 июня. С. 3.
71. Революционный суд // Советский Дон. 1920. № 86. С. 4.
72. Революционный суд. Священник-контрреволюционер // Советский юг. 1921. 25 января. С. 3.
73. *С.К.* Изъятие ценностей и рабочие // Советский юг. 1922. 25 мая. С. 2.
74. *Сильвин Н.* Как изымаются ценности на Ю.-В. // Советский юг. 1922. 29 апреля. С. 2.
75. Суд над церковной контрреволюцией // Советский юг. 1922. 28 мая. Экстренный выпуск. С. 1–2.
76. Сытым // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1.

77. Церковные богатства – голодающим // Советский юг. 1922. 17 февраля. С. 1.

78. Церковные богатства – голодающим // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1.

79. Церковь и голод // Советский юг. 1922. 26 февраля. С. 1.

80. Церковь и умирающие // Советский юг. 1922. 22 февраля. С. 1. 24 февраля. С. 1.

81. Церковь и умирающие от голода. Из беседы с Арсением, епископом Ростовским и Таганрогским // Советский юг. 1922. 24 февраля. С. 1.

82. Церковь откликнулась // Советский юг. 1922. 18 февраля. С. 1.

Трудовой Дон

83. *Викторов М.* Раскол церкви и трудящиеся // Трудовой Дон. 1922. 23 мая. С. 1.

84. Воззвание против «князей церкви» ростовского духовенства // Трудовой Дон. 1922. 17 мая. С. 1.

85. Донской епархиальный съезд // Трудовой Дон. 1923. 7 февраля. С. 2.

86. Изъятие церковных ценностей в Старочеркасске // Трудовой Дон. 1922. 13 мая. С. 1.

87. Изъятие церковных ценностей в Ростове // Трудовой Дон. 1922. 14 мая. С. 1.

88. Изъятие церковных ценностей в Ростове // Трудовой Дон. 1922. 21 мая. С. 1.

89. Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. 27 мая. С. 1.

90. Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. 2 июня. С. 1.

91. Изъятие церковных ценностей в Ростове. Арест епископа Арсения // Трудовой Дон. 1922. 9 мая. С. 1.

92. *Л.-Р.* Поход ростовского духовенства против «князей церкви». (Из беседы Временного Исполбюро по делам Ростовской епархии) // Трудовой Дон. 1922. 30 мая. С. 1.
93. *Н.* Поход против «князей церкви». (По телефону из Новочеркасска) // Трудовой Дон. 1922. 23 июня. С. 1.
94. На борьбу с голодом // Трудовой Дон. 1922. 9 мая. С. 1.
95. На борьбу с голодом. Среди духовенства произошел раскол // Трудовой Дон. 1922. 5 мая. С. 1.
96. *Погодин Н.* На скамье подсудимых. (По телефону из Азова от нашего спецкорреспондента) // Трудовой Дон. 1922. 13 июня. С. 1.
97. *Погодин Н.* Новочеркасский процесс Александровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 16 мая. С. 1.
98. *Погодин Н.* Суд над причтом Покровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 1 июня. С. 2.
99. Под флагом «живой церкви» // Трудовой Дон. 1923. 4 февраля. С. 5.
100. Подготовительная работа (беседа с тов. Мураловым) // Трудовой Дон. 1922. 14 марта. С. 1.
101. Поход ростовского духовенства против князей церкви // Трудовой Дон. 1922. 20 мая. С. 2.
102. Поход ростовского духовенства против «князей церкви» // Трудовой Дон. 1922. 2 июня. С. 1.
103. Поход духовенства Донской области против «князей церкви». Обращение исполнительного комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня. С. 2.
104. Преосвященнейшая контр-революция перед судом // Трудовой Дон. 1922. 22 августа. С. 1.
105. Приказ Донисполкома № 102 // Трудовой Дон. 1922. 14 марта. С. 1.
106. Процесс причта новочеркасской Александровской церкви // Трудовой Дон. 1922. 18 мая. С. 2. 19 мая. С. 1. 21 мая. С. 2.

107. Расхищение церковных ценностей и духовенство // Трудовой Дон. 1922. 23 апреля. С. 1.

108. Суд над еп. Арсением. Приговор // Трудовой Дон. 1922. 1 сентября. С. 2.

109. Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 24 августа. С. 2.

110. Суд над епископом Арсением // Трудовой Дон. 1922. 30 августа. С. 3.

Советский Дон

111. О казачьих предрассудках // Советский Дон. 1920. № 177. С. 2.

Жизнь

112. Мученики // Жизнь. 1919. № 65. С. 2.

Коммунист

113. Отдел Агитации и Пропаганды при Донкоме Р.К.П. // Коммунист. 1920. № 57. С. 1.

Мемуары

1. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. Мн.: Харвест, 2002. – 464 с.

2. *Краснов П.* Всевеликое войско Донское // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 655 с.

3. *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. – 701 с.

4. *Зеньковский В., прот.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания / публикация текста и редакция М.А. Колерова. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 237 с.

Справочные издания

1. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006. – 925 с.
2. Справка об изменениях административно-территориального деления края с XVIII века // Государственный архив Ростовской области. Путеводитель. Ростовское книжное издательство, 1961. С. 463–466.
3. *Шадрина А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии конец XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д: Антей, 2014. – 440 с.

Диссертационные исследования

1. *Шершнева-Цитульская И.А.* Правовой статус Русской Православной Церкви в советском государстве (1917–1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. – 225 с.

Литература

1. *Агеев Е.А., священник.* Православная Церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930). М.: Изд-во «Спасское дело», 2019. – 253 с.
2. *Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. – 222 с.
3. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. – 304 с.
4. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы: [Взаимоотношения Сов. государства и религии]. М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
5. *Алтыспаева Г.А.* Архивные источники о реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Казахстане в 1920-е

годы (на материалах Акмолинского уезда) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 39–54.

6. *Аристова К.Г.* Декрет об отделении церкви от государства от 20 января 1918 г. и обновленчество в Пензенской епархии: первые уроки советской власти // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 306–312.

7. *Беглов А.Л.* Советское законодательство в отношении Русской Православной Церкви 1920–1940-х годов: колебания границы легальности // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. – С. 211–128.

8. *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: ПСТГУ, 2010. – 250 с.

9. *Бирюкова Ю.А.* Позиция Юго-восточного Русского Церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5 (60). – С. 9–17.

10. *Бирюкова Ю.А.* Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2010. – 172 с.

11. *Бирюкова Ю.А.* Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 г. в документах Государственного архива Российской Федерации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 4 (95). С. 105–110.

12. *Васильева О.Ю.* О церковном праве в новейший период истории Русской православной церкви // Религии мира: История и современность. М.: Наука, 1982. С. 219–234.

13. *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М.: Соратник, 1994. – 270 с.

14. *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. – 128 с.

15. *Венков А.В.* Красные и белые донские казаки в 1918 г. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 7–11.

16. *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Борьба партии за трудовое казачество (1917–1920 гг.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. – 151 с.

17. *Вытнов В.К.* «Из Санкт-Петербургской духовной академии в Донскую епархию...» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 53–59.

18. *Горбачев Д.А.* Донская Голгофа. Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг. Ростов н/Д: Росиздат, 2008. 208 с.

19. *Гражданов Ю.Д.* Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. – 240 с.

20. *Грищенко А.Н.* «Сбор продналога тормозится операциями мелких банд»: повстанческое движение в Донской области летом 1921 г. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 510–519.

21. *Дворецкая А.П.* Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1917–1918 гг.) // Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв. Материалы II краеведческих чтений. 2000. С. 58–64.

22. *Дьяконов Л.П.* Советские законы о церкви. Л.: Ленгиз, 1926. – 55 с.

23. *Ермаков В.Д.* Временное правительство (1917 г.) как феномен российской политической культуры. Санкт-Петербург: «АВРОРА», 2017. – 256 с.

24. *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. – 208 с.

25. Извлечение из отчета о состоянии Донской духовной семинарии по учебной и нравственной частям за 1892–1893 учебный год // *Кириллов А.* Празднование двадцатипятилетия Донской Духовной семинарии: 1 октября 1893 г. – Новочеркасск: «Донская типография», 1893. С. 26–43.

26. История Донского края. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971. – 341 с.

27. *Кандидов Б.* Религиозная революция 1912–1920 гг. и интервенция. (Очерки и материалы). М.: Изд-во общества «Безбожник», 1930. – 148 с.

28. *Кашеваров А.И.* Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. – 327 с.

29. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 437 с.

30. *Киреева Н.А.* Реализация декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Башкирской АССР в 1920-е гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 115–118.

31. *Кириллов А.* Краткая историческая записка о Донской духовной семинарии за 1868–1893 г., прочитанная на акте 1 октября 1893 года, в день исполнившегося 25-летия существования семинарии // *Кириллов А.* Празднование двадцатипятилетия Донской Духовной семинарии: 1 октября 1893 г. Новочеркасск: «Донская типография», 1893. С. 1–26.

32. *Козлов Ф.Н.* Отделение церкви от государства: реализация декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. в Марийском, Мордовском и Чувашском краях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 92–101.

33. *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. – 248 с.

34. *Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е.* «Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. 2014. № 34(4). С. 639–644.

35. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. – 670 с.

36. *Леонтьева Т.Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 29–43.

37. *Лысиков А.А., прот.* «Он знал, что большевики злы на него...»: новые документы о судьбе православного духовенства Ростова-на-Дону в 1918 году // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. 2019. № 3 (203). С. 54–59.

38. *Макаров Ю.Н.* Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Православная Российская Церковь (1919–1927 гг.). Сочи: СГУТиКД, 2007. – 252 с.

39. *Макаров Ю.Н.* Русская православная церковь в условиях советской действительности (1917 г. – конец 1930-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. – 382 с.

40. *Маштафаров А.В.* Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. XV. С. 667–678.

41. *Макаров Ю.Н.* Практика реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2009. № 1(7). С. 186–194.

42. *Никитин Д.Н.* Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. XXI. С. 661–668.

43. *Одинцов М.* Золото Льва Троцкого // Религия, церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень. РАГС. № 6. М., 1995. С. 53–65.
44. *Одинцов М.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
45. *Олещук Ф.* К 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви // XX-летие отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 25–36.
46. Очерки истории партийных организаций Дона. В 2-х т. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное изд-во, 1972. Т. 1. – 245 с.
47. *Петюкова О.Н.* На пути исторического выбора: советское законодательство об отделении церкви от государства // Вестник Финансовой академии. 2008. № 1 (45). С. 86–95.
48. *Попов Н.С.* Из истории отделения церкви от государства в Марийском крае // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 45–60.
49. *Путинцев Ф.* Церковь и государство // XX-летие отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 20–25.
50. *Регельсон Л.* Трагедия Русской церкви: 1917–1945. М., 1996. – 632 с.
51. *Римский С.В., Багдасарова Ж.Р.* Временное Высшее церковное управление на Юго-Востоке России // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 507–510.
52. *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
53. *Сидоренко Д.И.* Реализация декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на Алтае (1917–1921 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2 (9). С. 87–90.

54. *Сипейкин А.В.* Антирелигиозная и антицерковная политика советской власти: 1917–1920 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 4. С. 16–38.

55. *Скорик А.П.* Идея донской Казаки на фоне разлома российской государственности в 1917–1919 года // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Сб. научных статей / под ред. А.Н. Грищенко. Новочеркасск, 2019. С. 43–48.

56. *Трут В.П.* Гражданская война на Юге России: специфика политического и военного противостояния на начальном этапе // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 121–122.

57. *Фабинский М.В.* Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, его реализация в Петрограде (По материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2. С. 200–207.

58. *Филиппов Б.А.* Очерки по истории России. XX век. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 720 с.

59. *Хмелевский К.А., Хмелевский С.К.* Буря над тихим Доном: Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984. – 176 с.

60. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. 816 с.

61. *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М.: Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, 1996. – 442 с.

62. *Шадрина А.В.* «Секретные» дела Донской духовной консистории как источник по истории донского духовенства времени первой русской революции // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3. С. 113–120.

63. *Шадрина А.В.* История Донской духовной семинарии. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 408 с.

64. *Шадрина А.В.* Обновленческий раскол на Дону и деятельность «архиепископа» Мелхиседека (Николаева) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 44–50.

65. *Шадрина А.В.* Особенности отношения советской власти к приходскому духовенству Донской области в 1920 г. // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 206–211.

66. *Шадрина А.В.* Особенности положения Донской и Новочеркасской епархии в Донской республике в 1918–1919 гг. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–21 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 49–55.

67. *Шадрина А.В.* Под властью исполкомов. Донское духовенство в 1917 году // Донской временник. Год 2018-й. Вып. 26. Краеведческий альманах. Ростов-на-Дону, 2017. С. 85–87.

68. *Шадрина А.В.* Приходское духовенство Области войска Донского в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2: сб. науч. ст. / сост. С.Б. Борисов, Н.Ф. Чипинова; отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 105–115.

69. *Шадрина А.В.* Профессор П.В. Верховский – исследователь истории Русской Церкви // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 2. С. 105–112.

70. *Шивина Е.И.* Проведение декрета по отделению церкви от государства в Ярославской губернии в 1918 г. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3 (25). С. 13–16.

71. *Шкаровский М.В.* Ермоген (Максимов Григорий Иванович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVIII. С. 660–663.

72. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

73. *Ярославский Е.* Пролетарская революция и церковь // XX-летие отделения церкви от государства. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1938. С. 3–10.

Электронные ресурсы

1. *Бирюкова Ю.А.* Советское государство и Церковь в 1920–1930-е годы: Характер от ношений на местах (На материалах архивов Ростовской области). // Гуманитарные и социально–экономические науки. 2009. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hsesonline.ru/2009/06/09_00_13/01.pdf (дата обращения: 13.10.2020).

2. Казачество: единство, Церковь, Родина (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на V Международном конгрессе казаков). Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4245143.html> (дата обращения 20.10.2020).

3. *Крячко Н., прот.* Архив Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.sedmitza.ru/data/2012/06/27/1237054930/2012_1_2_04.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

4. Сараева Г.Н. Духовно-нравственные традиции казачества, их специфика и влияние на современное российское общество: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: // <https://www.dissercat.com/content/dukhovno-nravstvennye-traditsii-kazachestva-ikh-spetsifika-i-vliyanie-na-sovremennoe-rossiis/read> (дата обращения 20.10.2020).

5. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://graph.document.kremlin.ru/documents/1644521?items=1&page=3> (дата обращения 20.10.2020).

6. Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». ГАРАНТ-РУ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения 20.10.2020).

7. *Футорянский Л.И.* Казачество России в огне Гражданской войны (1918-1920 гг.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://docsportal.net/30183/> (дата обращения: 29.09.2019).